

Титул - дизайн

УДК 323 (470+571)
ББК 66.3(2Рос)
М 33

Исключительное право публикации книги Олега Матвейчева «Повелительное наклонение истории» принадлежит ООО «Издательство «Эксмо». Выпуск произведения или его части без разрешения издателя считается противоправным и преследуется по закону.

Дизайн переплета

Книга издана при участии
ООО «Издатель Пудовкина Людмила»

Матвейчев О.

М33 Что делать, Россия? Прорывные стратегии Третьего тысячелетия. — М.: Эксмо, 2011. — 000 с.

ISBN

Эта книга для тех, кто не готов сломаться под воздействием всяческих кризисов, катаклизмов, переломных моментов. Для тех, кто ищет пути решения проблем и живет по принципу: делай, что должен, и будь что будет.

Олег Матвейчев, известный политолог, не согласен с мнением, все более набирающим силу, что все у нас в стране и в мире плохо, ничего нельзя сделать, людям остается только сидеть и дожидаться, когда еще чего-нибудь плохого власть придумает. Поэтому он предлагает несколько эффективных стратегий решения глобальных и государственных проблем, в которых каждый из вас может принять участие или стать организатором.

УДК 323 (470+571)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN

© ООО «Издательство «Эксмо», 2011

СУВЕРЕНИТЕТ ДУХА

Все, наверное, помнят одно из центральных событий последних лет: смерть Папы Римского — Иоанна-Павла II. В Ватикан съехались миллионы паломников. Миллиард католиков по всему миру ощутили, что произошло событие, касающееся их лично. Главы практически всех государств (в том числе мусульманских и вообще не имеющих в традиции авраамических, библейских традиций) лично прилетели проводить в последний путь человека, пользовавшегося в мире огромным авторитетом.

Честно говоря, умерший понтифик не заслуживал и тысячной доли выпавших ему почестей (он принес много вреда не только России, но главным образом самому католичеству), тем более удивительно все, что происходило.

Ватикан не обладает экономической мощью, он живет на «пожертвования». Он владеет акциями, но вряд ли жизнь рантье — свидетельство экономического лидерства. Ватикан не обладает военной мощью, несколько сот швейцарских гвардейцев не в счет. Ватикан не имеет атомной бомбы и лишен так называемого «ядерного суверенитета», у него нет места в совете Безопасности ООН.

Политическая система Ватикана тоже не является эталоном цивилизованности. Всякому приличному государству полагается быть демократией, а Ватикан — абсолютная (даже не конституционная!!!) монархия.

Однако никто не причисляет Ватикан к «оси зла», к странам-изгоям, не грозит ему бомбежками, не разворачивает на его территории широкую сеть институтов и фондов, НГО и НКО. На Ватикан не транслируются передачи Радио «Свобода» на латинском языке, не проводятся международные конференции под лозунгом «Последний диктаторский режим Европы». В отличие от Лукашенко, папу не дразнят «батькой», хотя ему бы эта кличка больше подошла.

Подобные «недружественные» действия, попытки хоть как-то воздействовать на суверенитет Ватикана, а тем более, лишить его суверенитета сразу бы вызвали огромную реакцию по всему миру. Почти миллиард католиков, как минимум, взволновались бы, и уж среди них наверняка бы нашлось несколько миллионов, готовых пожертвовать жизнью в войне с любым агрессором.

Кто-то может возразить, мол, зачем лишать Ватикан суверенитета, ведь победитель не получит трофеев, да и само это государство весьма безобидное, ни на кого не покушающееся...

Это, безусловно, не так. Ватикан сыграл серьезную роль в разрушении СССР, а если смотреть дальше, вглубь веков, то обнаружится, что римские Папы были одними из крупнейших геополитических игроков в Истории. Минимум три нашествия, в результате которых Россия могла потерять суверенитет (поход Ливонского ордена, поход Мамаия, польская интервенция), организовал Ватикан. Что касается трофеев, то сокровищницы Ватикана являются самым большим в мире хранилищем культурных и антикварных ценностей. Так что и повод, и причину для агрессии и лишения Ватикана суверенитета найти можно.

Но никто не лишает Ватикан суверенитета, более того, никому даже в голову не приходит столь безум-

ная мысль. Мысль о завоевании богатой страны приходит часто. О завоевании слабой или даже сильной страны (хотя бы из чувства безопасности, как игра на опережение), тоже не редкость. А вот по поводу Ватикана... Ни в одном генштабе не написан план соответствующей операции.

В чем же дело? Получается, самый твердый, непробиваемый гарантированный суверенитет держится не на силе, не на экономической мощи, не на атомной бомбе, а на духе. Суверенитет Ватикана держится только на том, что это — центр католичества, мировой религии.

Напрасно кто-то думает, что речь идет только о Ватикане как о чем-то из ряда вон выходящем или экзотическом. Сущность любого феномена не есть нечто абстрактно-всеобщее, витающее над представителями данной сущности. Существенное и всеобщее фигурирует, как правило, в качестве особенного наряду с другими особенными. Мы не получим никогда сущность суверенитета, взяв 150 государств и пытаясь путем отвлечения создать общее понятие. Напротив, взяв одно государство, которое выглядит как ИСКЛЮЧЕНИЕ из правила, мы поймем и само правило.

Все, что сказано о Ватикане, еще в большей степени применимо к любой другой суверенной стране, и тем больше, чем более она суверенна. Это относится, например, к Саудовской Аравии. США из соображений экономической безопасности, может быть, давно бы уже захватили весь Аравийский полуостров, который хранит в себе запасы 50 % самой дешевой и качественной мировой нефти. Но не экономическая и военная мощь останавливает США. Мекка — центр мировой религии. Представьте, сколько «Боингов» полетит на всевозможные всемирные торговые центры, сколько

пакетиков с порошком сибирской язвы отправится по почте в случае какого-либо военного поползновения! Мекка — залог нынешнего и будущего суверенитета арабов.

Точно так же и сам Вашингтон является «Ватиканом демократической религии», и он решает, что является демократией, а что — ересью. Там находится «золотой эталон» демократии, как в палате мер и весов. И всякий, кто принял этот демократический дискурс, кто принял эти правила игры, уже не суверенен. Он может быть сколь угодно демократичным, но если Вашингтону что-то не понравится, «еретик» будет вынужден «идти в Каноссу».

Пока используем чужой дискурс, мы рабы того, кто этот дискурс создал или присвоил себе право говорить от имени создателя. Поэтому «суверенная демократия», о которой сейчас много разговоров, возможна только для Вашингтона.

Представьте, как в глазах католиков выглядел бы тот, кто заявил, что в его стране «суверенное католичество», объявил себя папой и сказал бы, что у него нет разногласий с Папой Римским по догматическим вопросам, нет различий в богослужении, но поскольку он «суверенный католик», то решения будет принимать сам...

Да суть католичества как раз в том, что Папа Римский — главный католик. Поэтому католики всего мира, несмотря на отсутствие догматических разногласий и даже различий в богослужении, тут же объявят «суверенного католика» еретиком. Точно так же Россию, будь она хоть в сто раз демократичнее всех демократий мира, ее все равно объявят НЕ-демократией, как только она всерьез (а не в декларациях) станет действовать вразрез с повелениями Папы Вашингтонского. Что, собственно, и происходит.

Сейчас, правда, на центр «мировой демократической религии» претендует Европейское Сообщество. Как такое возможно?

Все проблемы Вашингтона и США начались с того, что они перестали быть духовным авторитетом для народов мира. Сколько бы США ни демонстрировали политкорректность, спецоперации ЦРУ, удары по Югославии, Афганистану и Ираку окончательно похоронили миф о том, что Америка — это страна-освободительница. Новая империя — да, мировой жандарм — да, тот, кто берет силой, а не соблазном, — да.

Америка пытается соблазнить, но ее фокусы сродни тем, что все уже видели на ярмарке. При слове «демократия» вздымается грудь только у самых провинциальных и отсталых народов. Остальные хотят большего. И чем меньше Америка способна соблазнять, тем больше она пользуется насилием, а чем больше насилует, тем меньше способна соблазнять. Теряется духовный авторитет, теряется власть. Ведь настоящая власть там, где не требуется насилие. Наоборот, применение силы говорит, скорее, о слабости.

Когда-то «Меккой и Ватиканом мирового коммунизма» была Москва. Именно здесь решали кто коммунист, а кто ренегат и ревизионист. Так было до тех пор, пока мы не перестали быть духовным авторитетом и сделали ставку на танки и ракеты (то в Венгрии, то в Чехии, то в Афганистане). Кто и когда решил, что сила государства зависит от оружия и армии, а не от способности очаровывать, не от духовного влияния? Тот, кто это решил, тот и угробил СССР. Сейчас мы вообще играем по чужим правилам, и значит, мы не суверены.

Суверенитет — это только духовный суверенитет. Такой суверенитет духа лучше всякой армии, атомной бомбы и экономики. Разговоры про то, что атомное

оружие гарантия суверенитета — ерунда. Если в стране правит элита, хранящая деньги за рубежом, она никогда и не подумает воспользоваться оружием для удара по загранице, где лежат ее деньги, в целях сохранения суверенитета. А значит, если элита духовно живет в другом месте и духовно порабощена, любое оружие в ее руках бесполезно. Это все равно что оружия нет.

Да что деньги! Никакой атомной бомбы нет, если нет человека, у которого хватит духа нажать на кнопку в случае чего. В России, например, уже лет 40 нет руководства, способного на это. Горбачев, который сдал страну, просто был последователен: он знал, что никогда не нажмет ни на какие ядерные кнопки. Он был восхищен Западом, похищен им.

Как ни велики наши военные победы, суверенитет, который держится силой оружия, — недостаточен, нестойк, временен и является только предпосылкой подлинного духовного суверенитета. Гарантированно суверенен тот народ, чей суверенитет никто не только не может, но и не хочет поколебать. А это возможно только когда народ обладает ценностью в глазах других народов, когда он уникален, незаменим и неповторим, несет миссию, нужную всем другим народам. Когда он, говоря языком рынка, имеет «уникальное торговое предложение», «уникальное позиционирование» в духовном смысле.

Нам говорят, Россия строит демократию. Зачем? Чтобы быть еще одним сто двадцать пятым демократическим государством? Что в мире изменится, если одной «демократией» станет меньше или больше? То, что валяется на каждом углу, никто не ценит. Если мы повторяем вслед за Вашингтоном его лозунги и заклинания, то почему хотим, чтобы Грузия и Украина повторяла их за нами? Они желают первый сорт, поэтому

будут слушать Америку. Другое дело, что слова американцев — тухлятина, а вот что-то свежее никто еще в мире не предложил.

Когда я однажды высказал это, один демократ мне тут же выставил остроумное, как ему казалось возражение: демократия, дескать, как газ на кухне — просто условие жизни, тут не нужно уникальное торговое предложение. Ценности демократии вне конкуренции, это что-то общепризнанное и простое.

Сравнение с газом на кухне явно некорректно, но даже если признать это сравнение, оно обернется не в пользу демократов. Ведь газ когда-то закончится! А если не будем искать альтернативные виды топлива и энергии, рискуем остаться без отопления. Как есть совершенствование в области энергетики, так тем более есть совершенствование в общественных науках и практике. Демократия — устаревшая и мало когда работавшая фикция.

Суверенность сегодня понимают часто как следование собственным интересам всегда и везде. Но на самом деле стратегия следования в политике принципам прагматизма разрушает государство, уничтожает суверенитет.

Когда-то Пальмерстоун заявил, что у Англии нет вечных друзей и врагов, а есть вечные интересы. Красиво сказано. Но к чему привела такая логика? Великобритания, империя, «над которой не заходило солнце», значила для XIX века больше, чем США для XX века. А чем все закончилось? Великобритания стала еще одним «демократическим государством». Страной, до сих пор не суверенной, об исчезновении которой можно было бы пожалеть разве что в связи с рок-музыкой. Вот к чему ведут гениальные геополитики, следующие вечным интересам. К такому же финалу приведут США и ны-

нешние игроки на мировых «шахматных досках» типа Бжезинского.

Но если столь печальная участь уготована гениальным геополитиком, что ждать не гениальным? А ведь они всерьез твердят о «прагматизме», о подходе с «позиции национальных интересов»...

Отношения между государствами можно представить на примере отношений между знакомыми. Если кто-то вдруг заявит, что он всегда и везде следует собственным интересам, если на любую вашу просьбу отвечает: «А что я буду с этого иметь?», вряд ли такой человек будет вам другом, вряд ли вы его станете любить, вряд ли пожалеете, если он выпадет из вашего поля зрения. Нет, конечно, вести себя, исходя из собственных интересов, — его право. Но почему у того, кто пользуется этим правом, дурная репутация? Почему привычка «качать права» считается отвратительной, неблагородной, низкой?

Да неужели непонятно, что заявки о наших «национальных интересах» никому неинтересны, кроме нас и, более того, провоцируют других сразу думать о своих национальных интересах в противовес нашим?

Как честность и откровенность вызывают ответную честность и откровенность, так хитрый блеск в глазах собеседника провоцирует ответную хитрость: ты меня хочешь обмануть, значит, идешь на риск быть обманутым, ну и не обижайся, если я тебя обману!

В ситуации, когда каждый борется за себя, когда идет война всех против всех, никакой суверенитет не может быть устойчивым, никакая коалиция не вечна, все преимущества, сила и власть — временны.

Военная мощь, материальные богатства — все это временный ресурс, а ставка на временное дает лишь временное преимущество. Если кто-то хочет непоко-

лебимого суверенитета, то он должен ставить на вечное, на Дух.

Тот, кто хочет быть сувереном, гарантированным сувереном, тот должен обеспечить себе такое место в мире, когда другие государства предпочтут умереть сами или нанести вред себе, нежели покуситься на того, кого считают воплощением некой духовной ценности.

И не говорите, что так не бывает. Ющенко и Саакашвили идут против прагматических интересов только потому, что верят в западные ценности. Например: Украина теряет от блокады Приднестровья сотни миллионов долларов ежегодно, но поддерживает блокаду просто потому, что Х. Солана попросил об этом украинского главу государства. А разве прибалтийские государства мало потеряли оттого, что транзит российских грузов пошел мимо них? Но они не следуют прагматическим интересам, они ставят выше них западные ценности. У нас Гайдар с Чубайсом разрушили полстраны, но ни одна буква из демократических догм не должна была пострадать!

Ценность в этом случае является неким источником, на который ориентируются, откуда черпают и собственную идентичность (как мусульмане, например, черпают ее в Мекке и Медине). Источник — это ресурс, нечто, отдающее себя, растрачивающееся. Поэтому чтобы быть такой ценностью, надо отдавать, а не брать, надо жертвовать, а не накапливать.

Ж. Батай, пожалуй самый глубокий теоретик суверенности в XX веке, писал, что только там, где прерываются экономические отношения обмена, по принципу «ты мне — я тебе», где возникает потлач, трата, безудержное раздаривание, жертвоприношение, демонстрирующее реальную независимость дарящего духа от даримой вещи, там и есть подлинная суверенность.

Немудрено поэтому, что суверенитет и победа в войне за суверенитет достается тому, кто приносит жертву, а не тому, кто накапливает. В этой связи уместно опровергнуть модное вот уже 40 лет (но неслыханное и чудовищное для современников мая 1945 года) отождествление фашизма и коммунизма. Для всего мира проект фашизма состоял в предельной геополитизации, в предельном желании превратить все нации мира в ресурс для одной. Проект же коммунизма состоял в противоположном: в жертвоприношении одной нации во имя всего мира, в своего рода антигеополитике.

Когда Украина или Грузия заявляет о «прагматичной политике», все понятно: это удел маленькой, заурядной во всех смыслах, несuverенной страны. Прагматизм и права — дело плебеев. Но когда Россия заявляет о «прагматизме в отношениях», она становится с ними на одну доску. Что позволено быку — непозволительно Юпитеру! Юпитер (солнце) дарит свет, а бык жрет и жиреет. Судьба их различна: Солнце будет светить миллиарды лет, а быка отведут на бойню, когда он наберет достаточно веса. Зачем мы мечтаем о судьбе быка?

Россия должна быть благороднее, наши культурные гены, наше великое суверенное прошлое должно противиться тому, чтобы вообще разговаривать (а не только вести переговоры!) с кем-то вроде Украины или стран Балтии, с вассалами других.

О каком авторитете, лидерстве, суверенитете может говорить Россия, если она позволяет себе вступать в разборки базарных торговков, перекрикивающих друг друга, ищущих свою выгоду? На что рассчитывает она, неуклюже толкаясь локтями в борьбе за место под солнцем? Любой выигрыш здесь временный, а проигрыш рано или поздно неизбежен. Это гибельный путь.

Хочешь переиграть другого — будь готов к тому, что с тобой будут играть так же, то есть рано или поздно тебя переиграют. Надо не бороться за место под Солнцем, а самому быть Солнцем, чтобы остальные боролись за место под тобой.

Нужно быть среди тех, кто дает и жертвует. Причем давать надо не материальные ресурсы, а духовный свет. Одна из ошибок коммунизма, как и сторонников языческого потлача, состояла в том, что они давали и жертвовали материальными, денежными и людскими ресурсами. Таким образом демонстрировалась власть духа над материей.

Но материя исчерпаема, даже Солнце когда-нибудь погаснет. Возникла отрицательная зависимость: в какой-то момент жертвующему уже нечем больше жертвовать, и значит, он несостоятелен, не может доказать свою суверенность. И тогда из категории «полезных» для всех реципиентов государство превращается в категорию «ненужных», а затем и «вредных».

Судьба редких животных показывает нам, что наибольшему истреблению как со стороны людей, так и со стороны других видов подвергаются вредные и полезные. Причем полезные даже больше. Если применять это к жизни государств, то Россия соединяет в себе эти качества худшим образом. С одной стороны, она потенциально полезна, поскольку богата ресурсами, с другой — вредна, так как сильна и опасна. Россия — первый кандидат на истребление со стороны других видов. Это доказывается многочисленными нашествиями на ее территорию. Недаром великий мудрец Лао Цзы говорил, что лучше быть не вредным и не полезным, а таким, о котором знают, «что он только существует».

Надо вообще уйти от категорий вредности и полезности и рассмотрения себя как материальный ресурс,

а также добиться, чтобы нас другие не рассматривали с этой точки зрения. Настоящий источник — тот, что никогда не оскудевает, а становится тем больше, чем больше из него черпаешь. То есть источник духовный.

Говорят, в Японии есть закон, согласно которому старые здания раз в 20 лет сносятся, чтобы на их месте построить новые. Но есть исключения: никто не трогает здания, ставшие памятниками искусства. Нам надо создать такое государство, такой образ жизни, который будет своего рода памятником искусства, чтобы ни у кого на него не поднялась рука.

Если государство несет миру некий свет, не требуя ничего взамен, а также дарит духовные ценности, именно оно обеспечивает себя истинным суверенитетом и обладает настоящей духовной властью над одариваемыми и не способными отдариться по причине нищеты духа. Одариваемые просто проникаются даруемым им духом, испытывают головокружительное чувство превосходства над собой прежними и над теми, кто еще не вкусил ничего подобного. Они получают невиданное ранее удовольствие, которое не могут обеспечить сами, они «подсаживаются на иглу» духа и отдают все, в том числе материальные ценности и жизнь, за возможность еще раз припасть к истоку.

Этот исток нам надо создать, этот исток нам надо открыть. Исток, откуда на всех без разбора, на все расы и религии, на все сословия и народы прольется духовный свет, без которого они уже не смогут представить жизнь.

Суверенитет России не в руках экономистов и политиков, не в руках военных и ученых. Он в руках философов, святых, пророков и поэтов.

Идеологией нынешней России считается суверенная демократия. Суверенную демократию как только не обзывают разные остряки: и «суверенной демокра-

тией» и «сувенирной демократией», и уж, конечно, все норовят сказать, что «никаких особых демократий не бывает, а демократия либо есть, либо нет»...

Демократий было много. Полисная рабовладельческая демократия греков — это одно, демократия итальянских городов-государств — второе, демократия Великого Новгорода, где главой вообще-то был епископ, — третье. Демократия ливийской Джамахирии — это четвертое, представительная демократия в США — пятое, плебисцитарная демократия в СССР — шестое. В конце концов, Гитлер в Германии тоже пришел к власти демократическим путем. Да и в США демократия XIX и XX веков, или демократия начала XX века и начала XXI столетия — бесконечно различны.

Концепция суверенной демократии призвана подчеркнуть, что суверенные государства сами устанавливают формы и процедуры, которыми народ будет осуществлять свою власть. А народ данной страны сам является сувереном и определяет себя самостоятельно, а не с помощью чужих стандартов, в том числе запутанных «стандартов демократии».

Такая концепция, безусловно, лучше, чем концепция «управляемых демократий», как в восточно-европейских странах, когда народам навязывают извне формы и стандарты, которым те должны соответствовать, а Брюссель и Вашингтон раздают налево и направо свои оценки, в том числе России, и преподносят их как эталон.

В то же время я скептически отношусь к концепции «народного суверенитета» вообще. Не народ порождает те или иные формы власти и управления, а элиты. Именно элиты берут их из теорий, в том числе из правовых и государственных.

Сейчас в мире господствует демократический стандарт со всеми его вариациями. Это и есть господство

определенной исторической концепции. Мои размышления о суверенитете духа, не отрицая суверенную демократию, идут много дальше и в каком-то смысле противоположны.

Что такое суверенная демократия? В этих словах скрыты: 1) признание некой универсальности демократии; 2) признание некой особенности, ограниченности в ряду этой универсалии нашей специфической демократии. Я делаю два мыслительных жеста, прямо противоположные этим.

Первый жест: отрицание универсальности демократии. Народы не обладают суверенитетом, не будем питать иллюзии. И вообще демократический стандарт устарел в принципе. Именно эта универсалия из банальности и общепризнанности должна быть поставлена под вопрос, подвергнута скепсису. Мы должны породить новую универсалию вместо демократий, новый стандарт вместо общепринятого демократического.

Второй жест: я выступаю не за то, что у нас особая форма, особый угол внутри определенной универсалии, а наоборот, считаю: мы должны выйти из своего угла, не замыкаться в нем, а именно выйти из него и породить новую универсалию для всех.

Наш суверенитет означает не противопоставление своей особенности другим особенностям, а делание своей особенности всеобщностью. Мы должны породить стандарт (вместо демократического) который признают во всем мире! Не обязательно Россия идти особым путем в рамках всеобщей демократии, надо, чтобы наш путь стал всеобщим, в рамках которого другие народы будут искать свою особенность.

Я не изоляционист, а империалист, но империалист духовный. Я не предлагаю навязать всем наш стандарт, я предлагаю создать такой стандарт вместо демокра-

тического, чтобы он был настолько хорош, что его все народы сами примут, сами им соблазняться.

Демократия вовсе не законченная абсолютная истина, а значит, рано или поздно новые универсалии придут ей на смену. Приведем эти новые универсалии в историю мы или будем ждать, когда это сделает кто-то другой, чтобы опять внутри них искать свою особенную форму — вот в чем вопрос! Я считаю, это должны сделать мы. Открыть человечеству новые горизонты вместо того, чтобы искать свой угол внутри уже открытых горизонтов — вот наша задача! Не подражать кому-то, а сделать так, чтобы все нам подражали.

Есть еще одна теоретическая проблема, которая помогает понять, что такое суверенитет духа. Существует давний спор между сторонниками трансцендентализма, который утверждает, что всякий феномен лучше понимается извне, и феноменологии, которая утверждает, что всякий феномен должен познаваться изнутри.

В области политики существует такая же неопределенность. Если почитать западные газеты, пишущие о России, станет ясно, что они, подходящие к освещению событий со своими стандартами извне, ничего в нашей политике и истории не понимают. Следовательно, права феноменология, а значит, некие внешние взгляды на нас должны иметь наше внутреннее происхождение. То есть внешние взгляды — это всего лишь представление одной из наших внутренних партий. Например, оппозиционной партии.

В то же время кажется очевидным, что многие представления наших внутренних партий есть всего лишь трансляция внутрь внешнего взгляда, эти партии выступают пятой колонной других государств внутри страны. Тогда прав трансцендентализм: внут-

ренный взгляд есть лишь интериоризованный внешний взгляд.

В мире, в каждой стране полно людей, смотрящих на себя и свою страну, например, американскими глазами, чужих самим себе. Мы никогда не разберемся с этим противоречием, если не поймем феноменологию как требование, а не как описательную теорию. Лозунг феноменологии «к самим вещам» или «из самих вещей» — императив, требующий создать или открыть внутреннее. Не особую точку зрения в противовес другим точкам, а умение всегда видеть изнутри, из сущности всего мира. Пока страны особым образом будут смотреть друг на друга, они останутся внешними и друг другу, и самим себе. Такой мир как бы вывернут наизнанку.

Сущностный взгляд есть взгляд на все человечество, но не из вне, как это происходит в проекте глобализации, а изнутри. В этом смысле новая универсалия — это не объединяющая абстракция, не надмировые универсальные правила, не общечеловеческие ценности, а некий исторический вызов. Слово «вызов» подразумевает тоже нечто внешнее, поэтому правильнее говорить о культурно-историческом внутреннем толчке.

Мы можем сами инициировать пассионарный толчок. Это не будет похоже на Мюнхгаузена, который сам себя вытаскивает за волосы из болота, потому что дух имеет способность взрываться. Ты только подносишь спичку, а потом ты уже не активист, а уже страдательное существо, ты уже в пассивном залоге, ты заложник, принадлежишь не себе, а этому духу, как и все остальные, которые уже не могут с этим не считаться. Они уже не могут смотреть на себя и других по-старому, они вовлекаются в исторический процесс.

Спичка должна быть поднесена именно к пороху, то есть чему-то существенному в человеке, тому, что

еще не взрывалось. А это не национальные идентичности, не экологические вызовы, не политические, не экономические вопросы и не религиозные сущности, которые себя уже проявили.

Новая революция, если можно так выразиться, не будет политической «за свободы и права» или экономической «за хлеб и землю», «против денег» и против эксплуатации». Не будет она и религиозной, сексуальной, национальной или эстетической. Эта революция, откроет нам новое измерение, которое встанет рядом с политическим, экономическим, национальным измерениями. А может, и отменит их вообще.

ПРОЕКТ И УРОК ПЕТРА ВЕЛИКОГО

С приходом к власти «питерской» команды, многие аналитики всерьез заговорили о возможной реставрации в России так называемого «петровского проекта». Но поскольку в первый срок президентства В. Путина внятной идеологии и стратегии развития России так и не было озвучено, разговоры стихли. Однако, в связи с активизацией творцов и интерпретаторов национальной идеи, а также в связи с необходимостью идеологии для «преемника», разговоры о проекте «Петр Великий — перезагрузка» вновь участились. Этому способствовали и Конгрессы петровских городов (2009, 2010), проводившиеся в Санкт-Петербурге. Между тем, еще далеко не ясно, что означал в свое время сам проект Петра Великого и что означает Петр I для нашей истории. Попытаемся осмыслить этот феномен.

Личность Петра I волновала и волнует умы всех исследователей истории России. Пожалуй, нет фигуры в русской истории более противоречивой, неоднознач-

ной, подверженной диаметрально противоположным оценкам.

Эпоха Петра — своего рода переломная точка между «старой» и «новой» Россией. Недаром советский фильм про петровскую Россию назвали «Россия молодая», словно не было предшествующей почти тысячелетней истории, будто все началось с нуля.

Характеристики Петра самые противоположные. Он и государь, «вернувший Россию на путь цивилизации», совершивший славные победы, расширивший территорию страны, превративший ее в Империю, «прорубивший окно в Европу», давший начала наукам и Просвещению, основавший промышленность. И он же душегуб, и палач, и пьяница, столкнувший Россию с великого собственного пути, подражатель европейцам, гонитель Православия, уничтоживший патриаршество, антихрист, исторический неудачник, так как дело его и мечты оказались непрочными и нереализованными.

Чтобы понять логику Петра и то, что он сделал, надо напомнить, какой он застал Россию, какую миссию она тогда несла, какой кризис ее поразил, и почему требовалось срочно искать новый путь. Только так мы сможем понять, абсурдные и самоедские ли были действия первого русского Императора.

На первый взгляд, деяния Петра иначе как предательством не назовешь. Ведь он упразднил патриаршество, поразил в правах Православную церковь, которая была сердцем и организатором борьбы с монгольским игом, вела миссионеров на Восток и расширяла пределы России. Церковь дала миссию, идеологию Московскому царству, которое внушило уважение и страх всей Европе. Церковь была организатором ополчения против панской Польши, силы которой вдвое превосходили силы России. Наконец, церковь

поставила на престол Романовых. И вот что получила вместо благодарности! За это многие славянофилы ненавидят Петра и повторяют вслед за современниками, что он антихрист. Кто, как не антихрист, мог сгубить «Святую Русь», как теперь принято называть Русь допетровских времен.

Россия как носительница «истиной православной веры», Святая Русь действительно существовала, если не со времени принятия христианства, то уж точно со времени начала монгольского ига, которое спровоцировало процесс усиленной самоидентификации. Россия в XII-XV веках, образно говоря, покрылась сетью церковью и монастырями, стала страной с невиданной духовной концентрацией, давшей десятки, сотни святых в короткий период, что сопоставимо со временами гонений на церковь в Римской империи. Процесс этот шел и дальше, и после преп. Сергия Радонежского, и после избавления от ига, и после провозглашения Патриаршества.

Чем объяснить невиданный духовный подъем? Французский философ Ж. П. Сартр, участник Сопrotивления, произнес когда-то парадоксальную фразу: «Никогда Франция не была более свободной, чем в период фашистской оккупации». Он ухватил единый феномен, иногда возникающий в истории великих народов: феномен спровоцированной самоидентификации.

Именно при столкновении с Другим возникает борьба за Свое, понимание Своего, развитие Своего. Известна история вавилонского плена, в который попал народ Израиля. Плен длился 70 лет. За это время израильтяне, которые не были в плену, забыли свои традиции, женились на иноверках... Но вот вернулись те, кто все 70 лет хранил верность религии отцов и дедов. Вернулись фанатики, которые стали наводить

порядок. Строжайше соблюдали заповеди, даже женинородок прогнали... Как знать, может, если бы не плен, не было бы и сейчас никакого мирового еврейства...

На Россию монгольское иго (что бы под ним не подразумевалось) подействовало как вавилонский плен на Израиль. Она вышла из него верной традициям, закаленной, мобилизованной, с четким ощущением своей самости, так, что Иван Грозный на предложение «давай жить как в Европе» от Андрея Курбского ответил: «Россия не есть Европа, Россия есть Израиль!». Это означало провозглашение гораздо более высокого статуса: мы, подобно Израилю — есть избранный народ, а не какая-то там окраина Европы! Инок Филофей создавал концепцию «Москва — третий Рим». Иван III, памятуя о роли церкви, делает единственной своей программой защиту «старины и Православия». И действительно, при нем Россия достигает небывалых вершин могущества. Памятник Ивану Великому уже давно просится в самый центр столицы!

Но уже при Иване Грозном, произошел серьезный сбой. С чем же он связан? Почему так уверен был в «старине и Православии» Иван III и так колебался Иван IV? Иван Грозный, пытаясь решить проблему выхода к Балтийскому морю, осознал: насколько успешны были наши походы на Восток и несение «истинной религии» диким народам Урала и Сибири, настолько неуспешны были наши войны на Западе.

Россия постепенно начала играть роль прокладки, занимая своего рода промежуточное положение между цивилизованной Европой и дикой Азией. Православие как миссия годилось для наступления только в одну сторону и не годилось для наступления в другую. Оно годилось для защиты и не годилось для экспансии. Православие может быть национальной религией

России и средством покорения язычников, но не может быть чем-то сверхценным для европейцев, которые имеют свое христианство. На уровне идеологии мы можем в лучшем случае полемизировать, но у нас нет идеологии, которая была бы выше, чем европейская. Более того, Европа начинает показывать и некое гуманитарное превосходство: появляются новые, необычные, социальные концепции и идеи. Поэтому Иван Грозный обращает свой взор в сторону Европы и начинает изучать ее опыт.

Иван Грозный, вопреки мнению многих историков, видящих в нем типично азиатское явление, наоборот, был в значительной мере заражен «европейскостью». После неудачных ливонских войн он впадает в кризис и всерьез задумывается о европейском, по сути, проекте перехода от теократической монархии к светской. Он страдает раздвоением личности. Он еще в споре с Курбским твердо придерживался мнения, что «Россия есть Израиль, а не Европа», но в то же время учреждает опричнину. Ведь постановка себя над Церковью и жестокие казни — это сугубо европейское, невиданное ранее на Руси дело.

Иван Грозный во всем (даже в брачной жизни) брал пример со старшего современника англичанина Генриха VIII. Генрих, а так же испанские короли Карл V, Филипп II, французский король Карл IX казнили сотнями тысяч, так что 3000 — 4000 жертв Ивана Грозного — просто невиданный «гуманизм и мягкотелость» в сравнении с «цивилизованной Европой». Но именно для России это и был шок, потому что такого зверства от своего государя, от отца, по отношению к своим же православным она не ожидала.

Сам Грозный бесконечно кается, вновь возвращается к казням и кается опять. Эта маятниковость, маята в «голове» России во сто крат увеличенной отрази-

лась в теле государства: Россия пошла вразнос. Царь сам показал пример, как можно убивать митрополита, лгать, казнить, нарушать все заповеди, а уж если это позволено царю, с которого большой спрос у Бога, то что ждать от слабых, простых людей.

Все стало разрешено, все позволено... Началось смутное время, упадок, прежде всего духовный, череда предательств, толкотни возле трона и проч. Смута спровоцировала поляков к агрессии, а градус русофобии в Европе и так был за предшествующие 100 лет поднят достаточно... Россия теряет суверенитет, прерывается 600-летняя династия, в Кремле сидят марионетки иностранных государств, чего не было уже целый век. Польша в два раза больше России по населению, богаче, превосходит в науках, просвещении, воинской силе... Все безнадежно.

Но Россия победила. Ее спас собственный народ, а не предательская элита. Был возвращен суверенитет, на Соборе с молитвами учреждена новая династия, истинное Православие торжествует над неистинным католичеством. Чего же еще? Все теперь понятно: в выборе между «европейскостью» и «израилевостью» должна однозначно побеждать концепция России как богоизбранного народа.

Вот, говорили в элите: вспомните смуту, царь Иоанн заколебался в вере, мы пришли в смятение и чуть не погибли, а Бог и православный люд спасли Россию. Теперь очевидно, что Православие должно быть и вечно оставаться нашей миссией. Причем, раз оно нас спасло, то мы должны всерьез заняться им, отдать ему дань; должны найти истину внутри истины, суть внутри сути и ответить на вопрос: что делает истинное Православие истинным и православным?

Патриарх Никон берется за эту проблему, ведомый миссией России как Израиля. В Подмоскowie он ос-

новывает новый Израиль, новый Иерусалим (Ново-иерусалимский монастырь), здесь течет новый Иордан (переименованная р. Истра), здесь теперь будет всемирная Мекка Православия, наш Ватикан, и миллионы паломников должны будут устремиться сюда со всего мира.

Невиданный религиозный подъем и общественная дискуссия вокруг Православия, однако, спровоцировала ужасный раскол. Концепция «избранничества» вообще потенциально чревата расколами. Она хороша, когда неизбранные, неверные и неистинные нападают на нас, избранных, и мы защищаемся, мы умеем выживать. Стоит лишь внешнему прессингу прекратиться, внутри начинается дискуссия, кто более избран из избранных, так как логика избранничества требует продолжения избирания, отделения все более лучших от все более лучших, овец от козлиц, зерен от плевел, зерен и овец элитных от просто зерен и овец, и так до тех пор, пока не останется самая суть, самая избранная избранность, вытяжка высшей пробы.

Церковь (по-гречески: эк-клезиа) означает не собрание и соборность, как это часто переводят, а именно избранность (в противном случае была бы не эк-клезиа, а су-клезиа), а глагол эк-клею означает «исключая».

Половина тогдашней России ушла в раскол. Не так принципиально, кто прав, кто виноват. Действительно ли надо было переписывать богослужебные книги по греческим образцам и креститься тремя перстами, или нет. Важно то, что было понятно: царство, «разделившееся в себе не устоит». И Царь Алексей Михайлович, который раньше готов был к теократии, вынужден показать Никону на его место — НИЖЕ себя и стать арбитром между никонианами и раскольниками. Он вынужден был возвращать протопопа Аввакума, ми-

рить всех, наказывать и казнить тех, кто не захотел замирения (опять же, раскольников).

С патриархом Никоном связана еще одна развилка русской истории. На что сделать ставку: на национализм или на империализм? Если бы Россия пошла по пути раскольников, ратующих за своеобразие страны, мы бы превратились в особенную нацию со своей религией и культурой, как множество других маленьких наций. Никон же не хотел, чтобы наша религия отделяла нас от остального мира. Мы не особенные, мы всеобщие, мы такие же как вы, православные, но мы **ГЛАВНЫЕ**.

Прошло 100 лет, а возникла та же проблема, что и перед Иоанном Грозным. И опять стало очевидно: Православие хорошо для защиты, Православие хорошо, для колонизации язычников (территория России за это время, между прочим, утроилась), которые не считают себя избранными, но не годиться для наступления, для прорыва в Европу, которая тоже имеет христианское мировоззрение и считает его не менее истинным, чем Православие.

Оставлять все как есть тоже нельзя — возникают саморазложение и самораскол. Хочешь — не хочешь, царь вынужден становиться светским государем и вставать над церковью. А ведь в Европе начинается расцвет наук и ремесел, что лично увидел молодой Петр, прибыв в протестантский Амстердам, столицу тогдашнего Запада, перехвативший этот статус у католических Венеции и Генуи.

России требовались выходы к морям, мир богател только за счет торговли, коммуникаций и транзакций. Очевидно, что протестантизм виделся Петру высшей гуманитарной практикой в сравнении с «архаичными» Православием и католичеством. Более того, настоящей религией для Петра становятся «наука и техника»,

которые выглядят идеологически и религиозно нейтральными и, тем самым, универсальными. А значит, успехи в науке и технике будут способствовать экспансии, будут помогать покорять и язычников, и православных, и католиков, и протестантов. Наука и техника — есть передовая идеология, с ней можно идти в любую сторону. Это будущее Европы, куда России надлежит прыгнуть раньше самой Европы, пока она, разрозненная, борется с собственными «пережитками прошлого».

Вот такая Россия досталась Петру I. И он, решая аналогичную «проблему Европы и Запада», уже ни минуты, в отличие от Ивана Грозного, не сомневался. Он стал «грозным» не в конце жизни, а в начале, когда сам сек головы стрельцам, сам участвовал в пытках.

При Петре погибло гораздо больше народа, чем при Иване IV. Он завершил начавшийся уже процесс полного перехода к светскому государству, упразднил патриаршество, закрыл часовни, повелел «мощей не являть и чудес не выдумывать», запретил жечь свечи вне церкви, писать иконы на дереве... Он брил бороды, заставлял носить европейское платье, менял календари и алфавиты. И это была принципиальная позиция, заключающаяся в ставке на мимесис, подражание.

Философ Лейбниц, «главный» в то время, высказал Петру сомнения относительно долговечности его преобразований, поскольку они были поверхностны, не выросли из народного духа, из сущности, а привнесены извне, причем довольно быстро и радикально. Петр ответил философу так же, как Ленин позже отвечал Плеханову: «Вы говорите, что в России не развиты производительные силы, чтобы на их основе развивались соответствующие производственные отношения? Вы говорите, что социалистическая революция может быть только в развитых капиталистических странах?»

А я отвечаю, что мы сначала создадим соответствующую надстройку, и она потянет за собой базис!»

«Народный дух создается привычкой, — говорит Петр Лейбницу, — а не привычки вырастают из духа, поэтому мы поменяем привычки, и у нас появятся новый дух и новый народ. По сути здесь воспроизводится спор того же Лейбница с Локком, утверждающим, что сознание есть «чистая доска», на которой опыт пишет все, что угодно. Сам же Лейбниц ратовал за уникальность каждого духа, за разнообразие духов, и считал, что нужно развивать свое мировоззрение из себя самого.

Петр не услышал этого. Нет никакой предзаданной сущности в сознании народа, есть только текущий исторический опыт и привычки. Петр был первым «большевиком». Но чего он добивался? Простого превращения русского народа в типичный европейский? Нет, за этим ВНЕШНИМ подражанием Европе стоял совершенно другой проект!

Чтобы понять логику Петра, его душу Петра, необходимо небольшое отступление. Дело в том, что на изломе истории, в период перехода от феодализма к капитализму, стали враждовать две принципиальные парадигмы. Средневековье подчинялось закону рода и происхождения. Человек, родившийся, например, графом или князем, получал место в обществе благодаря своему благородству, он приходил «на все готовое». Человек капиталистический, чтобы добиться чего-то, должен был пройти определенный путь, стать селфмэйдменом. Он должен был заплатить годами упорного труда за свой статус. Только то, что завоевано трудом, ценится высоко, только то, что взято усилием и собственной жизнью — настоящее. Настоящая свобода, например, не у аристократа, родившегося свободным, а у раба, который освободился.

Не будем спорить, насколько это верно, важно, что Петр получил власть в борьбе с династическими группировками, а не естественным образом, и он, очевидно, был склонен придерживаться новой логики и новой парадигмы.

Кроме того, новая парадигма породила логику маргинализма. В чем она состоит? Человек родившийся, грубо говоря, в столице, в центре некой культуры, подобен старому аристократу — он естественным образом получает все готовое. Человек, родившийся на окраине, находится в эксцентричном положении. Он чувствует, что принадлежит к некой культуре, но в то же время ее центр находится где-то во вне, и ему надо до него дойти, его «покорить», «завоевать столицу».

Этот феномен известен нам не только на примере корсиканца Наполеона, мы и сейчас свидетели того, что вся московская, например, элита — «некоренные москвичи», которые видят в москвичах сонных мух. Одним словом, гении рождаются в провинции, а умирают в столице. Именно потому, что гений сам прошел путь до центра, заплатил за него жизнью, а не получил на блюдечке с голубой каемочкой.

Важно еще и вот что: живущий в провинции постоянно сталкивается с чужим, с иной культурой, он находится в экстремальной ситуации, когда вынужден постоянно балансировать на грани своего и чужого, упорно защищать свое. Живущий в центре находится под защитой окраин и с чужим не имеет дела. Более того, он даже толком не умеет отделять свое от чужого, не имеет представления о чужом, часто путает свое и чужое и, главное, часто соблазняется чужим, как чем-то далеким, интересным и экзотичным. Поэтому для провинциала «столичные фрукты» не только сонные мухи, но и предатели, которые вместо защиты своего

и его развития постоянно увлекаются чужим, предают свою провинцию.

Все экстремисты вырастают из провинциалов. Из современных примеров — Жириновский, родившийся в Средней Азии в семье «юриста» и ставший главным русским националистом.

Маргинальное происхождение обладает и еще одним преимуществом. Тот, кто находится на краю культуры или даже одной ногой стоит в одной культуре, а другой ногой в другой, имеет возможность посмотреть на свою культуру со стороны, имеет точку опоры во вне, позволяющую переворачивать свою культуру, модернизировать ее.

Эта логика позже прекрасно будет интегрирована, например, в марксизм. «Посмотрите, — говорит Маркс, — пролетариат — это класс, вытолкнутый на обочину общества, но именно поэтому он может видеть целое этого общества со стороны и именно поэтому может из вне преобразовывать это общество».

Маргинальный класс является и самым передовым. Ленин продолжает Маркса: «В капиталистическом мире, — говорит он, — маргинальной является Россия, это “слабое звено», именно поэтому она может видеть его стороны и перевернуть его, именно поэтому революция произойдет не в передовых странах, а в России...»

Безусловно, не все, живущие на границе, так жестко цепляются за свое. Много тех, кто в этой экстремальной ситуации, наоборот, соскальзывает в другую сторону, присягает чужой культуре. Такое бывает особенно часто, когда чуждая цивилизация демонстрирует успехи на фоне упадка своей.

Пограничье часто переходит в другую цивилизацию и становится окраиной чужой культуры, хотя недавно она была окраиной культуры другой. И там так же возникают рьяные патриоты, но уже чужой культуры, по-

тому что факт предательства требует внутреннего самооправдания, постоянно требует доказательств того, что тот, кого ты предал, был достоин этого, а тот, кому ты присягнул, требует действенного подтверждения предательства.

Таким пограничьем в те века (да и сейчас) была Украина. Украинская проблема стояла перед Петром в широчайшем масштабе.

Украина как государство тогда не существовала. Люди, которые жили там, называли себя русскими, а вся территория, называлась Малой Русью. Малороссией. «Малый» не значит маленький. Правильный смысл — «исконный», подобно тому, как в русских городах «малый Кремль» (детинец) — начальный, иконный Кремль, от которого рос потом город.

Украиной (окраиной) презрительно называли эту землю поляки и литовцы и то не в смысле самоназвания, а в прямом смысле «приграничья». Слово «украинец» было фактически не распространено, и даже когда употреблялось, означало не национальную принадлежность, а географическую, как например, «поморец», «сибиряк», «уралец». Нацию из украинцев стали делать уже в XIX—XX веках на деньги австро-венгров и поляков, переписывая русских и русин как «украинцев».

В эпоху Смутного Времени «украинцы», входившие в состав Речи Посполитой, выступали на стороне Польши и фактически на треть усиливали ее потенциал, борясь с русскими братьями по крови, по религии, по языку, культуре. Во время русско-польских войн XVII века «украинская элита» умудрилась трижды продать свою страну трем соседним государствам, то есть объявляла о своем вхождении в них.

В 1654 году Хмельницкий воссоединил Украину с Россией на Переславской Раде. В 1658 году гетман

И. Выговский заключил Гадячский договор о возвращении малой Руси в польское подданство. Примечательно, что в тексте договора стояли такие слова: «Мы, послы русской нации, от имени ее присягаем...». Гетман Дорошенко, для борьбы с гетманом Брюховецким активно привлекавший татар, в 1669 году вообще от имени всех казаков присягнул Турецкому Султану, который объявил всю Малую Россию своею.

По Андрусовскому перемирию 1667 года и Вечному миру 1686 года территория Малой России была разделена между Московским царством и Речью Посполитой, однако гетманские измены, нарушавшие суверенные права Москвы, переходы казаков на польскую сторону продолжались на протяжении всего XVII — начала XVIII веков.

В свою очередь, московское правительство шло на уступки гетманам и казачьей аристократии, узурпировавшим власть и установившим крепостное закабаление малороссийских крестьян. Оно фактически устранилось от управления этими землями, разрешило оставлять в гетманской казне все доходы с городов и сел Малороссии.

Многие российские государственные деятели высказывались за лишение Украины русского подданства, что, впрочем, не находило поддержки у глубоко религиозного царя Алексея Михайловича (1645—1676), не желавшего отдавать православный народ под власть католиков или мусульман.

Постоянное метание между разными государствами и цивилизациями, между трех огней, отразилось на характере украинской элиты: постоянные раздоры, недоверие себе и другим, предательство союзников...

Поговорка «где два хохла — там сразу три гетмана» родилась не вчера. Иван Мазепа, ставший гетманом в 1687 году, прошел большой жизненный путь. Он бы-

вал и при русском дворе, и при польском. Его логика — логика типичного вышеописанного маргинала. Он видел две цивилизации и разрывающееся между ними пограничье и должен был либо на всю жизнь присягнуть одной из них, либо, как прежние гетманы, постоянно сидеть на всех стульях, интриговать и предавать. Душой и воспитанием он был с поляками, но поляки считали его человеком второго сорта: Мазепа ведь был русским (слово «украинец» тогда не означало национальность).

Его знакомство с Петром I стало находкой. Он увидел в увлеченном Европой Петре единомышленника и с радостью присягнул ему, целовал крест. Мазепа опирался на Петра и в своей борьбе с казачьими атаманами, поклонниками старины и Православия. Те по старинке «стучали» на него в Москву и обвиняли в русофобии. Петр с чистой душой сдавал их Мазепе, а тот расправлялся с противниками европеизации.

Сам Петр также мыслил в маргинальной парадигме. Однако он был царь, и не рассматривал Россию как иную цивилизацию в сравнении с Европой, как это делал Мазепа. Для Петра I Россия (не Украина) была своего рода границей Европы, и Петр, как классический «провинциал», решил «покорить столицу».

Мазепа и Петр подружились и видели друг в друге единомышленников на почве западничества. Но каким разным было это западничество!!! Мы уже почти 200 лет делим нашу интеллигенцию на «западников» и «славянофилов», но не подозреваем, что есть два принципиально разных вида западников: одни, одержимы комплексом неполноценности и готовы служить западу, другие хотят рулить самим Западом как центром мира. Оттого и разная судьба постигла Петра и Мазепу.

Казалось, расчет Мазепы был точен, он нашел четвертую силу (вместо прежних Польши, России, Турции), а именно Швецию. Самую могущественную страну той эпохи. Передовую в технической, военной, научной сферах. Карл покорил половину Европы, и его армия превосходила российскую по всем параметрам, это доказало и русское поражение под Нарвой. Карл покорил Данию и Польшу, перед ним заискивали французы и англичане, саксонский король, союзник Петра, тайно подписал с Карлом мирный договор.

Оттого, на чью сторону встанет Мазепа, зависел дальнейший расклад сил. И Мазепа, по старой гетманской привычке, предал Петра, взяв жовто-блокитный шведский флаг (нынешний флаг Украины). Это было катастрофой, нельзя описать все переживания Петра. Под Полтавой его могло спасти только чудо, и оно случилось. Мазепа бежал и кончил так же, как многие гетманы до него, стал символом позора и предательства. А Петр победил не кого-нибудь, он победил саму Европу в ее тогдашнем наивысшем проявлении (как позже мы победили высшее проявление Европы — Наполеона, высшее проявление и покорителя Европы — Гитлера).

Нельзя видеть в Петре просто жалкого подражателя и марионетку Запада, какого-нибудь саакашвили или ющенко тех времен. Уже то, что Петр не пошел за влиятельнейшим католичеством, а выбрал для подражания протестантские страны, говорит о многом.

Если для западников за счастье считалось быть последними в Европе, то проект Петра состоял в том, чтобы стать в Европе ПЕРВЫМ. Никак не меньше.

О том, что его народ предназначен только для лидерства, Петр заявляет в разговоре с Лейбницем. Концепция «избранности» России осталась от отцов и дедов, но теперь она переформулирована так, что Рос-

сия, как партизан и шпион, сначала маскируется под Европу, перенимает у нее все лучшее, а потом внезапно становится тем, к чему давно стремилась, — лидером. Россия должна была не просто победить Запад, а стать центром западного мира и центром Европы вообще!

Подобно тому, как Патриарх Никон в порыве реализации идеи «России — Израиля» всерьез создавал под Москвой Палестину (с Иорданом, Голгофой, Сионом, Вифлеемом, новым Иерусалимом, Назаретом и проч.), Петр Великий хотел создать в России новую столицу, Санкт-Петербург, которая была бы большей Европой, чем сама Европа.

Ярчайший представитель «Святой Руси» св. князь Александр Невский сказал: «Кто с мечом к нам придет, от меча же и погибнет!». Петр хотел победить Запад его же оружием: науками, духом, идеями, просвещением. Так, оказывается, наше «западничество» вытекает из нашего «славянофильства»!

Именно поэтому Петр затевает перекачку мозгов, встречается с главным философом того времени — Лейбницем, делает ставку на флот как основу тогдашнего могущества.

Интересен и такой факт: мы употребляем слова «Европа» и «Азия» часто не задумываясь, откуда они вообще взялись, на каком основании те или иные территории были отнесены туда или сюда и кто это сделал. А сделал это, то есть провел границу Европы по Уралу, картограф Страленберг по подсказке «птенца гнезда Петрова» В. Татищева! И теперь, согласно всем картам, Санкт-Петербург оказывается самым центром, столицей Европы!

О духовном лидерстве в Европе, а «не токмо» о географическом, мечтает еще один «петровец» — Михайло Ломоносов, который говорит о «собственных Платонах и быстрых разумом Невтонах», которые вот-вот

появятся в России и сделают ее духовной и научной империей.

Иностранцев ко двору русских князей в большом количестве начал приглашать еще Иван III, но это были узкие специалисты: архитекторы, живописцы, пушкарки. При Петре I началась настоящая перекачка мозгов на всевозможные должности, чтобы в следующем поколении, обученные русские могли превзойти учителей, как сам Петр превзошел своего военного учителя короля Карла под Полтавой.

Но уже в этом крылся подвох. Одно дело — снимать сливки с западной культуры и науки, так, чтобы этот плодородный слой дал учеников, действительно превосходящих западный уровень, другое дело приглашать ловцов счастья, денег и чинов, космополитов третьей свежести, которые могли дать таких же серых бездарных учеников и обеспечивали не превосходство над Западом, а постоянное отставание.

К тому же западные серость и чванство действительно стали душить самородные русские таланты, появившиеся в результате энергичного порыва нового проекта. На это справедливо жаловался уже Ломоносов.

Возникло как бы две России. Одна, народная, все еще была православной, традиционной, допетровской (пугачевщину, кстати, можно интерпретировать как попытку бунта против либеральной элиты и возвращения к старым порядкам, с настоящим царем). Другая Россия, дворянская, была европейской. Постепенно она даже полностью перешла на другой язык. Голландцев и немцев сменили англичане, а потом французы.

Тонкий слой элиты жил европейской жизнью. Дворянские перевороты, балы, красавицы, лакеи, юнкера... Россия, к тому же, считает своим долгом участвовать во всех европейских делах, в европейской политике.

Россию использует как союзника то одна держава, то другая. Льется русская кровь, но ощутимых выгод стране это не приносит, наоборот, Россию презирают те, кому ее удалось использовать, и бояться и ненавидят те, кому это не удалось.

Но все победы России, военные победы, делались народом на основе прежней православной миссии. Народ воевал за спасение души, православного Бога, православного Царя и православное Отечество, а не за либеральную свободу или геополитические интересы.

Все великие полководцы использовали Православие для поднятия духа войск. Ушаков уже канонизирован, Суворов обязательно будет канонизирован, как человек живший православной жизнью и прививавший в войсках православие. Кутузов позже приказывал обносить иконой Божьей Матери войска перед любой битвой.

Величие и авторитет России опять держался на воинской славе, на штыке. Россию в Европе бояться, но ею не соблазняются. Она опять предстает страной чуть обузданных варваров. За европейским лоском найдешь азиата — говорят о России. Пока Екатерина гордится, что переписывается с самым модным философом Европы — Вольтером, сам Вольтер использует переписку в качестве пиар-акции для реализации часов фирмы, в которой он акционер.

Эта огромная проблема, проблема превосходства европейцев в деле Просвещения, осознавалась Петром III. Указ о дворянской вольности, об освобождении дворян от службы, должен был решить именно этот вопрос, он вовсе не ставил задачу увеличить эксплуатацию крестьян, как пишут в либеральных и марксистских лубочных учебниках истории. Картина маслом какая-то: сидят Петр III с Екатериной Великой и думают, как бы им побольше закабалить крестьян и

наплодить паразитов... На самом деле они понимали то, чего не понимает обыватель, не понимали элиты впоследствии и до сих пор не понимают в руководстве России.

Дворянство было освобождено от службы только для того, чтобы в обществе появился огромный слой людей, чьей каждодневной обязанностью будет производство духовных ценностей (искусства, философии, науки...). А это, в свою очередь, возникло из понимания, что духовное служение, служение науке, искусствам, просвещению дает государству больше, чем служение военное!!! С точки зрения стратегической безопасности и увеличения суверенности лучше, чтобы в стране было больше философов, художников, поэтов, архитекторов, литераторов, религиозных деятелей и проч., чем военных, потому что все они обеспечивают духовное лидерство страны и ее духовный суверенитет, они делают страну любимой другими, а не страшной, как это делают военные.

100 лет — достаточный срок, чтобы подвести итоги и ответить честно, смогли ли мы догнать и перегнать Европу. И вот Петр Чаадаев в «Философических письмах» диагностирует: Россия, дескать, ничем себя не проявила и уже, похоже, не проявит, она призвана явить миру урок беспомощности. Россия всего лишь окраина Европы, ее бездарная ученица.

Проект Петра утонул в подражательстве и низкоклонстве перед Европой. У нас, может быть, и лучшие в мире балерины, но не мы создали балет. У нас, может быть, и отличные художники, но не мы создали живопись. Да что там виды искусств, мы не создали даже стилей! У нас могли быть шедевры романтизма и классицизма, но не мы создали романтизм или классицизм как стили.

Россия не породила ни одного философа уровня Платона и ни одного ученого уровня Ньютона, вопреки пророчествам Ломоносова. Наверное, это и невозможно было вообще. Грубо говоря: ты можешь проигрывать или выигрывать в футбол, но в обоих случаях ты играешь в футбол, а не в лапту, и это льет воду на мельницу Англии, «раскручивает» Англию, которая футбол породила. И так во всем.

Безумнейшее и головокружительное упоение Европой дало первенство только в светской жизни — таких роскошных балов и салонов, как в Петербурге, не было нигде! Оказывается, обеспечение «материального базиса», материальной независимости, наличие свободного времени, освобождение от нужды — не только недостаточное условие для духовного творчества, но и вовсе не необходимое. А возможно, даже и вредное.

Выращенный на всем готовом, воспитанный французским гувернером, барчук, как дрессированная обезьяна, мог только имитировать и симулировать некий привнесенный усредненный образец «культурного европейца». Набор необходимых качеств был незатейлив, чтобы пройти тест на культурность и европейскость надо было... «по-французски изыскаться совершенно и писать, легко мазурку танцевать и кланяться непринужденно...чего ж вам больше?» (Пушкин). Зато сколько пафоса, чванства, высокомерия по отношению к холопу, не овладевшему культурной нормой, сколько презрения к «Ваньке»!

Уже поход Наполеона привел нашу проевропейскую элиту в смятение: она не могла понять, как Европа может вообще напасть на Россию? Ведь мы, по сути, такие же, как они, состоим в одних и тех же масонских обществах, посещаем одни и те же салоны, танцуем одни и те же мазурки... После победы над объединенной Европой (а у Наполеона служили все),

он стал воплощением всего Запада, а мы его победили. Никто не задался вопросом: как это вообще было возможно? Каким духом?

Парадоксально, но слова Чаадаева о России как самой бездарной и никчемной стране, были написаны после победы над Наполеоном, этим воплощением Европы, гением европейского духа, человеком, которому Европа покорила и служила как в духовном, так и военном смысле. Поэтому когда Чаадаев отправил свои письма на рецензию Пушкину, тот их просто потерял...

Существует довольно смешная переписка, в которой Чаадаев просит Пушкина вернуть рукописи, а тот игнорирует просьбы... Впрочем, потом Пушкин все же отозвался в том духе, что не знает ни одной страны с более интересной историей, чем российская, и ни в коей мере не желал бы переменить Отечество.

Пушкина привыкли рассматривать как веселого поэта, а саму поэзию — родом развлечения. Но на самом деле не бывает великих поэтов, которые при этом не были бы великими мыслителями.

Пушкин не считал, что проект Петра I не удался. Напротив, и он, и его молодые друзья, и декабристы есть те самые плоды дворянской вольности, то самое поколение творцов, которое не просто училось у европейцев, но и превзошло их.

В наших школьных учебниках вот уже полтора столетия пишут форменную клевету на поколение Пушкина вообще и на декабристов в частности. Их представляют западниками и чуть ли не социалистами. На самом деле движение декабристов было реакцией на бездумную либеральную и прозападную масонскую политику Александра I. Другое дело, что сама форма выступления была якобинской. Но когда Николай I прочел стихи Кондратия Рылеева, он высказал со-

жаление, что казнил истинного патриота и большого поэта.

Да вы посмотрите на название рылеевских поэм: «Иван Сусанин», «Вещий Олег», «Смерть Ермака», «Мстислав Удалый», «Державин»... Вы можете поверить, что это пишет западник, какой-нибудь Евтушенко или Шендерович того времени? Наоборот, налицо творец новых национальных мифов, певец русской истории.

Пушкин был из того же поколения. Он отнюдь не западник, но и не представитель славянофильства, которое появилось как альтернатива западничеству. Славянофилы, отвергая западническую миссию России, не создавали новой, не изобретали, а просто брали ее из допетровских времен: «Россия, Святая Русь — страна истинного Православия, носительница настоящей веры, в этом были уверены наши далекие предки, и неудачные эксперименты по заигрыванию с Европой, начавшиеся с Петра I, это еще раз подтвердили».

С западниками тоже все понятно, хотя, к чести многих из них, можно ответить, что их творчество было своего рода выдающимся вкладом в европейскую культуру. Будем честными: вся русская культура, которой мы привыкли гордиться, которая признана как мировая культура, — это XIX век, это эффект (со столетним запозданием) того, освобождения дворянства, это эффект петровского проекта.

Пушкин же придерживался некоей третьей линии. Во-первых, он не считал прежнюю российскую историю бессмысленной, как западники. Но он и не считал возможным вернуться в допетровские времена, потому что, де, петровский, европейский, проект оказался неудачным.

По Пушкину, петровский проект оказался выполненным и перевыполненным: Петр хотел, чтобы Рос-

сия стала первой в Европе — она ею стала, ведь Европа представляла из себя только балы, салоны, развлечения и милитаризм, получивший законченное выражение у Фридриха Прусского и Наполеона. Что касается лозунгов «Свобода, равенство и братство», столь пленительных когда-то, весь мир имел возможность увидеть, чем это закончилось. Вершина европейской культуры — немецкая классическая философия, которая, в свою очередь, достигла кульминации в Гегеле, его устами же заявила, что Наполеон — это воплощение абсолютного духа на Земле, и дальнейшая история человечества вообще закончена.

Но Россия-то победила Наполеона! Россия победила высшее порождение Европы! Победила саму Европу в ее высшем проявлении! Победила того, кого вся Европа считала гением и кому поклонилась! Что это должно означать?

Это означает, что мы не должны следовать за европейским духом не потому, что мы «другие», или не потому что этот европейский дух такой великий и нам за ним не угнаться, а потому что мы попросту.. превзошли его. Проект Петра закончен не в связи с неудачей, а в связи с его исчерпанностью. Мы превзошли Европу не потому, что стали просвещеннее или свободнее ее, просто она сама себя исчерпала, не дождавшись, пока Россия ее превзойдет.

Уже ранний Пушкин в поэме «Граф Нулин» высмеял Европу. По сюжету этот «европеец» Нулин (говорящая фамилия) останавливается проездом в доме у русской дворянки. Он снисходительно рассказывает о парижских модах и даже льстит хозяйке, что она де не очень отстала от Парижа. Ночью граф вообразил, будто настолько покорила провинциалку, что вправе рассчитывать на что-то большее, но был с позором изгнан из чужой спальни.

В то же время Пушкин в образе хозяйки показывает не просто жену, верную «традиционному и патриархальному мужу», нет: женщина изменяет, но с неким молодым Лидиным, образ которого совершенно не ясен. Но это очевидно не западник Нулин и не славянофил — муж.

В образе хозяйки читается сама Россия, которая соблазняет Европу кажущейся доступностью и якобы устремленностью к ней. Но на самом деле она идет за другим, причем не за своим старым, а за чем-то молодым, новым, неведомым, смеющимся...

Стремиться за Европой, по Пушкину, теперь бессмысленно просто потому, что Европа уже кончилась, осталась в прошлом. Она умирает, катится в бездну, зачем же бежать за ней или впереди нее?...

Россия как бы осталась одна в чистом поле, без поводыря и идеала впереди, с невозможностью вернуться. Ей нужно было породить свою миссию из себя самой, без оглядки на свое прошлое, без оглядки по сторонам. Ей нужно было решиться стать самостоятельной, взрослой. Ей нужно было сделать шаг, который бы выделил ее из всех, и благодаря которому уже другие пошли бы за ней как за лидером.

Геополитические предпосылки были налицо. В это время и так в мире без согласия России «ни одна пушка не стреляла». Оставалось решить только духовно-творческую задачу.

Победа над Наполеоном не военное событие и даже не геополитическое. Это культурно-историческое событие, победа более высокого духа над более низким. Могут возразить, что Пушкин писал о чем угодно, но не о Наполеоне и победе над французами, и дескать, для его творчества эта тема маргинальна... Нет. Именно эта победа создала Пушкина.

Известно, например, что у Александра Сергеевича был брат Лев, который по общему признанию, считался гораздо одареннее. Но дар брата не реализовался, потому что на его молодость не выпало великого исторического события, которое бы пронизывало и увлекло, делая неразделимыми собственную судьбу поэта и историческую судьбу России.

Пушкин понимал, что победа была одержана благодаря народу и вопреки элите. Величие Пушкина в том и состоит, что он, воспитанный в деревне простыми русскими людьми, понял, что там, в народе, источник роста и силы государства, его потенции, его духовной мощи, а «в свете» — только мертвая форма. Он «лиру посвятил народу своему». И за это он и был убит светом. Именно убит, причем сознательно.

Интрига против Пушкина — не банальная ревность, а геополитический конфликт, если угодно, схватка в информационной войне, которую затеяли связанные с европейскими дворами противники России (Несельроде и К°).

В начале XIX века в Европе стало утверждаться мнение, что народный дух является источником позднейших успехов элиты. В конце XVIII века ученая Европа перешла с латыни на языки народные. Этого требования всецело придерживались романтики. Поэтому русофобы уже делали четкую ставку на недопущение свободного развития творческих сил в России. Россия должна была оставаться вечной ученицей Европы. Никаких собственных гениев в ней появляться не должно.

Убийство Пушкина в расцвете лет было сознательной акцией, последствия которой несоизмеримо более тяжкие, чем военное поражение в каком-нибудь региональном конфликте. Пушкин не написал главных своих произведений, а если бы это случилось, то он

был бы отнюдь не главным российским поэтом, как сейчас, он мог бы стать и «Платоном и Невтоном» в одном лице, поэтом, чье всемирное историческое значение превзошло бы значение и Гомера, и Шекспира.

Пушкин прошел либеральную и романтическую стадии творчества, как раз перед убийством он стал зрелым консерватором, чрезвычайно сблизился с «реакционным» царем Николаем I и претендовал на роль его главного советника.

Поскольку Пушкин, по словам Аполлона Григорьева, это «наше все», то получилось, что «наше все» прервалось на самом интересном месте, застряло в вечной молодости, чуть дойдя до зрелости. Пушкин — это наша культурная матрица, и все, что штамповалось потом с этой матрицы, так же оказалось недоросшим, недоделанным, прерванным на полуслове вечно молодым и вечно пьяным. Эта матрица начала штамповать либералов и социалистов в таком количестве, что уже через полвека они переполнили Россию и убили царя, а дальше взяли курс на революцию.

Можно смело утверждать: если бы не Дантес и стоявшие за ним, то в России не было бы 1917 года. Наоборот, если бы Пушкин написал свои зрелые и старческие произведения, Россия бы впервые стала задавать тон в Европе, возглавила бы интеллектуальную моду на консерватизм, который тогда был в зачатке. Это поставило бы суверенитет России, не на военную, а на духовную основу! Более того, Пушкин мог выдать что-то более интересное, чем консерватизм.

Последняя поэма Пушкина «Медный всадник», посвященная делам Петра Великого, поэма, не печатанная при жизни Александра Сергеевича, поэма — своего рода продолжение «Евгения Онегина» — заглядывает в такие дали, что до сих пор вызывает диаметрально противоположные и в целом довольно

беспомощные и бестолковые интерпретации. Эта поэма — бездна, из которой становится понятным безумие величайших интеллектуалов Европы — Гельдерлина, Ницше, Ван Гога, Стриндберга и др.

«Медного всадника» Пушкин написал в пику не по заслугам прославленному и пошлomu «либералу» А. Мицкевичу, с которым как с писаной торбой носилась вся прогрессивная Европа того времени. Для многих в России вообще было непонятно, как это можно посмечь что-то там лепетать русскому против европейских знаменитостей! Мы можем только благоговейно вздыхать, восхищаться и учиться... Пушкин же уже четко знал, что Европа нас ничему не может больше научить.

Убийство Пушкина европейским ловеласом и проходимцем символично и потрясающе по глубине выводов, которые можно сделать. Ведь в этом просвечивает форма, в которой Запад убивает Россию. Об этом говорит грядущий конфликт между экзистенциальной самостью и Das Man, о котором только через век напишет Хайдеггер.

Сам факт возможности гибели великого поэта по нелепой случайности намекает на то, что Бог не печется о поэтах, что возможно, он ушел или даже умер (Ницше). Достоевский в своей «пушкинской речи» назовет Пушкина «всечеловеком» и будет применять диалогический полифонический метод для создания своих произведений. Это потом хорошо покажет М. Бахтин. Но Бахтин считается праотцом постмодернизма. Следовательно, Пушкин был своего рода первым постмодернистом, если постмодернизм понимать как антиэдиповскую позицию (манифест постмодернизма, написанный Ж. Делезом так и назывался: «Анти-Эдип»), отрицающую борьбу с прошлым.

Пушкин видел свои корни как в русской культуре, так и в греческой и итальянской. Он не шел за Западом как западники и не противопоставлял Западу русское, как славянофилы. Это «всеединство» будет позже поднимать на щит русский философ Соловьев, и это даст импульс к рождению русской философии конца XIX века, которая оказалась в целом довольно конкурентоспособной уже в XX столетии.

Редактор «Литературного прибавления...» А. А. Краевский опубликовал некролог о смерти Пушкина: «Солнце нашей поэзии закатилось! Пушкин скончался, скончался во цвете лет, в середине своего великого поприща!.. Царский чиновник, даром что министр просвещения и президент Академии наук, С. С. Уваров потом выговаривал: “Что это за черная рамка вокруг известия о кончине человека не чиновного, не занимавшего никакого положения на государственной службе? “Солнце поэзии!» Помилуйте, за что такая честь? “Пушкин скончался в середине своего великого поприща!» Какое это поприще? Разве Пушкин был полководец, военачальник, министр, государственный муж? Писать стихи не значит еще проходить великое поприще!..»

Это рок российской власти: не понимать, что поэзия скрепляет свой народ и завоевывает бескровно любовь народов других стран больше, чем все полководцы вместе взятые!

Эстафету Пушкина позже подхватят Гоголь, Достоевский, Леонтьев... Но поздно. Умиравшая Европа в прежнем модернистском духе стала бредить коммунизмом и Марксом, которые провозглашали новую эру человечества и новый обновленный европейский дух. И у нашей интеллигенции не хватило ума увидеть в марксизме не нечто новое, а просто фермент разложения и упадка. Наоборот, в марксизм поверили как

в новую религию и опять, совершенно по-петровски, решили стать в Европе ПЕРВЫМИ.

Мы решили стать больше коммунистами, чем сами коммунисты, больше марксистами, чем сами марксисты (о чем с иронией писал и Маркс). Недаром выше подчеркивалось родство Петра с большевиками, потому что большевики действовали по матрице Петра.

Ничего, что марксизм не вырос из народного духа! Ничего, что Россия не является еще промышленной капиталистической страной! Мы форсированно симулируем капитализм, создадим новый класс, новые привычки, а они создадут и нравы. Мы обгоним Европу на повороте. Она только готовится к революциям, а мы ее уже сделаем! Мы станем авангардом, лидером, мы всех поведем за собой!

Поразительно, но в чистейшем западнике Ленине горит этот славянофильский огонь! Вся реформа марксизма, которую он произвел, сводится только к доказательству того, что социалистическая революция должна случиться не в передовых странах, а в «слабом звене» — в России, и именно тут, после революции, будет шанс построить по-настоящему передовое государство мира. Знакомая логика маргинализма, не правда ли?

Но поскольку модернистский марксизм есть фермент упадка (это ясно видел еще Ницше), то благодаря реализации марксистских идей в эпоху революции и гражданской войны мы и пали ниже всех. Пали раньше Европы, обогнали Европу на пути в пропасть.

Из этого следует очень важный вывод: то, что случилось с нами в конце двадцатого века, — это то, что еще случится с Европой в будущем!

Более того, уже при Сталине начался серьезный отказ от модернистской логики на основе «возврата к прошлому» и использования его ресурсов. В

сталинском проекте коммунистического общества просматривается монашеский, монастырский, православный жизненный уклад. Ему-то мы и обязаны своими победами. Прорыв в космос так же был осуществлен на почве идей русского космизма. Гагарин наследовал Королеву, тот — Циолковскому, а тот был поклонником русского философа Н. Федорова, уважаемого Ф. Достоевским. Но эта линия задохнулась после Хрущева, когда мы окончательно перешли на западные рельсы, когда присягнули «обществу потребления» и когда западная мысль только дошла до постмодернизма.

С нашей стороны глупо сейчас подражать Европе, ведь она как раз двигалась и движется по пути Советского Союза, только медленнее. Всем известно, что в Европе последние 30 лет «социализм и застой», и всем известно, что Россия за 1990-е годы после форсированной индустриализации начала века прошла столь же форсированную постиндустриализацию.

Некоторые политики пытаются заставить Россию вновь индустриализироваться и модернизироваться. Подражать себе прежней или Европе прежней. Но нельзя дважды войти в одну и ту же реку, надо создавать что-то совершенно оригинальное. Причем за нас это никто не сделает. Европа нам не помощник, она доживает свой социалистический век, свой застой, ей еще предстоит наш упадок и наш «беспредел девяностых». У них масса своих проблем, а мы находимся в авангарде истории и должны сами за себя думать, что делать дальше. Проект «Петр-перезагрузка» сейчас для нас невозможен, потому что нам нечему подражать в Европе, чему мы еще не подражали: нет у Европы новой миссии, нет даже упадочной миссии на манер марксизма.

Поскольку у нас самый большой опыт постиндустриализации, вплоть до полного разрушения индустрии, никто, кроме нас, не заглянул дальше за границы после постмодернизма, а раз так, нам и предстоит придумать новый «изм», тот, что придет после постмодернизма, тот, что станет будущей европейской и мировой модой. Можно, конечно, остановиться и ждать, пока Европа придет к концу, и сама придумает «новое начало», новую миссию, а потом опять подражать ей. Но на этом пути ожидания можно и не дожидаться...

Вопрос о будущей миссии — вопрос отдельный. Важно подчеркнуть, что сейчас Россия стоит, конечно, не в положении Петра Великого, а как раз в положении, когда его проект был исчерпан. Если уже для Пушкина была очевидна смерть Европы (на 50 лет раньше Ницше и почти на 100 лет раньше Шпенглера), то сейчас, чтобы учуять ее трупный запах, не надо быть гением.

Европа прошла «точку невозврата», ее уже ничто не может спасти от реконкисты, она лишена воли к сопротивлению, ее культура не превосходит соседние, а наоборот, является самой отсталой. Европа консервирует демократическую риторику и «либеральные ценности» 200-летней давности, настаивает на том, что уже давно не работает ни как практика, ни как теория. Европа утратила духовное лидерство, ее презирают, ей никто не хочет подражать, никто не желает в нее вливаться, ассимилироваться.

Сейчас надо быть конченным некрофилом, чтобы делать «европейский выбор» по примеру Грузии или Украины. Это имело для них смысл 300 лет назад, во времена Мазепы, но сейчас это смешно. Все с ярмарки, а они на ярмарку. До провинции, до окраины (украины) все доходит поздно. Провинциалам подсунили «европейскую демократию» — товар третьего сорта и

третьей свежести, и они заплатили за него самую дорогую цену.

Россия, слава Богу, такой выбор не сделала, но, к сожалению, и позитивного проекта исторической миссии наша духовная элита публике еще не представила.

АЛЕКСАНДР I — ЗАГАДКА РУССКОЙ ИСТОРИИ, ИЛИ О ГОСУДАРСТВЕ И НАРОДЕ

Как все великие у нас вожди, Александр I незаслуженно оболган. У нас ведь как: победил Александр Невский немцев — оказывается, он монгольский коллаборационист, расширил Иван Грозный в два раза пределы России — страшней его нет. Победил Петр I Карла, перед которым пала вся Европа, антихрист — Петр I, Сталин победил Гитлера, перед которым опять-таки Европа прогнулась за полгода, так Сталин стал параноик и диктатор, а заодно и тот же антихрист. При Екатерине Великой наша страна стала чуть ли не самой влиятельной в мире, а стоял за Екатериной — Потемкин. А сколько грязи вылито на Потемкина! Одни «потемкинские деревни» чего стоят! Вот и Александр I — царь, при котором мы победили Наполеона, повергнувшего влет всю Европу, оболган донельзя или забыт. Весь мир знает Наполеона, в его честь называют коньяки, а кто помнит царя, вошедшего в Париж победителем?

Вот типичный набор обвинений от самого Пушкина:

...Властитель слабый и лукавый
Плешивый щеголь, враг труда
Нечаянно пригретый славой...

* * *

...Гроза двенадцатого года
Настала — кто тут нам помог?
Остервенение народа,
Барклай, зима иль русский Бог...

* * *

...И скоро силою вещей
Мы очутились в Париже,
И русский царь — главой царей...

Александр Сергеевич Пушкин в молодости был «либерал и демократ», как сейчас принято говорить, а значит, повторял все типичные русофобские и антигосударственные байки, которые ходили в «интеллигентном» обществе.

Действительно русский царь вошел в Париж и стал главой царей, а Россия величайшей сверхдержавой... Не могло это случиться закономерным образом, рассуждали «европейцы», это могло произойти только случайно, «силою вещей», а не русских людей! А царь всего лишь «случайно пригрет славой»... Ну прямо Ксюша Собчак того времени: «Сталин просто жил в то время, когда мы (!!!) (видимо, и Ксюша тоже), победили...». Ксюша даже себя записывает в победители, а Сталина в победе отказывает... Так и тогда.

Правда, Наполеон говорил, встретившись с Александром в Тильзите, что определенно это очень умный человек, и если не он, Наполеон, то нет никого во всем мире, кто бы мог стать преемником его в Европе. Вот так!

Юный Пушкин с Александром не общался, поэтому Наполеону в вопросах оценки людей я верю больше. Консерватор Державин, лично знавший царя, тоже восхищался им, а также либерал Сперанский, говоривший, что «даже человек с каменным сердцем

не может устоять перед его обаянием». Вообще Александра звали «загадочный Сфинкс», поголовно все современники, отмечали его артистизм, меланхолию, склонность к экстравагантным поступкам, спартанский образ жизни, высочайшую образованность...

Или вот еще один миф: русская погода помогла, «генерал Мороз» разбил французов... Правда, Наполеон писал: «Осень здесь такая же как в Фонтенбло, не понимаю почему в России не выращивают виноград?». Или вот: Пушкиным упомянут Барклай, но не Кутузов. Ну не может русский лапотный мужик быть великим полководцем!

Но сейчас не о великом Кутузове, а об Александре. Что мы знаем о нем? Человек пришел к власти в результате убийства собственного отца. Уже интересно. Обычно у нас отцы убивали сыновей (Грозный, Петр, Сталин), а тут наоборот, исполнение «Эдипова комплекса» в чистом виде. Что было на душе у парня в течение всей его жизни? Или, может быть, кто-то полагает, что человек, переживший такую драму, не испытал серьезнейших последствий для своей психики и экзистенции, остался всего лишь «плешивым щеголем, слабым и лукавым»?

Я не одобряю отцеубийства. Так же как и не ругаю Пушкина (это один из моих любимейших поэтов, особенно зрелый и поздний Пушкин — убежденный патриот и монархист), я просто настаиваю, что такое «жало в плоть» как убийство отца не могло не жечь душу царя все время и не подвигать его мышление к постоянной рефлексии. Вообще то, что он решился на поступок или даже дал санкцию, говорит о том, что это человек поступка, а не «слабый властитель».

Еще этот «слабый властитель» в начале правления провёл крупнейшие государственные реформы. Вёл успешные войны с Турцией (1806—1812), Персией

(1804—1813) и Швецией (1808—1809). При Александре I к России присоединены территории Восточной Грузии (1801), Финляндии (1809), Бессарабии (1812), Азербайджана (1813), бывшего герцогства Варшавского (1815). После Отечественной войны 1812 года он возглавил в 1813—1814 годах антифранцузскую коалицию европейских держав. Был одним из руководителей Венского конгресса 1814—1815 годов и организатором Священного союза.

Не слабо для «слабого властителя»? Тут еще не упомянута победа над Наполеоном, которого Гегель, например, объявлял не меньше чем воплощенным «мировым духом».

Есть еще одна интересная легенда о том, что Александр I часто в конце жизни говорил о желании уединения, что он «пахал, как раб на галерах», говоря словами Путина, устал заниматься государственными делами... Ничего себе «щеголь и враг труда!» Чего же ему на царском месте не отдыhalось!? Что мешало? А он просто хотел так же как Александр Невский, в честь которого его и назвала Екатерина Великая, в конце жизни принять монашество.

Легенда гласит, что Александр инсценировал собственную смерть, стал простым «странником Федором Кузьмичом», молитвенником за народ. Причем легенду активно распространяли церковные старцы... Согласно этой легенде в Таганроге умер и был затем похоронен не Александр, а его двойник, в то время как царь еще долго жил старцем-отшельником в Сибири и умер в Томске в 1864 году. Возможно, замаливал грех отцеубийства, возможно, благодарил Бога за великую и счастливейшую судьбу... Фактов, подтверждающих гипотезу, предостаточно. Отвергнуть или подтвердить ее может только генетическая экспертиза (мощи старца хранятся в Томске).

Еще одна деталь лживого антицарского мифа: «войну выиграл русский народ», или даже, как сказал Пушкин, «остервенение народа». Без всякого царя выиграл, или выиграл вместе с Кутузовым, на крайний случай. Тут для мифа постарался уже Лев Толстой. Это он представил Кутузова неким дебилом, который спит на военных советах и думает не о диспозиции, а чтоб «дух» был хороший в войсках. И вообще толстовский фатализм — «чему быть того не миновать» — как раз из серии пушкинского «силою вещей... мы очутились в Париже»...

Дух — духом, но индейцы со своим свободолобивым духом много против янки не навоевали в своей родной Америке. Да и европейцы со своим духом ничего Наполеону не смогли противопоставить, хотя он вторгался в их пределы, и им, по идее, надо было умирать за Родину...

Воевать надо уметь! Прославление героизма и партизанщины призвано лишний раз сказать: начальство — бездарные уроды, и их бездарность компенсировалась героизмом простых людей... Так у нас и про Смутное время говорят, и про обе отечественные войны. Хотя во всех случаях были конкретные организаторы Победы.

Выгодно либералам каждый раз отрицать роль государства, оно ведь, по их теории, должно быть либо «ночным сторожем», либо вовсе исчезнуть. С либералами в нелюбви к государству сходятся и патриоты, и националисты. Ведь для них главная ценность — народ, нация. Народ — его величество, его и надо возвеличивать и ему все приписывать. А если послушать левых мыслителей, то подавно надо за народ выступать! Не помещиков и капиталистов, и прочих аристократов-эксплуататоров же возвеличивать в истории! Так выгодно было и в советские времена историю пред-

ставлять не историей царей, а историей мужественного народа...

Получается, что и либералы, и националисты, и левые клонят в одну сторону. И тем самым сочиняют для нас искаженную историю, на основании которой мы уже никогда не сможем научиться принимать правильные решения.

Я как человек, сотни раз участвовавший в войнах, правда информационных (а всякая война есть в сущности и прежде всего война информационная), скажу: влияние личности ОГРОМНО, особенно личности того, кто принимает решения. Он может сам не быть профессионалом ни в чем, но умение выбрать нужное решение из той кучи, что тащат миллионы борющихся за уши советников, — момент решающий. Я видел, как кампания, которая должна быть победной на 100 %, проваливалась только из-за одного урода, даже не на самом вершине пирамиды, а просто в штабе. Я видел чудеса, когда кампания, которая не имела ни одного шанса, становилась победной только благодаря тому, что наверху сидел даже не гений, а просто тот, кто не мешает профессионалу побеждать. А этого уже достаточно!

Александр I это умел. Он был, притом что считался «врагом труда», или благодаря тому, что был «врагом труда», величайшим организатором и кадровиком. Он имел потрясающий нюх на то, кого надо слушать, кому поручать то или иное дело, какое решение нужно принять... Он, «враг труда» так же, как и Сталин, видимо, не ездил на фронт и сам не ходил в атаку, за что и подвергается историческому забвению до сих пор. Адресую всех к книге Доминика Ливена (Lieven), профессора Лондонской школы экономики). Книга называется «Россия против Наполеона», вышла в свет в 2009 году. Эта книга у нас не переведена, но есть дру-

гая: «Российская империя и ее враги с XVI века до наших дней». Много чего интересного, хотя я не всегда согласен с идеологической позицией автора.

Александр I удалось сколотить замечательную команду, команду победителей, где каждый внес огромный вклад в победу. Например, наша разведка имела все данные о движении Наполеона. Он не успевал чихнуть, а это знали в нашем штабе. Тем более мы владели всеми его планами и военными замыслами. Кстати русский штаб, благодаря такой информированности, играл с Наполеоном как кошка с мышкой. Почему же шефа разведки, возможно лучшего во всех временах и народах, не ставят в один ряд с Кутузовым?

Дело в том, что это... граф Бенкендорф, глава секретной полиции, душитель, угадайте с трех раз... Правильно, либералов и демократов и прочей прогрессивной интеллигенции... Уж они-то постарались закидать его имя грязью так, что до сих пор ни один историк, за исключением английского, не удосужился упомянуть графа в позитивном контексте.

Или такой «кадр»: готов поспорить на 1000 долларов, вы о нем ни разу и не слышали. Это Егор Францевич Канкрин, глава тыла и будущий министр финансов империи. Он обеспечивал всю армию припасами, продовольствием, обмундированием, едой, оружием, чего, кстати, не смог сделать Наполеон в сходных условиях в одной и той же местности.

Мы все знаем по картинкам босых и голодных французских солдат, которые вынуждены были отступать по разоренной смоленской дороге. Но мы-то по ней наступали! И не босые, а обутые и очень даже сытые, как и во все прочие дни военной кампании. И случаев воровства тылового, как в истории с Крымской войной или Японской, или Первой мировой, тоже не было замечено. Наполеон сам говорил, что его

подвел тыл, а не военный гений, так почему же мы не знаем нашего главного тыловика!?

Что мы знаем о великих стратегах и полководцах, таких как Остен-Сакен, Витгенштейн, Евгений Юртенбергский, барон фон Толль, Чернышев, Еромолов, Милорадович? Мы слышим про Раевского, Тучкова, Давыдова и Багратиона непропорционально много просто потому, что они попали в поле зрения Льва Толстого и выражали, с его точки зрения, тот самый «дух героизма», благодаря которому одерживается победа. Читайте упомянутую книгу.

Историческая максима всех наших публицистов, с помощью которой оцениваются все события истории: все хорошее приписывать народу, а все плохое — конкретному руководителю или еще какому-нибудь козлу отпущения (на худой конец, государству, властям), отдает не только пошлостью и исторической безвкусицей, но и выявляет элементарные детские безответственность и эгоизм — «мы, народ, самые лучшие, пуп земли, а если что-то плохое сделали, то мы не виноваты, виноват дядя». Между тем, именно народ, предоставленный сам себе, как раз и являл самые худшие примеры беспредела: в Смутное время, в пугачевщину, в гражданскую войну, в 1990-е...

Важно понять: народ без государства все равно что тело без мозга и нервной системы. Говорить, что тело без мозга победило в войне — это демонстрировать ту же самую безмозглость. Ругать мозг за то, что он ест и ничего не делает, а мы, мышцы, работаем, по крайней мере, недальновидно. Можно, конечно, в порыве борьбы за справедливость даже и убить свой мозг за то, что он плохо работает и плохо думает, только долго ли потом протянут мышцы?

В мире тысячи народов, не имеющих собственного государства. Они мечтали бы получить пусть даже са-

мое плохонькое, но свое. Они готовы его беречь и нести как хрустальный шар, бережно и все прощая, лишь бы оно было... Мы же, имея великое государство, входящее в десятку мировых по самым разным параметрам, имеющее великую историю, только и делаем, что критикуем его и поносим...

Да остановитесь же!!!! Не нравится тебе то, что делает государство, возьми и делай то, что надо делать — сам, без всякого государства. Помогай строить, а не разрушай! Предлагай, а не критикуй! А если не можешь предложить или делать, — просто помолчи!

Однажды блогеров в интернете возмутила случайное сравнение: власти — с пастухами, а народа — со скотом, которого власть пасет. Однако фраза про народ, который скот (быдло) и пастухов-власть, на самом деле является господствовавшей на протяжении тысячелетий концепцией взаимоотношений власти и народа. И сейчас в церквях священники спокойно называют себя пастырями, а прихожан овцами, и прихожане не идут бить батюшкам морду...

Поскольку наши блогеры не имеют исторического и вообще какого-либо гуманитарного образования, надо им кое-что пояснить.

Итак, неоднократно в Ветхом и Новом Заветах, в Коране, рассуждениях святых отцов, пророков, философов и прочих вы встретите эту АНАЛОГИЮ. Народ — это овцы (иногда с главным бараном во главе). Власть — пастухи. Воины и полиция — собаки. Волки и лисицы — преступники и внешние агрессоры. Хозяин стада — Бог.

Бог есть тот, кто вручил некую власть пастухам, но и нагрузил обязанностью заботиться о стаде, ибо сами пастухи приставлены к стаду и без него ни для чего не нужны.

Обязанность перед вверенным стадом, а также обязанность и ответственность перед Богом должны пронизывать действия пастухов. Они не могут пренебрегать стадом, каждый день пить вино и жрать шашлык из понравившегося барана. Естественно, пастухи, питаются от стада, берут молоко, мясо, шерсть, жарят шашлык иногда. Но это не значит, что стадо наняло пастухов и платит им налоги, а потом может с них что-то требовать.

Пастухи ведут стадо к сочным травам, перегоняют с поля на поле, чтобы стадо тучнело, следят за увеличением поголовья и отдают волкам больных и заразных особей, дабы не портили остальных. А еще не дают стаду быть самоуправляемым, иначе все главные бараны передерутся, стадо забредет непонятно куда, распадется, достанется волкам поодиночке или в порыве энтузиазма побежит за главным бараном и упадет в пропасть, затоптав самок и молодых. Бешеного барана пастух может и пристрелить. Теперь давайте разберемся с понятием АНАЛОГИЯ. Как говорил великий Кант: «Аналогия — это не отношение подобия, а подобие отношений». Поняли? Еще раз: «Не отношение подобия, а подобие отношений». То есть когда власть сравнивается с пастухами, не обязательно представлять их в папах и бурках с палками в руках. А когда мы говорим, что народ есть стадо, то не намекаем тем самым, что у людей рога и копыта. НЕТ! Речь идет исключительно о подобии отношений между одной категорией и другой.

Когда говорят о власти как о пастухах, а о народе как о стаде, имеют в виду исключительно обязанность власти перед Богом: беречь, охранять и умножать народ, защищать его от внутренних и внешних врагов, питаясь тем, что народ производит. Не допускать смут, распрей, паники, которая

ведет в пропасть, разброда и разобшения и проч. Ничего обидного в этой аналогии все поколения жителей Земли в течение тысячелетий не замечали, наоборот, видели великую мудрость.

Кстати, слово «скот» (по-польски — быдло) тоже не было ругательным. Скот — источник жизни, особенно у кочевников, скот — друг человека. Многие боги в язычестве сами были скотоподобной внешности, то есть скот воспринимался даже выше людей, имел прямое божественное происхождение.

В наше время это отношение сохранилось: помню, бабушка, например, не относилась к скотине с пренебрежением. Корову звала красавицей, козу — кормилицей. Всех считала божьими тварями, только человек — тварь говорящая, а животное — «тварь бессловесная» (ее выражение). У многих народов это «экологическое сознание» сохранилось и сегодня. Например, о том, что в Индии коровы — священные животные, известно, надеюсь, всякому.

Традиция считать животных братьями нашими меньшими существовала и в Европе (в христианской Европе) и была подорвана только во времена Возрождения и Просвещения, хотя очаги сопротивления все время оставались. Сейчас животных и людей сближают разные версии экологических мировоззрений, постмодернистские вариации или даже такие экзотические концепции как у Александра Невзорова с его манежными читающими лошадьми...

Но сейчас не об этом. Сейчас об альтернативной аналогии. В эпоху Возрождения появилась такая штука как «гуманизм». Разные мыслители тем или иным способом начинают доказывать привилегированное положение человека в мире.

Самая популярная версия такая: Бог создал человека свободным. Человек, в отличие от ангелов и жи-

вотных, свободен, а значит, может стать и ангелом, и животным, и даже хуже животного. То есть вроде бы человек выше остальных тварей, а с другой стороны, всем понятно: предоставленные свободе люди в абсолютном большинстве хуже скотов. Поэтому абсолютистские режимы тоже использовали пастушеско-стадную аналогию в своих интересах даже в большей степени, чем прежние власти.

Если человек может быть хуже скота, то к народу оправдано еще более жесткое отношение, чем к стаду.

В эпоху Просвещения, после того, как Декарт придумал «субъекта», сказав, что «абсолютная истина» находится внутри человека, а не вне его, и человек — хозяин всего сущего, начинается эпоха «демократий». Поскольку человек теперь — самое ценное, что есть в сущем, без него ничего не должно решаться. Выходит, долой всякие вассальные отношения, царей и королей, да здравствует выборы, на которых мой голос учтут! Долой цеха и гильдии, рабство и крепостничество, да здравствует свободный рынок! Долой гражданство, да здравствует свобода перемещения, долой каноны творчества, как хочу так и самовыражаюсь! И так далее.

Именно в это время появляется следующая популярная АНАЛОГИЯ, объясняющая взаимоотношения власти и народа. Бога в этой аналогии нет, зато есть полное отождествление государства с акционерным обществом. Типа народ — это такие жуки-работяги, которые за деньги (налоги) наняли себе правительство (непонятно для каких целей, правда, раз они же и руководят этим правительством и его «контролируют»), поставили над ним надсмотрщиков в виде прессы и проч., еще ввели разделение властей, чтобы власти друг с другом собачились, партии конкурировали, а мы, народ, могли бы этим пользоваться и выбирать

лучших менеджеров, контролируя худших. И вообще в любое время всех можем разжаловать, выйти на площадь и ага!

Теорию «народного суверенитета» критиковали многие мудрецы. Они объясняли, например, что суверенитет — это то, откуда идут законы, следовательно, он стоит над законом, а весь народ над законом стоять не может!

Они объясняли: а) ни на каких выборах никакой народ в принципе не может выбрать лучших, а всегда выбирает проходимцев и манипуляторов;

б) никакого «общественного договора» никто не подписывает и «найма на работу чиновников» народом нет ни теоретически, ни практически;

в) из-за разделения властей только больше бюрократии и государство работает как лебедь, рак и щука;

г) власть в принципе невозможно контролировать, потому что всегда понадобится контролер, который контролирует контролера за властью, а потом контролер, который контролирует контролера, который контролирует и т. д.

Все не впрок! Все равно во всех конституциях мира написано: «суверенитет принадлежит народу». Ну нравится народу эта фраза, что поделаешь! Поэтому и пишут, жалко что ли?! Правда, сразу, еще в XIX веке, сторонники концепции государства как «акционерного общества» разделились на либералов и демократов. Либералы говорили: кто платит, тот и заказывает музыку. Раз правительство содержится на наши налоги, то оно пусть и выполняет волю того, кто больше платит, а именно крупного капитала. А всяких нищих, необразованных, зависимых, женщин, подростков и прочих надо гнать от выборов подальше.

Демократы, напротив, настаивали: каждый человек, независимо от собственности и количества запла-

ченных налогов, а также образования и прочего, имеет право выбирать.

Либералы возражали: голосующая гопота будет вечно залезать нам в карман и перераспределять налоги в свою пользу, создаст социализм, который приведет к загниванию!

Демократы орали: права человека священны для всех, перераспределение благ хорошо, иначе власть и богатство вечно монополизированы в руках одних, что тоже приведет к загниванию.

Так, пугая друг друга застоєм, обе партии. то сдавая позиции врагу, то отвоевывая их, проколупались весь XX век.

Из-за популизма и соблазна получить новые голоса за счет невключенных избирателей, все больше политиков давали постепенно права большинству, а не только крупным собственникам и образованным.

Наиболее радикальный демократический эксперимент поставил СССР, когда действительно отделил власть от собственности (равные избирательные права в странах Запада были введены позже, чем в СССР). Как и грозились либералы, это СССР и погубило.

Впрочем, на Западе те же права и стандарты демократии привели практически к тому же «социальному государству» и «шведскому социализму», а в США привели к тому, что выгоднее быть безработной беременной афроамериканкой и получать от правительства больше, чем здоровый белый образованный мужик. Привело это и к ипотечному кризису, когда всяким неграм-бомжам раздавали кредиты под дома, потом раздували из этого с помощью производных бумаг пузырь, который и лопнул... Значит ли это, что демократия ведет только к застою, а либералы, типа Березовского правы, радикально настаивая на том, что правительство содержится на налоги и потому

должно выполнять волю того, кто их больше платит? Нет. Не правы ни демократы, ни либералы, порочна вообще концепция государства как «акционерного общества», то есть государства, где вся власть якобы у народа, он суверен, нанимает (выбирает) служащих и проч. Правды в этой красивой сказке, а точнее АНАЛОГИИ, не больше, а меньше, чем в аналогии между стадом и пастухами.

Хоть и приятненько выглядит сказка о народо-хозяине всего-всего, на самом деле эта концепция имеет четкие исторические рамки. Это эпоха отрицания Бога и провозглашения человека господином сущего, а государства - механизмом реализации прав и свобод этих господ всего сущего (права человека). На самом деле как только мы начнем понимать, что философия Просвещения уже 300 лет, и она сама успела устареть, что люди и народы вовсе не хозяева себе и подчиняются судьбе истории, иллюзии по поводу «народного суверенитета» и выборов исчезают. Да, все гораздо сложнее и не описывается аналогией с пастухами и стадами, так же как и аналогией с акционерным обществом. Как на самом деле обстоят дела — вопрос философам и политологам. И уж точно о нем не могут поведать сетевые хомячки, живущие эмоциями и эмоционально на все реагирующие.

Один из главных апологетов теории «власти народа» — яркий публицист Юрий Мухин. Однажды он, активно критикующий власть, был замечен в компании правозащитников, живущих на американские гранты. Видимо рассуждал, что против власти все союзники хороши.

Мы знали Ю. Мухина как патриота по книгам «Антироссийская подлость», «Убийство Сталина и Берии», но вот до чего он докатился в своей оппозиционности. Братается с теми, кто в 1990-е годы вдвое сократил

ВВП России, и выступает против того, кто в 2000-е годы ВВП России вдвое увеличил... Такова логика абсурда, логика оппозиции. Таковы бесы ненависти к власти, которые мусят разум. Хотя все это неспроста.

Главная идея Мухина о «контроле власти со стороны народа» уже сама по себе власовская, лоховская, популистская, абсурдная и неосуществимая (к тому же вредная, если ее пытаться осуществить). «Власовщина» — это когда генерал вдруг заявляет, что он вправе обсуждать действия главнокомандующего и решать, правильны они или нет. И исполнять его приказы в зависимости оттого, вмещает ли их его хилый умишко. Много бы навоевал Сталин, если бы у него в команде сидели «мухины», которые вместо того, чтобы умирать «За Родину, за Сталина» без обсуждения, начали бы судить да рядить, прав Сталин или нет, и еще осуществлять «контроль власти со стороны народа»...

Власовщина и состоит в том, что человек считает: если его дикий череп вдруг решил, что «власть плохая», то можно и нужно брататься с иностранцами, врагами и вообще с любой нечистью ради свержения этой власти.

Допустим, я рядовой (или командир), и я вдруг понял, что главнокомандующий — дурак. Это может вести к двум вариантам:

1) я бегу брататься с врагом, чтобы «мочить» свою «плохую власть»;

2) я беру на себя больше ответственности, чтобы компенсировать недостатки верхов. Я понимаю: потребуется гораздо больше мужества, стойкости, ума и проч., что рассчитывать, будто «наверху решат» и чудом спасут, — нельзя, мне вот тут надо умереть, но сделать все, от меня зависящее, положив как можно больше врагов... Орать против власти и митинговать, конечно, легче, чем дополнительную ответственность брать...

Был такой вопрос в 1990-е годы, типа проверки на вшивость: «А где ты был в августе 1991-го»? Сколько я повидал этих «защитников Белого дома»!!! Наверное, если посчитать, миллионов десять наберется...

А я горжусь, что не был среди этих лохов и не участвовал в позорном развале страны. Слава Богу, я наигрался в это еще в 1987—1989 годах, когда был «неформалом».

А в 1991-м я находился в Ульяновске, в уединении, на квартире у дяди, который уехал на Север, и читал «Истину и метод» Г. Гадамера. И радовался, что на родине бунтаря Ленина ни одна собака не вышла никуда горланить и ничего защищать... ПОТОМУ ЧТО ЭТО ОДНИ И ТЕ ЖЕ.

1917 год (февраль и октябрь)

Россия — четвертая в мире по всем показателям экономики, первая - по золото-валютным резервам, в два раза больше по территории, чем нынешняя, с огромными темпами роста населения и проч. НО! Царь плохой... И надо потенциальную державу-победительницу свергнуть в хаос, убить десять миллионов ее жителей в гражданской войне...

1991 год

Как сказал умирающий историк Академик Нарочницкий, который помнил 1817-й: «Это пришли те же самые!». Та же «прогрессивная общественность» и «либеральная интеллигенция».

СССР был в полтора раза меньше по ВВП, чем США. Кстати, сравнения некорректны. США эксплуатировали полмира: надо включать в их экономический кровооборот страны Южной Америки и Африки и считать средний ВВП для всех, не обращая внимания на экономические границы, раз уж на них внимание не обращала экономика, а мы отдавали другим. Мы

правили половиной мира, были первыми в космосе, авиации, образовании и проч.

НО... Брежнев был плохой, Горбачев плохой... А значит, надо развалить полстраны, упасть по ВВП в два раза, убить мягко миллионы людей, ввергнуть все в хаос 1990-х...

«А ЧТО НЕ ТАК?» — могут возразить. — ВЕДЬ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО и царь был так себе, и Брежнев с Горбачевым... Все правильно наши предки делали!

Правы были Ленин и Троцкий, Гайдар и Чубайс! И оппозиция сейчас права, раз уж «Путин плохой»... Надо опять все развалить и залить кровью...

Одни и те же...

Говорят: «Путин плохой». А Кучма хороший был? Нет! Значит, правильно майдан делали и Украину на пять лет назад отбросили? Выходит, правильно Немцов на майдане танцевал?

А Николай II тоже был с недостатками. Значит, правильно империю развалили?

Горбачев точно плохой был. Получается, не зря СССР развалили????

А для кого-то и Сталин был плохой. Значит, правы бандеровцы и власовцы?

Тот, кто оправдывает сейчас свои действия по развалу России тем, что «Путин плохой», тем самым оправдывает и Гайдара с Чубайсом в их время, и Власова с Бандерой в их время, и Ленина с Троцким в их время... Дескать, нельзя служить стране кроме как ее разваливать. Невозможно менять винтики, когда «вся система виновата», лучше ее «снести до основания, а затем...».

Ладно, тогда еще была Российская Империя и СССР, еще было что ломать. Сейчас-то Россия слаба, и уж точно после очередного «до основания» не поднимется. Ее надо нести как хрустальный шар в руках, боясь пошевелиться и вздохнуть лишний раз...

А у нас опять — раззудись плечо!!!! Айда! Ату! Власть — козлы! А, коррупция! Ату! Химкинский лес! ЭЭЭЭ! Си-ние ведерки! Эгей! Черные «волги»! Распутин на троне! Гнать!!!

Одни и те же горлопаны...

Все мучает меня загадка: почему современное государство так отличается от древнекитайского, которое мне кажется идеалом, и все больше прихожу к выводу, что концепции их построения прямо противоположны.

Возьмем современное общество. Считается, что источником инноваций в этом обществе и направляющей силой служит само общество и сам народ, он же по Конституции и суверенитетом якобы обладает. Следовательно, общество есть авангард, оно бурлит, что-то придумывает, у него есть элита креативная, которая рождает идеи, как технические, так и культурные, религиозные. Общество посредством депутатов идеи, которые стали общепризнанными, превращает в законы.

Пока общего признания нет, идеи конкурируют спокойно в СМИ и в культуре. Для этого должны быть свобода, открытость и гласность. Но как только появилось общее признание, КАК нужно делать, парламент принимает закон, и его уже исполняет исполнительная власть в лице серых и тупых чиновников.

В этой концепции государство изначально — жи-раф, до которого все доходит очень медленно и в последнюю очередь, государство — отстой, тормоз, самая консервативная часть общества, следящая только за общепринятыми нормами. Это та схема, к которой стремятся наши либералы.

Хорошо. Пусть будет эта схема. Тогда какого чер-та мы постоянно ругаем государство, мол, оно что-то не сделало или не доглядело, или не предсказало, оно

тупое, серое, бюрократичное и консервативное, как гиря на ногах. Ведь в этой концепции его и задумали таким! Тогда все претензии к себе, а не государству!

Чиновники такого государства — изначальные тупицы и болваны, самые серые канцелярские крысы, самый отстой нации, которые изначально должны сопротивляться всему новому, осторожничать, прятаться за каждой бумажкой и требовать всякий раз от парламента закон или инструкцию, ничего не делая, просто поджидая, когда им принесут.

Кроме того, предполагается изначально, что на любой пост может попасть плохой человек, более того, сам дьявол, и он может своим служебным местом корыстно воспользоваться. А раз так, все движения чиновника должны быть максимально регламентированы и запротоколированы, чтобы даже сам дьявол ничего не мог сделать плохого.

Да, ангел из-за этой бюрократии тоже не сможет, но и не надо. Пусть идет в гражданское общество, там двигает свои светлые идеи, и если они светлые, их подхватят, примут в виде закона, а потом чиновники его тупо исполнят.

Поэтому неважно, какой чиновник как человек придет в это государство. Оно заточено на то, что это винтик, который регламентирован со всех сторон. Этой же цели служит и пресловутое разделение властей, созданное для того, чтобы различные ведомства контролировали друг друга, мешали друг другу, делали все медленно и без риска, чтоб, не дай Бог, кто-то не смог что-то сделать быстро и много.

Государство должно вызывать ощущение вязкой жидкости, подобной гелю или глицерину, где все делается медленно и через силу, чтобы, не дай Бог, жулик, если сюда попал, не смог наворотить делов. Ведь главная опасность для государства в этой либеральной кон-

цепции — стать тоталитарным, то есть подчиненным воле одного, как стая рыб или косяк птиц. А вдруг этот один будет плохим или его власть испортит? И тогда государство ему не помешает, не станет для него сопротивляющейся средой, в которой он запутается, а наоборот, превратится в проводник его злой воли.

Теперь берем другой вариант. Изначально предполагается, что государство — не отстой нации, а ее сливки, элита, лучшие люди страны. Тогда они — источник инноваций, а также руководящая и направляющая сила. Каждый человек в таком государстве не винтик, а личность, и регламентировать его не нужно, наоборот, надо дать помочь ему раскрыть способность творить добро для всех. Как говорили греки, хорошим людям много законов не нужно.

Сразу исчезает проблема бюрократии. Ведь бюрократ в куче законов ловит рыбу в мутной воде, в них уже никто, кроме него, ничего не понимает. Именно так возникает почва для мелкой коррупции. В государстве элиты нет почвы для коррупции, потому что честный человек ей не занимается.

А если попадется нечестный? — возникает резонный вопрос. Ответу. Везде действует самосбывающийся прогноз. Если мы изначально предполагаем, что каждый чиновник вор и дьявол, то в итоге, несмотря на рогатки и даже благодаря им, он и будет вор и дьявол. А в государстве, состоящем из элит, изначальная основа здоровая: в ней чиновник понимается как лучший человек, личность. И если уж он плохой, общество еще хуже. И самосбывающийся прогноз будет давать нам лучших людей именно потому, что государство будет требовать от них лучших качеств: творчества, ответственности, человечности.

Как сделать, чтобы в государство попадали действительно лучшие, элита? Только через систему обра-

зования и систему отбора, которая, кстати, и была в Древнем Китае.

Система образования вообще и система подготовки государственных служащих - это основа всего-всего в таком государстве и обществе. На нее надо тратить как на оборону. А вот в бюрократическом государстве система образования не нужна, оно ведь и так заточено на то, что на место чиновника в любой момент может прийти урод.

Принцип бюрократического государства: не воспитывай никого, но заботься о том, что когда придет урод, нужно, чтобы он принес меньше вреда, и давай каждому как можно меньше власти. Принцип элитного государства: воспитывай лучших и давай им полностью власти и простор решений, чтобы они могли проявить себя на благо всех.

Бюрократическое государство строится на неверии в добрую природу человека. А элитное наоборот. Надо нашему руководству определиться, что оно строит: государство-отстой или государство-сливки?

НАСИЛИЕ И ИДЕОЛОГИЯ

Современные общества являются более идеологическими, чем все предшествующие. Для широких слоев российской общественности, утверждение звучит революционно. В самом деле идеология, начиная с перестройки, рассматривалась как принадлежность умирающего советского общества. Общество современное, демократическое якобы тем и отличается, что свободно от влияния идеологии. И вот пожалуйста, все возвращается на круги своя. Как тут не возопить, что новая российская власть и «кровавый гэбистский режим» восстанавливают со-

ветские порядки! Сейчас идеологию реабилитируют, скоро цензуру введут!

Вспомним, однако, историю проблемы. На протяжении веков и политики, и народ, и мыслители считали, что власть держится на насилии или угрозе такового. Спорили лишь о том, какое насилие легитимно, а какое — нет. В феодальных обществах, например, легитимным признавали насилие, освященное религией. Когда же религия сама утратила «легитимность» под напором просвещения, то легитимным стали признавать насилие, осуществляемое властью, избранной в соответствии с процедурами, соответствующими той или иной общественной теории. Различные идеалы общественного устройства предлагали философы-метафизики. Если раньше имелся один религиозный идеал, то сейчас идеалов может быть много, а значит, должны быть и специалисты по идеалам — идеологи.

Но уже в XVIII—XIX веках, в эпоху разгара научно-технической революции, теоретики позитивизма вроде Сен-Симона и Конта кричали, что кончилась эпоха мифов, религий и идеологии, а наступает эра научного знания, эра, в которой общество будет управляться в соответствии с научными законами. Кончатся конкуренция идеалов, так же как в науке нет конкуренции и споров по поводу того, сколько будет дважды два. Единственной идеологией этого неидеологического будущего общества станет идеология прославления великих ученых и прогрессивных деятелей и борьба со средневековым, религиозным, мифологическим и идеологическим мракобесием.

Марксизм унаследовал этот научный пафос: принципиально противопоставлял себя идеологии, считая ее прошлым.

Если еще не забыли, идеология во времена СССР называлась не просто коммунизмом, а «научным ком-

мунизмом». И споров по поводу общественного устройства у нас не должно было быть именно потому, что доводы, законы и доказательства науки едины для всех разумных существ. А наука железно и логично утверждала, что на смену капитализму идет социализм. Спорить с доводами разума мог только безумный, а значит, его место в психушке, куда и препровождали диссидентов.

Правда, в конце XVIII века философ Кант доказывал, что наука тем и отличается от религии, что ее знание не догматично, а критично, она постоянно развивается, следовательно, все утверждения науки - набор не истин, а гипотез. Но кто слушает философов?

Потребовалось не меньше 150 лет, чтобы религиозное преклонение перед наукой в западном мире сменилось на более-менее адекватную ее оценку. Недаром последователь и вульгаризатор Канта философ Поппер стал главным теоретиком «открытого общества», а последователь Поппера миллиардер Дж. Сорос — главным спонсором этой идеи.

Их усилия сыграли огромную роль в разрушении СССР. Поппер доказывал, что в СССР неправильно понимали науку, ее относительные истины сделали абсолютными. Что советская наука — замаскированная религия, то есть идеология, а надо вернуться к «открытому обществу», где конкурируют научные гипотезы в соответствии с истинным смыслом науки.

Поэтому в высшей степени удивительно, что в период перестройки ее вдохновители и «прорабы» заявляли об отказе от идеологий. Подобно марксистам столетней давности, они были уверены, что нашли абсолютную истину! Просто теперь «абсолютная истина коммунизма» в их головах оказалась заменена «абсолютной истиной демократии». Не надо им было никакой конкуренции идеалов, идеологий и гипотез,

все уже известно: есть, оказывается, «столбовой путь цивилизации», с которого «Россия сошла»!

Поразительно, но все эти либералы и демократы читали того же Поппера, ссылались на него и даже были проповедниками идеи «открытого общества», в то время как Поппер посвятил одноименную книгу доказательству одного тезиса: никаких «столбовых дорог цивилизации» не существует!

Представление о «столбовой дороге», о «законе истории» Поппер назвал историзмом и считал историзм главным грехом марксизма и вообще главным грехом против науки! Нет и не может быть никаких «законов истории», как нет и не может быть «идеальных обществ», называй их хоть коммунизмом, хоть демократией! И то и другое — лишь гипотезы, принципиально опровержимые.

Подождите, скажут мне, разве «открытое общество» и «демократия» — не одно и то же? Конечно же нет! Современная демократия американского или европейского типа далека даже от тех идеалов открытого общества, которые провозглашал любимый Поппером Кант. Например, в открытом обществе должны были бы исчезнуть «тайное голосование», «черный рынок» и многие другие явления. Кроме того, еще большой вопрос, а является ли кантовская теория общества идеалом «открытого общества»? Теория настоящего «открытого общества» еще не разработана. Есть подозрения, что современная Россия, например, более «открытое общество», чем современные западные демократии. По крайней мере, у нас есть конкуренция общественных идеалов.

Конкуренция за что? За право осуществлять «легитимное насилие», — ответили бы раньше. Но сейчас и этот пункт прежней политической мысли подвергнут ревизии. Уже марксист Антонио Грамши писал,

что власть держится не столько на насилии, сколько на согласии, а согласие есть продукт принятия определенной идеологии. Крупнейший теоретик власти XX века Мишель Фуко посвятил жизнь борьбе с нелепым и вредным представлением о власти как о чем-то негативном, то есть с представлением, что власть — это насилие. Власть властвует именно потому, что предлагает новый проект мира, предлагает нечто новое и позитивное!

Деятельность фараона в Египте или императора в Китае была подчинена огромному количеству религиозных ритуалов. На них все держалось, они обеспечивали согласие, порядок в обществе, а вовсе не насилие, которое использовалось как исключение. Власть легитимировалась Богом. Заведенный порядок сам давил на отдельного человека своей мощью. «Маленький человек» считал, что «не его ума дело» в этом разбираться и это менять, он не претендовал быть источником власти даже в малом, власть по умолчанию делегировалась тому, кто обладал ею от рождения, от Бога.

Но когда, в Новое время, от Бога отказались и хозяином сущего стал человек, (субъект, подлежащее) ситуация изменилась радикально. Современное общество тем и отличается от прежних, что не дает над собой властвовать никому, кто бы предварительно не объяснил своих действий, кто бы не обосновал свое право на власть, кто бы не убедил большинство в общезначимости и ценности своего проекта.

Это говорит о том, что идеология ОСТАЛАСЬ, просто теперь она должна быть принята каждым как его собственная идеология, тогда как раньше была не собственной, а общественной. Недаром в современных обществах применение силы со стороны государства рассматривается не как признак власти, а как признак отсутствия власти, слабости, неспособности убедить.

Суверенитет не дается просто так. Чтобы быть сувереном, недостаточно просто объявить себя таковым, нужно еще доказать, что ты суверен. Надо предложить такой идеологический конкурентоспособный проект, который приведет к согласию и будет принят.

Если твои идеи неконкурентоспособны (как случилось с нашей демократической оппозицией), потеряется и власть. Неправда, что демократы или коммунисты сейчас не у власти, потому что их «не пускают» в СМИ. Народ в массе своей заранее может сказать, что можно услышать от Зюганова или от Гайдара по любому вопросу. Они просто надоели, они неконкурентоспособны, они продают то, что уже давно не покупают, а они продолжают продавать. Они много лет бубнят одно и то же.

Нельзя выиграть в конкуренции раз и навсегда, получить право и успокоиться, надо постоянно продуцировать согласие, убеждать, владеть инициативой. Власть, которая перестает владеть инициативой, которая успокоилась, которая не продуцирует консенсус, не убеждает, такая власть становится чистым насилием. Следовательно, она не является властью, и она рухнет.

Понятно, что по любому вопросу в обществе всегда будут различные точки зрения, поскольку всегда будет так, что кто-то один не может убедить другого и наоборот. Для каждой из спорящих сторон противоположная сторона будет всегда выглядеть как насилующая. Насилующая, как минимум, «здравый смысл», как его понимает каждая из сторон.

Поэтому когда оппозиция обвиняет власть в тоталитаризме и когда власть обвиняет оппозицию в экстремизме и вместе они обвиняют друг друга в «фашизме» — это естественно. Это просто симптом наличия в обществе противоречий по разным вопросам. Это

подтверждение, что в обществе есть стороны, каждая из которых не может убедить другую, а значит, выглядит для противоположной стороны как насилующая.

Когда некий человек или меньшинство не согласно с господствующей идеологией, то, конечно, для них это господство выглядит как насилие. Но на их крики не стоит обращать внимания: это их мнение, а не уровень насилия в обществе. Точно так же не стоит обращать внимание на стенания власти по поводу экстремистов, которые тоже насилуют, а не убеждают власть. Для господствующей идеологии все экстремистские выходки — ерунда и комариный укусы, и общество они не разрушают...

Иное дело, когда нет большинства и меньшинства, когда общество разделено на равные лагеря, когда конфликтность велика. В такой ситуации слишком большие группы людей чувствуют себя несогласными с другими большими группами. То есть реально уровень «чувства насильности» оказывается высок для каждой из сторон!

Отсюда парадоксальный, но объективный вывод: чем больше в обществе конкуренции, конфликтности, несогласия, тем больше в нем ощущается насилие! Максимально «насильное» общество то, в котором идет война всех против всех, никто друг друга ни в чем не убеждает, на насилие и отвечает насилием. В этом обществе нет идеологии, продуцирующей согласие, нет мира, нет права, каждый враг другу, право каждого кажется соседу узурпацией, насилием.

Это «дикое состояние» оставлено человечеством в самом начале истории, с того времени, как возникли первые государства — продукты общественного консенсуса.

Государство есть не система насилия, это, наоборот, по своему генезису и функциям система антинасилия,

система консенсуса. Гегель называл государство образом Бога на Земле, а Ницше говорил, что вокруг Бога все становится миром. Функция государства в продуцировании мира, консенсуса и права.

Согласно нашей логике, одинаково отвратительны и майданчики с перекошенными лицами, и милиционеры с резиновыми дубинками, преследующие инакомыслящих. Правды нет ни у тех, ни у других. Наличие такого противостояния свидетельствует о том, что потенциал аргументов у каждой из сторон недостаточен. Такое противостояние — симптом болезни, означающей, что во-первых, надо совершенствовать идеологию, которая бы накрывала и перевербовывала противника, во-вторых, надо менять информационные потоки на те, которые бы позволили достигнуть глаз, ушей и мозгов противоположной стороны.

Как температура свидетельствует о болезни, о воспалительном процессе в организме, так насилие служит сигналом: не все в порядке в гуманитарной, идеологической области. Здесь зависимость прямая, в отличие от экономической зависимости, которая не прослеживается. Есть примеры, когда власть падала во время экономического спада и стабилизировалась во время экономического подъема. Но можно привести сотни исторических примеров, когда власть падала во время экономического подъема и стабильности и, наоборот, держалась прочно во время упадка и голода.

Пора расставаться с догмами об экономическом базисе и надстройке. Базисом всего и вся является дух. И если с ним проблемы, это будет проявляться и в экономике, и в политике.

Если верно утверждение, что человеку свойственно стремиться от войны к миру, то он должен стремиться от конфликтных обществ, пронизанных насилием, к обществам консенсусным, пронизанным идеальным.

Но, к сожалению, «дикое состояние» периодически воспроизводится теми, кто путает конкретную, убеждающую его лично идеологию с идеальным вообще, и поэтому разрушает идеальное.

Дикое состояние воспроизводится теми, кто путает «режим» с государством, а Родину с «начальством», и борется не с начальством, а с Родиной, не с режимом, а с Отечеством и государством. Всякий раз, когда для того, чтобы снести конкретный режим, сносили государство-вообще, ущерб от подобных действий превышал ущерб, наносимый «плохим режимом», в десятки раз! Потому что плохой мир лучше доброй ссоры.

Однако на призыв не путать «недостатки власти» с «государством вообще» и с Родиной, оппозиционеры возражают: это, дескать, уловка власти, способ избежать критики. Всегда, бюрократ говорил, что «не меня конкретного бюрократа ругают, а всю Родину», значит, тот, кто ругает, чуть ли не предатель.

Всем понятно, что Родина и начальство — не одно и то же, тем более, если начальство плохое. Но реально как тогда в политике действовать? Как провести грань между нанесением ущерба государству как таковому или некому режиму? Как сделать, чтобы не выплеснуть с водой ребенка или не «попасть в Россию, целя в коммунизм»?

Вывод прост: критика вообще не конструктивна. Ни критика власти со стороны оппозиции, ни критика оппозиции со стороны власти. Конкурентоспособность, суверенность, право на легитимную власть возникает только из предложений позитива, из предложения нового мира, новых моделей консенсуса, общества, из новых планов и идеологий, а не из негатива или критики. Критикуя, ты не убеждаешь, а только заставляешь оппонента радикализироваться в

своим мнении, вызываешь эскалацию ответной критики.

Простой пример из жизни. Молодой человек решил издать сборник интервью современных российских ученых и отправил им письма. Один из них отвечает: «Я не буду в этом участвовать, потому что мне не нравится тот образ науки, который вы создаете». Позвольте, но ведь именно вам и предложили повлиять на создание этого образа. Если вы откажитесь, другой, третий, согласный с вами, то действительно, останутся только те, кто вам не нравится, и получится ровно, тот образ науки, который вы и не хотели! После этого вы раскритикуете этот образ, а противоположная сторона ответит тем же. Что за привычка шарахаться от того, что на первый взгляд не нравится вместо того, чтобы наоборот, попытаться включиться и изменить это в приемлемую сторону? Что за привычка сразу ставить крест на ком-то, с кем даже минимально не согласен? Что за неверие в изменчивость человеческой природы, ведь тот, кто вам не нравится, может изменить взгляды? Что за неверие в свои силы убедить кого-то, повлиять на него? Что за привычка формировать жесткие критерии для общения. Некое прокрустово ложе принципов, которое скорее свидетельствует о закостенелости и неспособности меняться и развиваться у того, кто эти принципы формулирует?

Скажу радикальную вещь: если бы в 1930-е годы в Германии все либералы, демократы, социалисты, христианские демократы, христианские консерваторы, центристы вступили бы в НСДАП, то... не было бы никакого холокоста, а возможно и Второй мировой войны. Все эти люди создали бы такой балласт гитлеровскому кораблю, что он бы далеко не заплыл, даже при самом попутном ветре. Но все эти «рафинированные интеллигенты» предпочли сбежать с корабля как

крысы. Они эмигрировали, критиковали режим, чем вызвали ответный огонь критики, радикализацию нацистского движения и репрессии против тех, кто остался в Германии.

По сути М. Хайдеггер был одним из немногих интеллектуалов, кто пытался воздействовать на ситуацию. В «Ректорской речи» он заявил, что «сущность фюрерства в том, что ведущий ведом теми, кого он ведет», то есть фюрер не может радикально менять курс и, наоборот, ведомые имеют власть над фюрером. Хайдеггер пытался воздействовать на нацистскую идеологию, очистить ее от биологизма и антисемитизма. В своих лекциях он неустанно полемизирует с вульгарным нацизмом и учит молодежь (которая придет к власти через годы) более глубокому пониманию истории, чем это делает официальная пропаганда.

И за это же его после войны обвинили в сотрудничестве с нацизмом! И кто обвинил? Диссиденты-критики, которые отсиживались по заграницам и превращали своей критикой Гитлера в зверя, дразня его. Они сами оставили с Гитлером только тупых исполнителей и по сути дали ему свободу, потому что тупые исполнители ни на что не влияли, а могли только поддерживать любое безумное начинание. А надо было не критиковать, а душить в объятиях!

В этом смысле радикально отличалась от немецкой ситуации ситуация в России. Огромное количество царских спецов перешло к большевикам. И они не только изменили образ партии, но сумели расправиться с революционными радикалами-троцкистами. У нас привыкли видеть в СССР некий единый проект. Но различия между ленинско-троцкистским этапом и сталинским громадно. Троцкисты писали, например:

Я предлагаю Минина расплавить,
Пожарского... Зачем им пьедестал?
Довольно нам двух лавочников славить,
Их за прилавками б октябрь застал!
Напрасно им мы не свернули шею,
Я знаю, это было бы под стать.
Подумаешь: они спасли Рассею!
А может, лучше было не спасать?

Вот таких авторов, таких «шариковых» и удалось повернуть вспять, заставить через 15 лет снимать патриотические фильмы про Минина, Пожарского, Невского, Суворова, Кутузова. И лишь тех, кто не понял новых веяний, репрессировали. Их было абсолютное меньшинство даже в среде наиболее шепетильной интеллигенции.

Шолохов, Булгаков, Горький, Толстой и многие другие были принципиальными «антитроцкистами», они и Сталина превращали в антитроцкиста. Он, например, обожал Булгакова. И это чистое недоразумение, когда «Собачье сердце» рассматривают как антисоветское произведение. Это антитроцкистская и сталинистская книга. Как, в значительной степени, и «Мастер и Маргарита», книга, которая до сих пор не понята нашей интеллигенцией.

Те же, кто сбежал за рубеж, по сути занимались вредительством. Например, Сталин, бывший семинарист лояльно относился к православию, что особенно проявилось в конце жизни. Но он не мог развернуть корабль на 90 градусов, потому что атеистическая закваска масс в 1930-е была еще сильна.

Масла в огонь подливала и русская зарубежная православная церковь, обличая СССР. Каждый раз после очередного выпада этих сидящих в заграничных комфортабельных апартаментах деятелей происходил ответный всплеск против православных в России. Зарубежники

выступали как провокаторы, за их критику расплачивались новомученики здесь. А затем некоторые зарубежные иерархи докатились даже до дружбы с Гитлером.

Критика вообще в родстве с дьяволизмом. Один бывший советник президента сегодня в своих статьях формулирует максимы: «не верь власти, не бойся власти, не проси у власти, не сотрудничай с властью». «Не верь, не бойся, не проси» — это не просто кредо уголовников. Это кредо дьявола: не верь в Бога, не бойся Бога, не проси у бога (не молись). Такие же советы дает, кстати, булгаковский Воланд Маргарите. Воланд, который с насмешкой и презрением относится к тем, кого должен любить, — к литераторам-безбожникам. Почему? Да потому что он не считает их души своими и советский атеизм не считает воплощением своего царства. Ему нужно иное, ему нужно фальшивое евангелие. И он так устраивает, чтобы Мастер взялся писать «Евангелие от Дьявола» — «Пилатовы главы», в которых Иисус — всего лишь очередной учитель гуманизма, слабый человек.

Общество, где Христа считают одним из учителей наряду с Буддой, Конфуцием и многочисленными гуру, более дьявольское. Демократическая плюралистическая Россия 1990-х была бы милее Воланду, чем сталинская. Бодрийар писал, что феномен уничтожается не отрицанием, а удвоением. Поэтому атеизм не уничтожает Христа, Христа уничтожает постмодернистский «ню-эйдж» с его сборной солянкой всех пророков и гуру.

Общество не совершенствуется через критику. Критика синоним насилия. Если тебе не нравится порядок, не ругай его, а предложи другой. Если он будет убедительней, его примут. Причем принимать будут по мере ознакомления, независимо от того, принадле-

жит ли воспринимающий первоначально к оппозиции или к власти.

Тот, кто работает для Родины, ведет себя бескорыстно. Он не требует копирайта на своих идеях, не настаивает, чтобы их осуществлял именно он. Он даже рад, что его идеи перехватываются, если они перехватываются. Ему все равно, кто их осуществит, лишь бы они жили. Он настроен доброжелательно и позитивно, он верит в лучшее. Он верит в то, что люди могут раскаиваться в ошибках и меняться к лучшему.

А тот, кто ведет к разрушению общества, в котором живет, просто критикует и бережет позитивную программу, выжидая, когда придет к власти, — тот не патриот. Он каждый раз обижается, если его идеи использует власть, он озабочен именно своим местом в процессе, а не тем, чтобы всем становилось лучше. Только он, дескать, может воплотить свои позитивные идеи, когда придет к власти, а сейчас он их побережет и будет только бескомпромиссно критиковать. Он не меняется сам и не верит, что можно изменить других (например, власть), а значит, по его мнению, их нужно просто «заменить» революционным путем. Но все революции только отбрасывают назад, в кровавую баню раздора.

Позитивное кредо должно быть сформулировано иначе: «верь, бойся, проси». Верь, что тебе удастся изменить тех, кого ты можешь изменить в лучшую сторону, или измениться самому, если ты ошибался. Бойся, что твои лучшие идеи останутся нереализованными, пока ты их бережешь на тот случай, когда тебя специально будут слушать. Проси, чтобы тебя слушали и осуществляли эти идеи даже без тебя. Проси (молись), чтобы хватило сил и мужества продолжать сотрудничать даже когда тебя грубо отталкивают и не понимают. Молись, чтобы даже когда тебя не будет,

кто-то продолжил твое дело и Бог устроил так, чтобы оно не продолжалось, если не должно продолжаться.

КТО ВИНОВАТ?

В отличие от большинства, я считаю, что во всем виноват не Чубайс, а Хрущев. Почему Хрущев? Потому что с ним связана узловая точка нашей истории, точка в которой должны были быть решены (но не были решены) определенные задачи. Эти задачи не остались в прошлом. Они, нерешенные, так и стоят перед нами и вызывают к решению. Со смертью Сталина и во времена Хрущева Россия потеряла некие возможности, некое будущее. Вероятно, именно на ту развилку истории нам придется вернуться, чтобы обрести это будущее вновь.

Поэтому сначала мы должны проанализировать, что оставил Хрущеву в наследство Сталин. Без Сталина невозможно понять Хрущева. Вся его политика определялась не проблемами, стоящими перед страной, а простым «подростковым» протестом против Сталина, желанием сделать «лишь бы наперекор», независимо от того, к чему этот «перекор» приведет.

Уникальность и непостижимость Сталинского СССР

В начале XX века Россия впала в мировой кризис раньше, чем остальные страны. Этот кризис должен был неминуемо наступить везде, где к власти приходило «отмороженное поколение», «загоняющее клячу истории», — левацкое поколение, основными ценностями которого были секс, наркотики, джаз, водка, прогресс, перманентная революция, война всему ме-

щанскому, прошлому, свобода от всех религиозных и моральных норм (в том числе в бизнесе, что было особенно актуально для США).

В России это поколение сделало две революции и гражданскую войну. В Европе это привело к Первой и Второй мировым войнам. В США позже этот же кризис выразился в крушении фондового рынка и в великой депрессии. Россия вступила в этот период раньше других, но она же и раньше стала из него выходить. Причем методами, которые неминуемо должны были быть противны предшественникам.

Л. Троцкий, признанный мировой вождь «поколения бурных двадцатых», недаром назвал свою книгу о Сталине «Преданная революция». Он видел в Сталине реставратора царской России, национального провинциала, мечтающего быть частью чего-то большего, а значит, империалиста. Видел в нем бывшего семинариста, то есть скрытого клерикала.

Чем для Сталина были репрессии 1930-х? Уничтожением «старой гвардии», всех, кто ходил в кожаных куртках и, нанюхавшись кокаина, стрелял из маузера контру без суда и следствия. Кстати, именно Сталин восстановил суды и следствия, даже сделал их показательными, в отличие от революционных времен, когда в расход пускали всех буржуев, попов и кулаков, только за внешний вид.

В 1930-х было восстановлено элементарное делопроизводство. Террор, в сравнении с революционным, уменьшился в десятки раз. Это, казалось бы, явно консервативная и реакционная политика.

В то же время в СССР воплотились в жизнь самые светлые мечты либералов: всеобщее избирательное право, равенство полов, отсутствие препятствий для социальной мобильности (любой, независимо отсловия и происхождения, мог стать «всемирным»), отсутст-

вие давления на образование и жизнь феодальных институтов типа Церкви. В короткое время 80 миллионов безграмотных крестьян было обучено грамоте — это ли не триумф Просвещения?

Московское метро и высотки описывали как чудеса света, великие стройки по тем временам самые современные, вызывали ощущение сбывшегося фантастического будущего. Рост промышленного производства по своим темпам до сих пор не превзойден ни одной страной мира. Это к вопросу о «неэффективности экономики социализма» — тезису, который успешно внедрен в мозги большинства на Земле и, прежде всего, в стране, где эта эффективность была продемонстрирована.

После войны восхищались японскими чудом, сейчас китайским, но всех чудеснее было первое чудо — советское (с которого японцы и китайцы, кстати, все и срисовали). Такие темпы — явно левацкое и прогрессистское явление. Недаром критик Сталина — Волкогонов считал, что уничтожив Троцкого, Сталин полностью воплотил все его мечты. Итак, Сталин одновременно — и левак, и реакционер и либерал.

В этой связи интересен спор «об уклонах», имевший место в партии. Какой уклон лучше — правый или левый? Левый предполагал, например, не просто колхозы, а коммуны — кибуцы, где все общее, «и портки, и детишки», а правый — что крестьянство будет развиваться «естественным путем», без подтягивания к историческому авангарду. После экспериментов, и перегибов было решено, что «оба уклона хуже».

Что происходило? То ли в СССР осуществлялась консервативная политика под прикрытием левой коммунистической идеологии, то ли реализовывались коммунистические цели консервативными методами?

Может, это историческое недоразумение, но для мировой элиты все, что происходило в СССР, было

продолжением «левого» сценария. И интеллигенция винила свои правительства за то, что они испугались и развернули историю обратно, в консерватизм и фашизм. Надо было, по мнению «прогрессивной общности», как СССР — не боясь трудностей и жертв, идти вперед!

В 1930-е годы весь капиталистический мир впадает в депрессию. Выстраиваются огромные очереди безработных, стреляются банкроты-банкиры, свирепствует туберкулез... А в это время приезжающие из СССР в США туристы смотрят на капиталистический мир свысока: «Какой-то дооктябрьский Елец аль Котоп!»), какая-то «одноэтажная Америка».

Наоборот, те, кто побывал в России или хорошо был знаком с тем, что там происходило, рассказывали удивительные вещи. Г. Уэллс, и Б. Шоу, Р. Ролан, и А. Барбюс, Л. Арагон, и Т. Драйзер, Э. Хемингуэй и Л. Фейхтвангер, Р. Тагор и Д. Неру — все эти самые модные, самые «продвинутые» деятели тогдашней элиты побывали в СССР и написали эссе и книги, полные искреннего восхищения, иногда открытого, иногда скрываемого.

Если с середины XIX века либерализм пребывал в кризисе, так сказать теоретически, то есть коммунизм и социализм были просто модными идеями, с позиций которых интеллигенция обличала все и вся, то с 1930-х годов ситуация резко изменилась. Коммунизм на практике доказывал свое превосходство. Идеал обрел плоть. Различные страны сотрясали забастовки на тему: «Хотим как в Советах!». Интеллигенция бредила всем русским, недаром НКВД так легко вербовал самые высшие чины и самых лучших ученых — на идейной почве! История с «кембриджской четверкой» была бы невозможна без коммунистической пропитки передовой западной интеллигенции.

Ситуация усугубилась после победы СССР над Германией.

С точки зрения «мировой прогрессивной общности», во Второй мировой войне столкнулись две силы: одна воплощала все модное и прогрессивное, а именно коммунизм, вторая — все самое реакционное, антиглобалистское, националистическое до расизма, феодальное и отсталое — фашизм. Настал момент истины для всех, кто так и не решил, с кем ему быть.

Победа СССР в этой войне означала принципиальное торжество прогресса, свободы, науки, техники, равенства людей, скорую смерть сословий, эксплуатации, колониализма, мракобесия и проч.

Когда СССР победил (а победил именно СССР, тогда в этом не сомневались), «всеми прогрессивному человечеству» стало понятно, на чьей стороне правда истории, на чьей стороне будущее. Все эти Польша, Прибалтика, Венгрия и Чехия сами бежали к СССР. Во Франции и Италии коммунистические партии всерьез приходили к власти. А что творилось на мировых национальных окраинах? Прочитайте, что пишет о будущем торжестве коммунизма и его заслугах перед человечеством Дж. Неру своей дочке Индире Ганди. За СССР — будущее, «коммунизм — это молодость мира». Дальнейшие успехи Сталина только подтверждали это.

Европа восстанавливается при помощи США и огромных заимствований (план Маршалла). Медленно. У нас уже всюду снижают цены, а Англия на несколько лет позже СССР отменила карточки! В Европе огромные очереди, мусор, нищета, гиперинфляция, дорогое образование и медицина (это всего лишь полвека назад). А в СССР в это время и атомная бомба, и первый в мире атомоход, и первая в мире атомная станция, а

чуть позже первый синхрофазотрон, и первый спутник, а потом и первый человек в космосе...

Успехи СССР шокировали истеблишмент и вызвали восхищение у интеллигенции, «людей труда» и в развивающемся мире... Даже Хрущев говорил, что попытки американцев критиковать коммунизм напоминают брюзжание стариков против молодых, но рок неизбежен, капиталистические старики умрут, а коммунизм победит.

Интерпретация М. Хайдеггера итогов войны, сделанная им в узком кругу в 1945 году была «гласом вопиющего в пустыне». Его единственного не обманул тот факт, что идеология в СССР называется коммунизмом. Старый почвенник ни на минуту не мог считать коммунизм реальностью, а следовательно, движущей силой победы. Если СССР победил, это говорит только об одном: он был более изначален, более почвенен, более укоренен в сущности истории.

Через русскую мистику, Византию, к Греции ведет нить русского: «Субстанциальная сущность духа в теологически — философской спекуляции христианской церкви была продумана в (догмате) триединства Бога; для западной римской церкви основополагающим стал труд Августина «De trinitate»; в восточной церкви осуществилось другое развитие; так, в России, в русском (Russentum) получило распространение учение о священной Софии. Оно и сегодня все еще живет в русской мистике, принимая такие формы, которые нам трудно себе даже представить. Действие духа как всепроникающей силы просветления и мудрости (Софии) «магично». Сущность магического столь же темна, как и сущность пневматического... Поэтому отнюдь не будет преувеличением, если я скажу: то, что сегодня неведомо и недостаточно продумано рассматривают только как нечто «политическое»,

даже грубо — политическое и называют русским коммунизмом, пришло из духовного мира, о котором мы почти ничего не знаем, не говоря уже о том, что мы забываем подумать, в каком смысле даже *грубый* материализм, внешняя сторона коммунизма, есть не нечто материальное, но спиритуальное; мы не думаем о том, что он — некий духовный мир, и понять его, как и принять решение о его истинности или неистинности, можно только в духе и исходя из духа».

В самом деле как можно не увидеть очевидное: материализм с его ставкой на потребности, на эгоизм, с его отрицанием любого духовного порыва не может быть основанием для духа воинственности и победы. Как может материалист идти на смерть? А на трудовой подвиг?

Нормативы на наших заводах были общие с мировыми: не завышенные, не заниженные, рассчитанные по рациональной системе организации труда, по системе Тейлора (их завезли в 1930-е годы американские инженеры). Но люди умудрялись выдавать по 10, 15, 150 норм в сутки!

В старину про это говорили «Бог помогает», да и свидетели сравнивали энтузиазм стахановского труда с исступлением молитвы, когда человек оказывается в другом измерении, где время течет медленнее и вмещает больше.

В подобное состояние входит и идеализируемый православием воин-монах, каковыми являются многие русские святые. Этот так же необъяснимо с точки зрения «сознания», как движения каратиста, находящегося в состоянии медитации во время боя — таким образом из-за полной включенности в происходящее он может более чем автоматически реагировать на мельчайшие изменения ситуации. Некоторые ошибочно считают, что автоматизм возникает от долгих

тренировок, но на самом деле ситуация каждый раз непредсказуема и нова, и автоматизм всегда бы «не попадал», мешал. Здесь мы имеем дело с совершенно другим феноменом.

Разговоры о рабском труде при социализме противоречивы. Публицисты убили много времени и бумаги, доказывая, что «свободный» капиталистический труд эффективнее «рабского» социалистического. А потом столько же времени и бумаги тратится на то, чтобы доказать, что успехи сталинского СССР основаны на рабском труде. Требовать, чтобы две мысли были согласны там, где нет ни одной, было бы с нашей стороны по отношению к этим господам чрезмерным.

Наши деды рассказывают о «духе мая 1945-ого» как совершенно неповторимом феномене: энтузиазм, взаимопомощь, непривязанность к вещам (какая может быть привязанность к тому, в брэнности чего за время войны пришлось убедиться, все десять раз приобрести и потеряв?). Казалось, каждый стремится ежечасно совершать «подвиг», то есть превосходство себя, собственной лени, усталости, потребностей. Для этого используется любой повод, нужда или страдание ближнего, выдвигаемые руководством трудные задачи и проч. Главное, стяжать и удержать дух победы. Внезапно открылось, что дух победы, это дух радости, а не напряжения.

Внезапно открылось, что это — дух благородства и прощения, а не дух мести (кстати, поэтому забылись и простились все репрессии, тяжесть коллективизации, индустриализации: как справедливо отмечали многие, народ абсолютно любил власть). Известный телеведущий сегодня сидит и удивляется: его тетка, отсидевшая в сталинских лагерях 10 лет, специально на крыше вагона ехала на похороны к Сталину и проливала слезы!

Сталин, единственный из руководства, как показали дальнейшие события, трезво оценивал ситуацию. Он довольно смело взялся критиковать марксизм и материализм, с одной стороны, и начал оказывать всемерную поддержку Православию с другой стороны.

Троцкий перевернулся бы в гробу, узнав, что Сталин всерьез разрабатывал и осуществлял проект по задариванию православных патриархов, чтобы они на Вселенском соборе, который должен был пройти в Москве, передали титул «Вселенского патриарха» от Константинопольского Патриарха — Московскому.

Самое главное — новации в сфере экономики. Если экономика при капитализме — это наука выживания в условиях рынка (макроэкономика), то экономическая наука при социализме — это по сути наука управления корпорацией (микроэкономика). Сталин хотел превратить страну в корпорацию, где все граждане были бы акционерами (товарищами), а правительство — менеджментом (партию предполагалось полностью устранить от власти).

Согласно аксиомам капитализма, цель корпорации — благо акционеров. Так и здесь, в сформулированном Сталиным «основном экономическом законе социализма», целью являлось «удовлетворение постоянно растущих материальных и культурных потребностей... на базе высшей техники». Или, как бы сказали сейчас: «на базе хай-тек»! Понятно, почему в тяжелое время Сталин находил возможным тратить на образование до 15 % бюджета.

Предполагалось, что мы станем ведущей хай-тек державой. Страна-корпорация работает, инвестирует прибыль в производство передовых средств производства, в первую очередь, то есть создает капитал, капитализируется, и только оставшееся потребляет (принцип, по которому живет каждый капиталист).

«Дивиденды акционеров» будут выдаваться не в денежной форме, а путем снижения платы за жилье, бесплатного обучения, бесплатной медицины, снижения цен на основные, а потом и вообще на все продукты и, наконец, через сокращение рабочего дня!!! Рабочий день должен был быть сокращен до четырех часов, чтобы не было безработицы, а свободное время — главное богатство человека (на Западе оно доступно только капиталисту, но у нас капиталистами в перспективе должны были стать все) — шло бы на научное, творческое, культурное и спортивное развитие нации.

Этим планам Сталина не суждено было сбыться, планы отстранения партии от власти и борьба вокруг трона, обострившаяся из-за понимания, что в скором времени кто-то должен стать наследником, привели к возне, инспирированию заговоров, «дел врачей», «борьбе с космополитизмом». В конечном итоге, возможно, сам Сталин также пал жертвой одной из интриг.

Были ли сталинские реформы правоконсервативными? Да. Были ли они ультралевыми — прогрессистскими? Безусловно. Были ли они капиталистическими? Очевидно. Были ли они социалистическими? Без всякого сомнения. Но что это значит? Это значит, что **понятия традиционной политологической и политэкономической науки промахиваются мимо цели. Они не могут постичь феномен, и потому традиционную науку необходимо подвергнуть серьезнейшей ревизии, изменить в самих основаниях.**

Задачи советской гуманитарной интеллигенции

После смерти Сталина перед советской элитой встало несколько важнейших задач, для решения которых требовались известное мужество и видение исторической перспективы.

1. Необходимо было удержать и укрепить роль мирового авангарда, а для этого противопоставить консервативной геополитике Запада привлекательную во всем мире идеологию. Конечно, хорошо, когда Пальмерстоун говорит о «вечных интересах Британии», этим можно покорить сердца британцев, но не сердца африканских негров, не китайских крестьян, не латиноамериканских гаучо и даже не рафинированных европейцев. На геополитике империи не строятся.

Либерализм обращался к каждому человеку с идеей свободы, коммунизм обращался к каждому в мире с идеей свободы и справедливости. Это пока работало, но, как «нельзя обманывать всех все время», так нельзя и говорить «истину» всем все время. Требовалась кардинальная реформа марксизма, это было ясно уже Сталину.

Это задача для философов, а значит, нужна как минимум свобода философских дискуссий с привлечением зарубежного и, прежде всего, отечественного опыта мысли. В отличие от производства, где 90 % продукции должно соответствовать стандарту, и лишь 10 % отводится на брак, в творческой лаборатории, лишь 10 % отводится под возможную великую идею, все остальное — пустая порода. Мы победили в войне. Надо было ответить: каким духом? И главное, каким духом возможны будущие победы, какая эпоха нас ждет?

2. Аналогичная задача для политологов, обществоведов и пропагандистов. Старые формы и методы пропаганды, действовавшие на безграмотное крестьянство и рабочий класс, отживали свое. На смену шло поколение грамотных людей, шел мощный средний класс. Возможно, надо было отказаться от понятия и от института партии, как принадлежащего старой науке и практике. Такие мысли были у Сталина еще до войны (существуют даже избирательные бюллетени

для выборов на альтернативной основе). От них пришлось отказаться, так как партийная верхушка запугала Сталина потерей контроля.

Уже в войну стало очевидно, что партия — пятое колесо в телеге, и она полностью выключена из системы принятия решений. Институт традиционных комиссаров и политинформаторов тоже себя изжил, из-за чего его и отменили. Революционная агитация, реклама и пропаганда должны были быть заменены мягким пиаром, да и сама идеология должна была стать более глубокой, многомерной, изощренной, подходящей возросшим требованиям масс, которые уже перестали быть массами в строгом смысле слова.

3. Своя задача стояла и перед экономистами. Категории политэкономии в рамках старой парадигмы не понимает общество, которое возникло и вырвалось на передовые позиции в мире. Не понимать не значит быть в недоумении и молчании. Гораздо чаще это значит подвергаться иллюзии полного понимания, а на самом деле коряво и внешне перетолковывать происходящее в чуждых и неподходящих внешних терминах новое общество, не правое, не левое, не либеральное, не социалистическое, не консервативное. Нужно было сознательно использовать эти понятия как в политической практике, так и в экономическом хозяйственном менеджменте. Возможно, надо было отказаться от понятия стоимости и прибыли в денежных формах, отказаться от налогов всех видов, как категорий и институтов старой политэкономии, и вспомнить о категории «свободного времени» как мерил истинного богатства и многого другого. Намеки на это имелись в последних работах и действиях Сталина.

4. Перед гуманитарной интеллигенцией стояла задача творческая: нужен был новый стиль, новый образ жизни, новая поэзия, живопись, новая архитектура,

новый театр, новое кино, новая музыка, новый промышленный и другой дизайн. Все это должно было и могло стать модным во всем мире.

Сейчас трудно представить, но в 1950-х годах США вовсе не были законодателями мод в массовой культуре. Да, работал Голливуд, но советские картины были конкурентоспособны, был интерес к советской и русской литературе, поэзии, искусству, вообще всему русскому и советскому.

Что касается музыки, то на мировом рынке звучали все языки и мелодии (и русская популярная музыка — особенно часто). Никому в голову не приходило, что язык популярной музыки должен быть английским. До «Битлз», и в этом их заслуга и феномен, рынок шоу-бизнеса был ничей! Он, и вообще рынок массовой культуры, подлежал захвату. С новыми инструментами, мелодиями, ритмами. Нам трудно вообразить, что могло быть иначе, чем было, но реально раскрутке поддается все на свете. Китайцы, а их больше миллиарда, до сих пор предпочитают русские мелодии и русский язык в песнях — английскому. Кстати, огромный китайский рынок поп-музыки русские могут захватить и сейчас.

5. Отдельная тема — переход из индустриальной эпохи в постиндустриальную, о которой тогда еще никто не говорил. Но постиндустриализм с его экологизмом, энергосбережением, деурбанизацией наступал неминуемо. Европа и Америка в 1970-е стали переселяться в таунхаузы на природу, а у нас возникло движение экологов-КСПэшников и деревенщиков. Можно было уже в 1950-е начать отдавать долги селу. Ведь именно за счет крестьян была провернута индустриализация и выиграна война.

Удержание народа на селе, создание условий для нормальной жизни не только бы сохранило культур-

ную самобытность России (ведь в селе корни народа), но и решило бы проблему демографии (в селе ребенок помощник, а не обуза), проблему дефицита продовольствия (в селе всегда есть свое подсобное хозяйство) и так далее.

Россия должна была покрыться сетью наукоградов и благоустроенных коттеджных поселков, где люди бы творили хай-тек и хай-хьюм, а все производства (не работающие без маленькой детальки, производимой в России) могли быть вынесены в развивающиеся страны, тем более, от русских их там ждали. Население России должно было быть расселено равномерно по всей стране, по сетевому, а не централизаторскому принципу, это позволило бы заселить Сибирь и Дальний Восток и навсегда отодвинуть потенциальную китайскую угрозу.

Одним словом, СССР должен был стать локомотивом истории, он должен был ТВОРИТЬ историю не по известным рецептам, а сам, поскольку все, что он делал, делалось бы впервые! Он должен был действовать, а все остальные — идти в фарватере, подражать или реагировать.

Вопрос о вредном подражательстве в науке уже поставил Капица в письмах к Сталину. Сталин его услышал, и реформы в науке действительно создали мощнейший, мирового уровня, технический задел. Впервые не мы, а нам стали подражать в атомной энергетике, в авиации, в космосе, в математике, в отдельных отраслях физики... Но то же самое должно было произойти в гуманитарных науках и искусстве!

Надо констатировать: со всеми означенными задачами наша гуманитарная элита не справилась и даже не осознала их. В нашей гуманитарной среде распространено вреднейшее убеждение, будто Запад механистичен, бездуховен, бесчеловечен и проч. На самом деле главное

оружие Запада — гуманитарное. Мы выиграли гонку в технике, но проиграли в конце XX века в гуманитарных технологиях, мы проиграли гуманитарную войну. И проиграли ее именно потому, что не осознали эти проблемы и не решили их.

Это, однако, не является только вопросом истории. Задачи никуда не делись, их невозможно обойти, их в любом случае предстоит решать, если, конечно, Россия собирается быть.

Реформы Хрущева

То, что сделал Хрущев, было прямо противоположным во всех отношениях. Самое главное — его установка на борьбу с прошлым, со Сталиным и всем, что с ним связано, а не озабоченность будущим, Хрущев был реакционером в худшем смысле этого слова.

Хрущев был малообразованный, в отличие от Сталина, человек, сформировавшийся как политический деятель в Донбассе, где всегда были сильны троцкистские настроения. Он был откровенным материалистом, и реально заблуждался насчет роли материализма в победе и вообще в идеологии. Хрущев откровенно презирал дух, Церковь, философию, гуманитарную проблематику и все, что с ней связано. Поэтому он даже не ставил задачу быть в духовном авангарде мира, он поставил задачу «перегнать Америку по молоку и мясу».

Сама постановка Америки как образца и ориентира, сама ставка на материальные потребности, на потребление, на «живот» была заранее проигрышна и, главное, резко снижала, профанировала «дух победы».

В СССР тогда были десятки миллионов людей, которые готовых в «сотню солнц мартенами воспламенять Сибирь» (Маяковский), лететь к звездам, ос-

вобождают человечество. А им было предложено повысить яйценоскость и надои.

Отказ от принципа опережающего развития средств производства и переориентация на «товары потребления» означал ставку на проедание капитала, а не на капитализацию. Такая политика всегда может быть только временной или ведущей к краху. Что касается гуманитарной сферы, она была без боя сдана врагу. Именно при Хрущеве в Москву зачастили всевозможные кумиры зарубежной эстрады, оркестры, театры и певцы, которые в итоге создали уверенность в элитах (это выражали появившиеся тогда стилиаги), что «модное и западное — одно и то же». На базе этой ценности потом детонируют основные информационные бомбы холодной войны.

В международной политике он сделал то, за что ему должны были поставить памятник все мировые антикоммунисты и реакционеры. Стучанием ботинком по трибуне ООН и криками «Мы вас похороним!» он оттолкнул очень большую часть элиты и народа от СССР.

Симпатии, даже среди простого народа буржуазных стран Европы, были вполне естественны: СССР избавил мир от газовых камер и других зверств, которые все увидели на Нюрнбергском процессе. Бояться «советов» не было резона, ведь это была страна вдов и инвалидов. И верить, что она собирается покорять весь мир, ни у кого не было причин. Поэтому поначалу и Трумэн, и Черчилль с их речами воспринимались как бесноватые, как люди потерявшие связь с реальностью, как бьющийся в агонии старый мир.

А. Эйнштейн смеялся над фултонской речью Черчилля. Страна потерявшая более 20 миллионов и скоро завоюет идейно весь мир, никому не может угрожать... Какой «железный занавес»? Зачем?

Но Хрущев сделал то, что не могла сделать вся антисоветская пропаганда — он заставил бояться СССР. Другим «успехом» в международной политике была ссора с Китаем, который смотрел СССР в рот в течение полувека и готов был идти в фарватере наших реформ, что сразу же обеспечило бы нам господство над большей частью земного шара.

Китай ушел в объятия Америки. По сути он стал производственным цехом США, тогда как сама Америка сосредоточилась на производстве нематериальных активов (долларов, музыки, программного обеспечения, образа жизни, фильмов, брендов, безопасности, хай-тека). А ведь Китай мог быть нашим производственным цехом, освобождающим нас для роста в хай-тек и хай-хьюм.

Хрущев подписал бестолковую декларацию с Японией, пообещав ей Курильские острова после заключения мирного договора. С тех пор у нас нет договора и нормальных отношений с третьей экономикой мира. Тут еще много можно привести примеров, тот же неуместный «Карибский кризис», показавший психологическую слабость Хрущева.

Вернемся к политике внутренней. Вместо того, чтобы вообще отказаться от принципа партийности или хотя бы снизить роль партии, Хрущев ее поднимает на запредельную высоту. Он заявляет совершенную неправду: что война была выиграна под руководством партии.

Самой большой акцией по поднятию роли КПСС стал XX съезд и доклад о культуре личности. Доклад дал старт многочисленным фальсификациям истории относительно репрессий, масштабы которых завышались в сотни раз. Доклад дал старт уничтожению части драгоценных архивов, а главное, он поднял забытую и ушедшую в прошлое тему. Даже крестьяне, больше

всех пострадавшие от коллективизации, и то, поворачивая бок о бок с «городскими» и увидев, как коммунисты первыми шли в атаку и умирали (было выбито три состава партии за время войны), и то все простили властям.

Май 1945-го объединил страну, перевернул страницу истории, но Хрущев, не боясь известной поговорки, решил «помянуть старое». Результат — смятение в элите, чувство, что «победа оплевана», нет ничего святого, чувство, что тебя предали. Те, кто вчера были героями, сегодня вынуждены прятать глаза, в обществе главными эмоциями стали не оптимизм и радость, а недоверие и смущение.

Дело не в том, что людям было стыдно за себя, сами-то они не в чем ни виноваты. Просто еще вчера всем казалось: знаем куда идти, все хвалили Сталина, плакали на похоронах, громко защищали сталинскую точку зрения, а сегодня... Раз, и все оказалось не так, или сомнительно, и ты выглядишь дураком перед своими близкими, перед подчиненными, ты подставлен... Как же так? Что же делать? Куда идти? Вопросы остались без ответа. Поколение победителей стало прятаться и стесняться. Один раз почувствовав себя преданным, человек теряет доверие.

По мысли Хрущева, разговор о репрессиях должен был улучшить взаимопонимание между властью и народом, на самом деле, он вбил огромный клин: «Неизвестно, что завтра опять выкинет власть, сегодня разоблачили, завтра обратно воскурят фимиам, молчи, не высовывайся — за умного сойдешь» — вот что стало итогом.

Съезд имел и международный резонанс: например, число членов французской коммунистической партии сократилось в 10 раз, от СССР отвернулся Китай, который не считал Сталина виноватым и проч. Авторитет СССР стал серьезно падать.

Хрущевский период окрестили «оттепелью», но на самом деле, именно при Хрущеве возник волонтаристский стиль управления. Не вникая в систему принятия решения при Сталине, Хрущев воображал, что генеральный секретарь — царь и бог, который ни с кем не считается. В действительности при Сталине были и острые разногласия, и кулуарная борьба, и партийные дискуссии, и совещания со специалистами. Не всегда победителем в различных вопросах выходил Сталин. Иногда вопреки Сталину побеждала точка зрения какой-то группировки в руководстве, и Сталин подчинялся.

Хрущев же принимал решения в соответствии с минутным капризом. Понравилась ему в Америке кукуруза и стоячие кафе, он тут же приказал всю страну уставить кафетериями и засеять кукурузой. В сельском хозяйстве некомпетентность и волонтаризм проявились особо рельефно. Еще в 1957 году он выдвинул лозунг: «В течение трех-четырех лет догнать США по производству мяса, молока и масла на душу населения».

Для обеспечения видимости роста на мясокомбинаты отправляли значительную часть основного стада и молочных коров, отбирали под фиктивные расписки скот у частников. Пришлось, как во времена раскулачивания, вырезать всю «лишнюю» скотину. Недостаток кормов для скота усугублялся «кукурузной догмой» Хрущева: в отличие от многолетних трав, кукуруза не вызревала в большинстве регионов страны, и даже при неплохом урожае давала в три раза более дорогие корма.

В 1958 году Хрущев объявил о реорганизации машинно-тракторных станций (МТС) и продаже их техники колхозам. Непредвиденные расходы разоряли колхозы, они были вынуждены отложить другие про-

екты, сократить оплату труда колхозников. Десятки тысячи трактористов и комбайнеров ушли в город.

Вместо отдачи долгов селу, урбанизация усилилась. Сокращалось производство сельскохозяйственных машин, покупать которые колхозы теперь не имели возможности. Колоссальный вред сельскому хозяйству нанесло и стремление Хрущева к сокращению доли чистых паров, важнейшей части научно обоснованного севооборота в большинстве зон страны. Если в 1953 году пары занимали в СССР 15,8 % пашни, то в 1958 году — 10,9 %, а в 1962 году — 3,3 %.

Несоблюдение севооборотов стало одной из главных причин (наряду с невниманием к проблеме эрозии почв) провала целинного проекта. К 1963 году на Целине было повреждено или уничтожено до шести миллионов гектар пахотной земли. В том же году Хрущев впервые в истории страны пошел на закупки зерна за границей: было завезено 10 миллионов тонн пшеницы.

Убыточность земледелия и животноводства привела к значительному повышению цен на мясные и молочные продукты, что повлекло за собой негодование масс. Наиболее трагически окончилось выступление рабочих в г. Новочеркасск (1962), где были расстреляны войсками десятки людей, в том числе дети. Испытывая постоянную нехватку средств, Хрущев отменил надбавки к зарплате, которые получали жители Сибири и Дальнего Востока, что послужило оттоку населения из Сибири в европейскую часть СССР.

Казалось бы, Хрущев, как «либерал» в сравнении со Сталиным, должен был попустительствовать творческой интеллигенции. И если бы он так сделал, в его активе появился бы хоть один плюс. Но феномен Хрущева в том, что он был либералом там, где не надо, а там где надо, был тупым тираном.

Именно он устроил на выставке в Манеже разнос Э. Неизвестному и всем авангардистам-формалистам, которые, понимаешь ли, творят непонятное народу искусство...

Не свидетельствуют в пользу «либерализма» Хрущева и начатые им бессмысленные гонения на православную церковь, поддерживаемую «поздним» Сталиным, когда было восстановлено патриаршество, начался процесс возвращения храмов церкви, открытия духовных учебных заведений и т.д.

Начало гонений на РПЦ приходится на 1958 год, когда ЦК принял постановление о начале пропагандистского и административного наступления на «религиозные пережитки». Одним из результатов стало массовое закрытие (и разрушение!) церквей и упразднение монастырей. Из 63 действовавших на 1958 год монастырей в 1959 году осталось лишь 44, а в 1964 году — всего 18.

В 1958 году Хрущев запустил реформу системы народного образования, предполагавшую упразднение общеобразовательной средней школы: после получения 7—8-летнего образования дети обязывались идти в школы фабрично-заводского обучения или получать профессию на селе. В результате советской системе образования, не без основания считавшейся одной из лучших в мире, был нанесен непоправимый урон. В целом бюджетные траты на образование были снижены Хрущевым до 3 % (при Сталине они составляли 15 %).

«Экономность» Хрущева проявлялась и в сокращении финансирования ВПК, образования и науки, снижении зарплат ученых и технической интеллигенции, лишении льгот сотрудников силовых ведомств. Хрущев действовал как явный троцкист, «шариков», с его «академиев не кончал, в семи комнатах не жил» и «Что тут думать? Взять все и поделить».

При Сталине профессора и инженеры считались элитой общества, получали большие квартиры с несколькими комнатами под мастерские и библиотеки, имели приличную зарплату. Хрущев уравнил всех, чтобы пролетариат не завидовал. В то же время именно «либеральный» Хрущев, впервые со времен Ленина и Троцкого, силой подавил волнения в Новочеркасске.

Если после войны все жили с ощущением себя «хозяина в собственной стране», было чувство полной нераздельности народа и власти, то после Новочеркасска появилась трещина между властью и народом, и она с тех пор все более разрасталась.

Наконец, Хрущев передал власть в стране номенклатуре. При Сталине в промышленности процветало «проектное командование». Надо создавать атомное оружие? Под эту задачу, за которую отвечает конкретный человек, формируются структуры, собираются команды, коллективы, выделяются средства, производственные мощности. Проект закончен — ответственному слава и почет, а люди и мощности переводятся на другой проект.

При Хрущеве аккордная система была разрушена, а создана функциональная система министерств и ведомств, в которой никто ни за что конкретно не отвечал, но отвечал за отдельные, свои, участки работы по специальности в разных проектах. Отсюда возникали конфликты интересов, что и для кого делать в первую очередь.

Коль скоро все завязано на все, это требовало координации, и Хрущев создает Совнархозы, куда по территориальному признаку входило все руководство региона. Если раньше внутри министерств и ведомств формировались своя этика, свой дух, даже соперничество с другими (что необходимо, так как каждый играет свою роль, например, судьи должны культиви-

ровать в себе судебную этику, прокуроры — прокурорскую, адвокаты — адвокатскую и в процессе суда состязаться, биться за честь мундира, отчего выигрывает в итоге правосудие), то теперь все друг с другом были в стоворе, все были знакомы, все решалось в кулуарах.

От Хрущева и пошли всевозможные территориальные кланы: ставропольский, ленинградский, свердловский. Права территорий, особенно национальных республик, были увеличены, начались возвращения «наказанных народов». В руководстве стали состязаться не проекты, не результаты, а территории.

Когда Хрущев передавал Крым Украине, к которой он никакого исторического и хозяйственного отношения не имел, это был подарок украинскому клану за помощь в захвате власти. С Хрущева в народе пошла слухи и утвердилось мнение, что «правды нет, что начальники все друг за друга, что воевать с ними бесполезно».

Если человек сталинской закалки все еще по привычке ходил «качать права» спорить, называть хамоватого бюрократа «врагом народа», то «человек оттепели» смиренно стоял в очереди и проглатывал любую обиду от серого человека в шляпе с портфелем.

Именно во времена Хрущева был создан бюрократический язык власти, разительно отличавшийся от сталинского стиля, когда даже в документах высших органов страны стояли простонародные, а иногда почти нецензурные слова. Хрущев заявил, что «нынешнее поколение советских людей будет жить при коммунизме» и что уже к 1980 году советское общество перейдет к распределению «по потребности».

Внедрение бытовых стандартов в мышление советских людей, дополненное проводимой Хрущевым политикой неприкосновенности номенклатурных кадров, давали возможность существовать в пар-

тии приспособленцам и карьеристам. С этого начался процесс усиленного разложения и перерождения правящей бюрократии. Их дети через престижные вузы, блат и кумовство делали быструю карьеру, и к 1980-м годам оказались у руля власти.

В 1962—1964 годах форсировалась пропагандистская кампания по восхвалению Хрущева. Портреты «великого ленинца» и «великого борца за мир» открывали страницы школьных учебников, почти ежедневно появлялись в газетах. Только за 9 месяцев 1964 года они были 140 раз опубликованы в центральной прессе. Между тем, даже портреты Сталина печатались 10—15 раз в год.

Даже такое благое дело как расселение коммуналок в отдельные квартиры было проведено бестолково. Люди должны жить отдельно — это замечательно. Но ведь попутно уничтожили то, что называется местным самоуправлением, которое было в коммуналках и которое наследовало крестьянскому общинному уникальному быту.

Жилищную реформу можно было провести так, чтобы не рубить под корень дух взаимовыручки, социальную ответственность (например, через создание кондоминиумов, поселков). Потом мы удивляемся, почему вдруг люди стали мочиться в подъездах, рисовать на стенах и плевать в лифтах. Потому что чистота стала не их делом, а делом коммунальных служб.

К личным заслугам Хрущева относили все достижения в стране: открытие в 1954 году в г. Обнинске первой в мире АЭС, спуск на воду в 1957 году первого атомного ледохода «Ленин», создание наукограда в Новосибирске, успехи в космосе. Но реально Хрущев присваивал плоды побед, которые были заложены еще в 1930-е годы.

Кто-то возразит: но ведь при Хрущеве стала лучше жизнь, хорошие темпы экономического роста. На

это нужно ответить: 1930-е годы были годами после гражданской войны и разрухи и временем подготовки к новой войне (то, что война будет, было ясно еще в 1929 году, и смешны все разговоры, что «Сталин был не готов»). Жесткие темпы коллективизации и индустриализации объяснялись и оправдывались только грядущей войной. Интересно, кто построил танки и самолеты, кто обучил грамоте крестьян, которые смогли на этой технике потом воевать? И наконец, послевоенные годы опять были восстановлением хозяйства.

Время Хрущева было мирным, сравнения тут некорректны. Но самое важное, что маховик успехов был запущен до него. Маховик, как известно, разгоняется медленно, но инерция так велика, что потом даже специально его не остановить. Сверхдержава, созданная Сталиным развивалась по инерции и совершала успехи еще вплоть до середины 1970-х годов, только после этого пошел «обратный отсчет», мы стали терять позиции и окончательно вернулись к границам времен после Первой мировой (которую Россия проиграла) к началу XXI века. В последние 20 лет вообще ничего не построено, все только проедалось и разворовывалось, и у нас еще что-то есть. Мы вернулись почти на 80 лет назад.

После знакомства с политикой Хрущева невольно задаешь себе вопрос: а не резидент ли он иностранных разведок? Как его упустили в знаменитом 1937 году, неужели репрессии были недостаточны? Вот если бы не упустили, то можно себе представить, какие статьи писали бы в 1986—1991 годах какие-нибудь Л. Разгоны и Р. Медведевы: «Кровавый вихрь неся по стране, а параноику-тирану все было мало... По оговору стучачей был расстрелян молодой подающий надежды руководитель, «верный ленинец» лидер московских коммунистов Н. С. Хрушев. К стандартным бредовым

обвинениям в троцкизме, связях с иностранными разведками и заговоре с целью свержения Сталина, полученным на основе лживых доносов, иезуитская извращенная фантазия палачей, словно в издевку, добавила и совсем уж абсурдные обвинения: вынашивание планов засеять страну кукурузой и передать русский Крым Украине! Поистине жестокости, бесчеловечности и аморальности извергов-чекистов не было предела!».

Только как знать, может, если бы его все-таки вычислили, не было бы никаких статей Медведевых и Антоновых-Овсеенко, а аналогичные «перестройке» катастрофические процессы шли бы не у нас, а в Америке.

Я не сталинист в общепринятом смысле слова. Считаю, что Сталин был идеальным правителем, наиболее полно воплотившим дух СВОЕГО времени, и именно поэтому победившим. Но возвращение Сталина, его методов работы сейчас было бы так же нелепо, как и попытка поставить любого современного лидера на место Сталина в 1930—1950-е годы. И то и другое завершилось бы катастрофой для России.

Время Хрущева до сих пор не кончилось, поэтому я и утверждаю: во всем виноват он, а не Чубайс. До сих пор ВСЕ поголовно политики говорят, что целью их программ является «улучшение жизни народа». Расхождения только в методах достижения цели, в профессионализме и моральной чистоте.

На самом деле, подобно тому, как для индивидуума целью жизни НЕ ДОЛЖНО быть накапливание ковров-люстр-квартир-дач-машин и проч., так и для народа в целом смыслом существования может быть не повышение ВВП или «улучшение жизни», а только историческое свершение! Тот политик, кто первым скажет, что целью его деятельности НЕ является улучшение материального благосостояния, кто сумеет

убедить в этом и сам народ и мобилизовать на историческую задачу за счет ЖЕРТВОВАНИЯ комфортом, тот снимет с нашей истории «проклятие Хрущева» и собьет Россию с пути в историческое небытие, по которому она идет.

ЧТО ДЕЛАТЬ? «ЗЕЛЕНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ» КАК ВЫХОД ИЗ КРИЗИСА

Любой кризис прежде всего означает переоценку ценностей. То, что ценилось — станет неценным, что не ценилось — вдруг обретет значимость. Мы пока не знаем, что упадет в цене, что подорожает, хотя можем предполагать. Понятно одно: «как раньше» не будет. Никогда.

Попытки вернуться к прошлой системе, когда «все было хорошо», или попытки приспособиться к изменениям приведут к катастрофе. Гомеостатическое управление, то есть управление, которое следит за отклонениями системы и приводит ее в состояние равновесия, изжило себя. Теперь возможно только проектное управление, то есть сознательное нарушение равновесия системы в сторону того или иного спланированного будущего. Нужно управление по переводу системы из одного состояния в другое. Для этого надо иметь проект будущего. И не просто проект, а проект, отвечающий на вызовы.

Сейчас многие говорят о «рузвельтовской модели». Дескать, нужно объявить «новый курс», строить инфраструктуру, дороги, увеличить госрасходы, организовать общественные работы и чуть ли не карточную систему ввести. А это все возымеет мультиплицирующий эффект строительство потянет за собой другие отрасли, например, металлургию, и так локомотив вытащит всю экономику.

В абстрактном виде это рассуждение верно. Только надо понять главное: какую именно инфраструктуру строить, под какой мир? Кого и на какие общественные работы мобилизовывать? Без проекта, без мира, который мы хотим построить, все усилия окажутся в лучшем случае попыткой реставрации прошлого, в худшем — симуляцией настоящего, но никак не творчеством будущего.

Россия стоит перед несколькими вызовами: демографический, геополитический, экономический, продовольственный, жилищно-коммунальный, культурно-идеологический.

1. Демографический вызов. До сих пор Россия — единственная страна в мире, которая сочетает в себе «европейскую рождаемость» и «африканскую смертность». Не буду томить цифрами, но убыль населения ежегодно составляет по 700 тысяч и не компенсируется возвратом соотечественников и притоком мигрантов. Как ни странно, но сверхсмертность идет не за счет стариков, а за счет молодого и среднего возраста. А значит, скоро некому будет охранять границы, а также работать, чтобы обеспечить пенсиями всех пенсионеров. Нагрузка на работающих будет огромна, когда поколение беби-бумеров выйдет на пенсию, после 2010 года.

Сокращение населения ведет к снижению ВВП. Экономисты говорят, экономика с современным уровнем комфорта возможна только при рынке не менее, чем в 500 миллионов человек. Низкая демография ведет к бедности, она не компенсируется работой на внешних рынках. При таком раскладе через какое-то время заканчивается ресурс экспансии, тогда как для демографически благополучных стран растущий внутренний рынок есть резерв прочности.

Более того, страна с низкими демографическими показателями сама рискует превратиться в объект экс-

пансии. Есть угроза отторжения Дальнего Востока. Попытка решить демографическую проблему за счет мигрантов вдет к дополнительным трудностям, с которыми уже столкнулись страны Европы.

Различные исследователи у нас и за рубежом изучали причины понижения рождаемости. Оказалось, дело не в материальном положении, не в религии, и проч., а только в одном: в урбанизации.

В городе ребенок — обуза, в селе — помощник. Индустриализация и урбанизация везде ведут к ухудшению демографических показателей нации. Что касается сверхсмертности, то это вопрос о социальном и экологическом здоровье. Неликвидные продукты питания, сниженный иммунитет у нового поколения, плохие беременности и роды, ужасный воздух и вода в городах России умножается на высокую преступность, пьянство, самоубийства, травмы, аварии и проч. Избавление от сверхсмертности возможно не только за счет экономического роста, но и за счет изменения экологической и социальной среды обитания.

Геополитический вызов. Россия зажата с трех сторон серьезными геополитическими соперниками. С Запада это постоянное продвижение к нашим границам блока НАТО, с юга — пассионарная экстремистско-исламская опасность, с Востока — претензии Китая. Мы не можем сейчас противостоять ни одному из этих соперников даже поодиночке, тем более, всем сразу.

Самая обидная угроза — «возможность перестать быть самой большой страной в мире». Россия может лишиться Сибири и Дальнего Востока. Территория, где у нас основные запасы нефти и газа (неразведанный шельф), другие полезные ископаемые, где находятся зеленые «легкие» планеты в виде сибирской тайги, а также самые большие запасы пресной воды (Байкал

и реки), совершенно не заселена. Потенциальная виртуальная китайская экспансия неостановима.

Глупо думать, будто наша нищая милиция справится с китайскими нелегалами лучше, чем богатая американская полиция с испанским нашествием. Не справляются в Америке, тем более не справятся у нас. Никакие пограничники ничего не спасут через 15 лет, когда на Дальнем Востоке китайцы захотят устроить Косово. А они захотят, об этом уже открыто пишут в китайской печати.

Военно-полицейско-административного решения проблема не имеет. Дальний Восток надо заселять. Должна произойти колонизация нового типа, в короткий исторический период нам надо переселить миллионы людей, тем или иным способом. Это фантастическая задача, но ее надо выполнить, если Россия хочет быть.

2. Строительно-жилищно-коммунальный вызов. Сегодня цифры выхода из строя жилья сопоставимы с цифрами вводимого жилья. А все дело в том, что начинают выбывать из строя хрущевки. Только начинают. Пик придется на 2010—2020 годы. Строить столько, сколько СССР, мы не сможем в ближайшие 20 лет, если иметь в виду ТАКОЕ строительство как сейчас (панельные дома), а значит, нас ждет гигантский жилищный кризис. Расходы на ремонт будут сопоставимы с расходами на строительство. Кроме того, изношены сети и коммуникации. Города не выдерживают нагрузки: постоянные аварии, пробки на дорогах, не соответствующие экологическим нормам вода и воздух, мусорные свалки, рост услуг и тарифов.

Каков выход? Нужны новые технологии строительства дешевого жилья. И они есть.

3. Экономическо-стратегический вызов. Будем честными: никакая «индустриализация и модернизация»

нам не грозит. Мы уже прошли эти исторические этапы. У нас совершенно не те люди живут в стране, что требуются для индустриализации и модернизации.

Тяжелые и традиционные отрасли давно уже выгоднее размещать там, где они и должны быть — в неком историческом прошлом, в тех странах, где это прошлое является настоящим. У нас возможны только хай-тек, хай-хьюм, то есть такие отрасли, которые имеют низкую материальную (тем самым дорогую) составляющую.

Наша страна должна жить не за счет производства станков, тракторов, кирпичей или ширпотреба (все это выгоднее делать в других странах), а за счет производства и продажи научных разработок, ноу-хау, культурных ценностей, религий, моды, дизайна, программного обеспечения, оборонки, и проч. Все это у нас получается неплохо, только надо научиться продавать и поставить на «промышленную» массовую основу. Для этого опять-таки нужна специфическая среда (институты, шарашки, лаборатории, венчурное финансирование).

Есть разные теории насчет исчерпаемости энергоносителей, но все они безрадостны для нас. Одни утверждают, что нефть — возобновляемый ресурс, и скоро это всем станет известно, а значит цены упадут (по теории В. Ларина нефть постоянно образуется за счет водородной подпитки из недр планеты, что подтверждается фактами). Другие, типа А. Паршева, утверждают, что через 20 лет в России совсем кончится нефть, пик ее добычи пройден. Скоро нефти не будет хватать даже для внутреннего потребления, и станет не важно, какие цены на мировом рынке. Будем, наоборот, мечтать, чтобы они уменьшились, поскольку превратимся в покупателей (в арабском мире нефти еще лет на 70).

А за счет чего мы возьмем деньги на покупку нефти? За счет газа, которого у нас много? Но Европа переходит на альтернативное топливо и энергетику, и через 20 лет соскочит с газовой иглы. Да и в разработку новых месторождений нужны инвестиции.

Необходимы новые источники энергии, желательны экологически чистые и возобновляемые, нужно нам самим как можно скорее вводить экономику с сырьевой дороги.

Современная нефтегазовая отрасль не может обойтись без нефтегазового хай-тека. Вообще нельзя противопоставлять эту энергетику и инновации, так как энергетика требует инноваций, и сама потенциально инновационна.

Для рывка в экономике нужно взять три — пять новых направлений, отраслей и инвестировать туда государственные деньги, чтобы стать в этих отраслях лидерами. Нужен «манхэттенский проект».

Речь идет о создании новой отрасли, где мы бы могли стать монополистами. Это как говорить об Интернете в 1970 году или о создании сотовой связи в 1985-м. Сейчас тоже где-то создается нечто подобное Интернету или мобильным телефонам, что изменит мир через 10—15 лет. Вот это «что-то» надо найти, инвестировать туда больше всех стран и стать законодателями мод в новой отрасли, собрав все сливки.

Побеждает не тот, кто более конкурентоспособен, а тот, кто вне конкуренции. Например: на стадионе, чтобы видеть лучше, некоторые встают. Но когда, глядя на их преимущество, встают остальные, преимущество первых теряется. Знания, которыми обладают все, бесполезны.

Никогда ничего не добьешься следуя учебнику или тому, о чем трезвонят СМИ, а также испытанным образцам и устоявшимся истинам. Нельзя копировать

Америку или Китай, никого нельзя копировать, потому что ЭТО ОНИ первые встали, получили преимущество и продолжают его получать.

Смешно наблюдать за нашими правительствами, которые действуют «по Кейнсу» или «по Фридману», по учебникам экономики Самуэльсона и проч. Все эти рецепты из учебников и прописные экономические истины уже отработали свое, так как в учебники вообще попадает только «отстой».

Нельзя копировать и себя самих. Я могу прекрасно относиться к царской России, к периоду СССР и проч., могу ругать 1917 или 1991 годы, но я должен понимать, что нельзя дважды войти в одну и ту же реку. Нельзя ничего восстанавливать и реставрировать, оживлять умершее (зомбировать).

Если уж нечто не выжило тогда, находясь в силе и славе и будучи подлинным, оно нежизнеспособно и сейчас, став лишь копией себя вчерашнего. Поэтому мертворождены всякие проекты и институты, являющиеся копией копий проектов и институтов, которые функционировали уже когда-то, хоть в политике, хоть в экономике.

Индустриальная эпоха и человек этой эпохи умерли, и пусть мертвецы хоронят своих мертвых. Надо было силы позднего СССР использовать на переход к новой постиндустриальной эпохе, а не отрицать индустриальную эпоху (прошлое) с позиций еще более прошлого (дикого капитализма). Настоящее надо критиковать из будущего, а не из прошлого. Из настоящего надо двигаться в будущее, а не в прошлое.

5. Продовольственный вызов связан с мировым продовольственным кризисом. Цена на продовольствие за последние годы выросли на 150%. Россия на 50 % зависит от импортного продовольствия, а это недопустимо для страны, которая хочет быть суверен-

ной. Никакие атомные бомбы не нужны, нас могут принуждать к чему угодно через шантаж голодом. В то же время, по свидетельству серьезных ученых, биотехнологии через несколько лет сделают серьезный скачок, который позволит снимать по пять урожаев чего угодно даже в российских условиях. Надо быть только допущенным к этим технологиям, развивать их самим и иметь инфраструктуру, которая позволит их использовать.

Уже сейчас, например, иностранные фирмы продают семена высокоурожайных культур за бешеные деньги, притом что на генном уровне культуры модифицированы так, что не могут давать потомство, и на следующий год нужно вновь покупать семена у монополистов. Транснациональная корпорация «Монсанто» уже почти монополист на этом рынке.

Кроме того, развитие сельского хозяйства не зависит от наших инвестиционных возможностей, нас ограничивает отсутствие кадрового потенциала.

Село спилось, деградировало. Нам что-то надо делать с селом, но элиты даже боятся подумать об этой проблеме. Сейчас деградации подвергается уже не только село, уже простые районные центры, где, казалось бы, есть работа, есть Интернет, чтобы связываться со всем миром. Они оскудевают ресурсами — мегаполисы высасывают из провинций все соки: финансовые, кадровые. Столица, в свою очередь, замыкается в отдельный мир и транслирует образ жизни, совершенно непонятный остальной стране. Реклама в деревне, например, воспринимается как марсианские хроники, и это рождает ненависть.

6. Культурно-идеологический вызов. Россия никому будет не интересна, если замкнется в политике на национальном эгоизме и прагматизме. Чтобы было яснее, сузим проблему до круга наших знакомых. Если

бы ваш приятель заявил, что он «чистый прагматик, исходит только из того, что ему выгодно в отношениях и защищает всегда только свои интересы», пожалуй, мы бы могли отнестись к этому как к его праву, но... не более того. Вряд ли такой человек был бы другом, вряд ли он был бы нам интересен, вряд ли бы он нас увлек. Тем более, он бы не стал для нас идеалом. А если бы он активно стал отстаивать свою прагматичность и эгоистичность, то стал бы, пожалуй, и неприятен, а может быть, даже исключен из общения.

Когда Украина гордо заявляет, что теперь она «следует своим национальным интересам», это может и воспринимается нами как их право, но навсегда вычеркивает Украину как ПРИЯТНУЮ страну для всех других. Нам-то что с того, что они следуют своим интересам? Нам-то англичанам (неграм, русским, японцам) что с этого?

Когда русские националисты кричат о великой России, понимают ли они, что никакого ВЕЛИЧИЯ не получают, потому что как минимум они не интересны и неприятны пятидесяти национальностям, живущим в России, не говоря об остальном мире.

Великие державы строились на великих идеях. Коммунизм обращался ко всем на Земле с идеей справедливости, либерализм — с идеей свободы. Великими становились нации, которые не навязывали свою национальную специфику и не говорили всем о своих прагматических интересах, а те, что давали миру некий всеобщий принцип.

Сейчас мне не нравится глобализм и не нравятся арабские экстремисты. А меня заставляют выбирать между ними. И дело не в том, что они мне не нравятся, потому что за глобализмом стоит американская специфика, а за антиглобализмом — арабская. За глобализмом не стоит никаких специфик, в то же время на

другом полюсе стоит дурная бесконечность этих национальных специфик, ни одна из которых меня не вдохновляет.

Настоящая опасность от глобализации не в исчезновении этих специфик (мы видим, что они только множатся), а в том, что мы застряли между их дурным множеством и их пустым абстрактным отрицанием (в попсе и рынке). Мы потеряли великое, мы потеряли всеобщее. Всеобщее — вот что стало редкостью, вот на что сейчас самый большой спрос. Та «национальная» идеология, которая поднимется над своим национализмом и даст миру это «всеобщее», сделает великой и свою нацию. К ней потянутся все.

Культурно-идеологический вызов состоит и в том, что Россия в попытке обезопасить себя от любых поползновений и конфликтов, должна быть ценностью не только для себя, а для всего мира. Необходимо, чтобы иммигранты хотели ассимилироваться в нашу культуру, а не «покорять» ее, наш «образ жизни» должен быть привлекательным, ценности, которые несет наша культура, должны быть вне конкуренции. Одним словом, Россия должна встать в авангарде экономических, технических, политических, цивилизационных исторических мировых процессов. Должна прекратить подражание кому-либо во всех сферах. И, как когда-то при Сталине, она максимально преобразилась в соответствии с сущностью новой индустриальной эпохи, так и сейчас Россия, возможно, должна быстро СТАТЬ САМОЙ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЙ СТРАНОЙ В МИРЕ. Благо индустрию реформаторы уже разрушили, и терять нам особо нечего.

Что такое постиндустриализм? Это не варварская энергодобыча, а энергосбережение или энергосоздание, использование новых источников энергии.

Это экологизм, а не эксплуатация природы.

Это хай-тек, а не машинная индустрия.

Это самоуправление и сетевые структуры, а не феодальные властные пирамиды.

Это дисперсия, а не централизация.

Это хай-хьюм, а не массовые идеологии и пропаганда через СМИ.

Это деурбанизация, а не города.

С последнего и начнем, а оно, как локомотив, потянет и остальное.

В России много земли. Проблема даже в том, что ее слишком много: скоро она станет не нашей, если ее не заселить. Мы боимся частной собственности на землю, потому что кто-то что-то скупит? Скоро у нас ее не просто скупают, а мирно заберут. Причем мы можем сколько угодно грозить Китаю каким угодно оружием, вирусное проникновение уже произошло, и оружие против него бессильно.

ДЕУРБАНИЗАЦИЯ — это ответ на все вызовы, которые стоят перед Россией. Редко бывает так, что на много вызовов можно дать один ответ, но это как раз тот случай, когда корень проблем один.

Это то, что можно назвать «зеленой революцией», это переход в новую экологически-чистую среду обитания, это гигантский национальный проект расселения городов, переселения десятков миллионов людей в малоэтажные загородные поселки с автономной инфраструктурой, это освоение новых земель, которые, как ни странно, находятся совсем рядом.

Россия до сих пор самая большая страна в мире с самым большим количеством неосвоенных земель. Страна, самая богатая лесом, пресной водой. Возьмите для примера Москву и Московскую область: 20 % населения страны живет здесь, задыхаясь и мешая друг другу, на клочке земли, когда на десятки тысяч

километров простираются пустые земли. Речь идет о внутренней колонизации.

В самом деле, деурбанизация — это средство решения демографической проблемы. Различные исследования демографов показывают: простое повышение уровня жизни ведет скорее к падению рождаемости, чем к росту. Культурные и национальные особенности тоже играют опосредованную роль. Например, в восточной Японии рождаемость низка, как и в Европе. Зато существует прямая зависимость рождаемости от степени урбанизации. Кроме того, переселение из экологически неблагополучных городов приведет к снижению уровня смертности.

Еще один ресурс — миграция. Сотни тысяч молодых ученых, уехавших на Запад, готовы вернуться, если им будет предоставлен свой современный дом в России, не говоря уже о бывших соотечественниках из СНГ. «Зеленая революция» прямо ведет к выправлению демографических показателей!

Население городов вынуждено дышать сильно загрязненным миллионами автомобилей воздухом, испытывать стрессы в результате постоянных шумов. Видеоэкология мегаполисов также разрушительно воздействует на людскую психику.

В то время как сельское хозяйство приходит в упадок, потому что на земле некому работать, города требуют продуктов питания. Настоящую пищу заменяют полуфабрикатами, суррогатами и эрзац-продуктами. Города все больше зависят от поставок генномодифицированной пищи из-за рубежа. Дети, школьники не получают достаточного количества белков, витаминов и микроэлементов, в результате чего большинство из них уже в юношеском возрасте становится обладателями букета хронических заболеваний. Они не способны

дать здоровое потомство, они вообще не приучены к настоящей жизни.

Ответ на геополитический вызов, на угрозу потери Дальнего Востока может быть получен только путем внедрения стратегии новой колонизации Дальнего Востока с помощью сети новых поселений.

Переселение людей в эти места возможно, если в обмен на городские «блага цивилизации» людям будет предоставлено просторное жилье, экологически-чистая среда обитания, собственная земля, отсутствие налогообложения. В противном случае люди не поедут, а если так, то проблема Дальнего Востока будет решаться уже другими, менее привередливыми народами.

«Зеленая революция» — это и продовольственная безопасность. На собственной земле по традиции люди будут собственными силами вести подсобное хозяйство. При этом выращивать экологически чистые продукты. Махатма Ганди говорил, что города вообще противоестественны, и когда-нибудь человечество поймет, что нужно жить на земле и самому обеспечивать себя всем необходимым. При современных технологиях, семья из пяти человек может полностью кормиться целый год с 10—20 соток земли, при этом не надо работать не разгибая спины.

Новый современный дом в деревне, малоэтажное строительство — это и решение жилищно-коммунальной проблемы. Инфраструктура городов не выдерживает нагрузки, цена на землю, коммуникации и строительство в городах превышает все разумные пределы, что делает невозможной ипотеку и доступное жилье. И наоборот, сегодня существуют новые технологии малоэтажного строительства, которые позволяют в короткий срок решать проблему жилья.

Поселки могут строиться пока вдоль железных дорог и автомобильных трасс, чтобы использовать име-

ющуюся инфраструктуру. Вдоль поселковых линий домов тянуть электричество, газ, интернет, телефон. Постепенно расселять города.

Малые дома дешевле (даже вместе с инфраструктурой), чем панельные многоэтажки и их ремонт в скором будущем. Наши градостроительные дебилы, иного слова нет, и я на нем настаиваю, гордятся, что начали строить небоскребы, но ведь это все мода столетней давности!!! Это же какую надо иметь задержку в психическом развитии!

И, наконец, культурно-идеологический ответ на вызов возможен только в поле роста местного самоуправления, местной инициативы, постоянных социальных инноваций, которые производят небольшие самоуправляемые сообщества. Хай-тек и хай-хьюм — не та сфера, где могут работать госкорпорации и промышленные монстры, хай-тек и хай-хьюм возникают в микросообществах и ими же реализуются. Кроме того, новый образ жизни (свой дом, природа, свои продукты питания, баня, рыбалка и проч.) обладает высокой привлекательностью и для бедных, и для высокоразвитых стран, где возможности такого образа жизни не сохранились.

Новый экологичный образ жизни можно противопоставлять «потребительскому» образу жизни, который сейчас господствует, но возможности которого для всех стран близки к исчерпанию.

Различие между теми, кто воспринимает «зеленую революцию» как утопию, и теми, кто воспринимает ее как реальную и, пожалуй, единственно возможную перспективу, есть только различие в осведомленности по поводу современных достижений в строительстве, транспорте, в коммуникациях.

Например, мало кто знает, что в России уже построены тысячи домов европейского качества,

300 квадратных метров по цене не выше 65 тысяч долларов за дом. Но они строятся без помощи власти, наоборот, через сопротивление. Небольшим извинением для тех, кто не верит в перспективу «зеленой революции», может служить лишь то, что вышеозначенные достижения постоянно замалчиваются и тормозятся людьми и институтами индустриальной и потребительской эпохи.

Сегодня продолжают строить гигантские торговые центры, офисные небоскребы, производить продукты питания по технологиям фаст-фуда, продолжают восхищаться этой практикой, модной 50—100 лет назад. Мы, вместо того, чтобы двигаться в постиндустриальное будущее, движемся в индустриальное прошлое.

Для качественного рывка вперед в данном направлении необходим комплексный анализ применительно именно к российским реалиям. Главная задача — свети в одной точке потенциальные, но мало используемые экологические богатства России, возможности новых технологий. Механизм решения этой задачи диктуется российскими просторами и реалиями постиндустриального общества — необходимо перейти от концентрированной схемы распределения населения к дисперсной.

Не банальное «возрождение села» нам нужно, а создание новой формы поселений, неоагломераций, то есть поселений сельского типа с современной инфраструктурой, где появится возможность сочетать как экологический (вода, воздух, пища), так и технологический (бытовая техника, электричество, современный досуг) виды комфорта.

Самым главным, приоритетным условием для решения этой задачи является создание качественно новой, высокоскоростной транспортной сети и параллельной ей системы современных коммуникаций

(от бытовой канализации до интернета и спутниковой связи).

«Зеленая революция», будучи революцией реальной (в отличие от фальшивых «оранжевых революций») меняет всю совокупность общественных отношений, весь образ жизни и распадается на ряд мини-революций.

Во-первых, это революция в земельных отношениях, в земельном законодательстве. Здесь нельзя слепо копировать чужой опыт, ведь у нас своя географическая и культурная специфика. Возможно, надо объявлять закон раздаче земли в *вечную собственность*, причем не по шесть соток, а гектарами, по принципу «берите сколько сможете». Сделать то, что США сделали в 1960-х годах.

Дальше вступает в силу немецкий принцип: «собственность обязывает». Землю должно быть невыгодно держать неиспользуемой или же невозможно.

Земля может принадлежать только российскому гражданину. Но российским гражданином может стать и эмигрант, если сдаст суровый экзамен по русскому языку и русской культуре, который надо будет подтверждать потом еще несколько раз в течение нескольких лет, а также тот, кто принесет присягу на верность новому государству.

Эмигрантов из бывшего СССР или Европы мы можем принимать неограниченно, но только после платного обучения русскому языку и получения земли, которую нужно обрабатывать (таким образом, он будет к ней прикреплен, а не станет попрошайничать и бандитствовать по городам).

Землю можно давать европейцам, восточноевропейцам, неграм, индусам, чуть меньше — арабам и китайцам, но главное всех селить вперемешку, чтобы русский стал языком межнационального общения и

не было общин и диаспор. Весь мир должен знать, что в России началась раздача земель, все должны устремиться сюда, как в Новый свет. А мы будем зарабатывать на образовании, на платной натурализации. Да, мы получим «дикий Восток», как в США был «дикий Запад». Но из «дикого Запада» США выросла величайшая империя мира, вырастет она и из «дикого Востока»!

Во-вторых, нужна революция в развитии трудовых отношений (когда будет считаться нормой работа на расстоянии, через компьютер, сеть, а не в офисах). Кстати, приемная Ильи Ульянова, отца вождя мирового пролетариата Ленина, находилась прямо в его жилом доме. Чиновник уровня регионального министра образования не сидел в административных зданиях по восемь часов в день, а работал на дому, сам формировал свой рабочий график, поездки по курируемым объектам и проч. и только раз в месяц являлся к губернатору с докладом. Точно так же работали масса других чиновников. И это в век, когда не было ни интернета, ни даже телефона. У нас же все сидят рядом, боясь отлучиться, постоянно совещаются, координируют, планируют, да еще звонят и пишут друг другу. А порядка меньше, просто потому, что постоянные согласования и транзакционные издержки покрывают все рабочее время.

В-третьих, нужна революция в отношении к дому, земле (людям нужно учиться жить на земле заново, учиться вести хозяйство). Впрочем, у нас даже после разрушения села остались традиции садов и дач. Если программа «зеленой революции» не будет претворена в жизнь сознательно, то в результате кризиса вся страна совершит «зеленую революцию» явочным порядком — люди просто сбегут на дачи и будут выживать за счет огорода. Однако, все так не выживут, да и те

технологии, которые сейчас используются в дачном труде, малоэффективны. Нужно распространять новые технологии и они есть.

В-четвертых, нужна революция в отношении к питанию и потребляемым продуктам. Надо учиться самому обеспечивать значительную часть своего рациона экологически чистой, настоящей пищей. Надо объявить войну фаст-фуду, причем не только пропагандистскую, как делают фильмы «Осторожно, еда», или «Последняя порция», но и законодательную. Необходимо ввести такие экологические и санитарные нормы, чтобы бизнес постепенно сам переориентировался на производство и торговлю экологически чистой пищей. Это создаст больше рабочих мест в сельском хозяйстве.

В-пятых, строительная революция. Сегодня существуют технологии малоэтажного строительства морозостойкого жилья по цене 10 тысяч рублей за метр, но их не пускают на рынок индустриальные бетонные монстры. Сошлюсь здесь на книгу Ю. В. Крупнова и А. С. Кривова «Дом в России», где профессиональные строители показывают реальность дешевого жилья и возможности новых строительных технологий.

В-шестых, нужна революция в системе коммуникаций (газ, свет, канализация и проч. нового типа). Электрогенераторы должны быть автономные и комплексные (ветрогенераторы, солнечные батареи). Есть технологии мини-АЭС, экологически чистых, для малых городов и поселков, есть технологии мини-гидростанций для малых рек. Есть даже технологии мини-атомных станций, которые вообще экологически абсолютно безвредны, так как работают на уране другого типа. Но крупные атомщики все эти технологии «зажимают», так как это для них опасность.

В-седьмых, революция в использовании речного транспорта. Ведь реки — естественные дороги, по которым передвигалась в течение тысячи лет вся Россия. Профессии плотников и сплавщиков были распространены не меньше, чем сейчас профессии сис-админов. Сейчас сеть рек больше, чем сеть железнодорожного транспорта, но по ним перевозятся 2 % грузов! Берега рек и надо в первую очередь заселять мини-поселками.

В-восьмых, революция в скоростном железнодорожном транспорте. Китайцы и японцы же делают такие поезда. Мы можем использовать своих инженеров и сделать что-то еще более выдающееся. Необходимо повысить пропускную способность железных дорог, увеличить парк подвижного состава, перейти на качественно иной уровень комфорта в обслуживании (только мягкие сидячие места).

Нужно широкое распространение высокоскоростных поездов (в том числе основанных на качественно новых технологических принципах — магнитная подушка, струнный транспорт, монорельс). Когда у наших граждан появится возможность в течение часа с комфортом преодолевать 300—400 километров до работы и обратно, на фоне чудовищно завышенной стоимости жилья в городах это приведет (особенно при поддержке государственной власти) к массовому перетоку населения в сельскую местность.

Наличие современной транспортной инфраструктуры позволит обеспечить «в деревне» такое качество жизни, какое ранее было доступно только жителям больших городов. Развитие высокоскоростного транспорта удешевит перевозки, что поможет снизить транспортные издержки в стоимости продукции и приведет к снижению цен и реальным успехам в борьбе с инфляцией.

Но это первый шаг. В дальнейшем качественно возрастёт транспортная связность всей страны в целом. Россия как бы «уменьшится в размерах», что позволит каждому жителю пользоваться всеми благами цивилизации, где бы он ни жил территориально.

В-девятых, революция в мини-авиации. Сегодня уже есть самолеты на несколько посадочных мест, летающие без заправки на значительные расстояния, абсолютно безопасные (так как при отказе двигателя выбрасывается парашют), и при этом для взлета и посадки им необходимо всего лишь 100—200 метров поля. Такими мини-аэродромами, а не полями для гольфа надо покрывать всю Россию. Представьте: выехал за МКАД, сел в авиатакси, и через пару часов уже в Самаре. Цена мини-самолета сопоставима с ценой джипа. Да у нас полстраны должны летать на минисамолетах и никого не спрашивать.

Надо либерализовать законодательство о воздушном транспорте, обходиться без диспетчеров: ввести воздушные ПДД. Аварий будет не больше, чем на земле, потому что возможности разминуться в воздухе шире, а сам трафик — меньше. А какой шанс поднять наш авиапром, переключив его на массовое производство персональных авиатакси!

В-десятых, революция в самоуправлении и вообще в государственном управлении. Понятно, что огромные полномочия будут на местах, где все лучше видно и все лучше знают. В свое время Китай создал одну из самых стабильных политических систем за счет того, что на местах передавалась абсолютная власть, только смертные приговоры заверялись в столице. Если у нас сейчас каждый чиновник не предпримет ни одного действия не спросив что-то наверху, то в Китае, наоборот, попытки передать вопросы наверх и спросить санкцию могли привести к снятию чиновника с

должности или наказанию. Зачем тебя посадили, если ты начальника спрашиваешь?

Наши центры власти перегружены и парализованы, должна же возникнуть система, разгружающая центр и все решающая на местах. В компенсацию за движение на местах надо укрепить и сделать стабильным сам центр, введя, например, ту или иную форму монархии, символически объединяющую пространство, к которой в принципе никто бы не мог иметь претензий, так как она наделена правом миловать, а не казнить, вмешиваться, а не управлять. Не нужен и громадный административный аппарат в столице: кадры, которых сейчас не хватает для самоуправления в провинции, поехали бы туда.

В-одиннадцатых, возможна финансовая революция. Есть пророки, которые утверждают: в условиях мирового финансового кризиса производственного паралича удастся избежать всем, кто будет вводить свою мини-валюту, иногда даже действующую на территории одной агломерации.

Бернард Лиетер, известный экономист, один из архитекторов евро, в книге «Будущее денег» не только предсказал мировой кризис, но и указывал на беспрецедентный рост бартерных операций, частных, общинных и корпоративных валют. Мы сами уже часто вовлечены в эти операции, не догадываясь об этом: например, когда получаем баллы от авиакомпаний за налет часов. Существуют проекты финансовых систем, исключаящих проценты и инфляцию. От них отмахивались традиционные финансовые гуру, но какие они гуру после случившегося?..

Предсказать все революции и перечислить их по степени важности невозможно, нужно начать двигаться в этом направлении, а жизнь сама подскажет, что менять и как. Сегодня же сотни миллиардов выбрасы-

вают на строительство какого-нибудь офисного центра небоскребов «Москва-Сити», вместо того, чтобы построить тысячи новых поселков в том же Подмосковье.

Важнейшим следствием «зеленой революции» станет качественное повышение уровня внутреннего комфорта в стране. Россияне смогут в полной мере пользоваться экологическими богатствами страны — чистыми водой и воздухом, здоровым питанием и т.п. — и при этом не отказываться от технологического прогресса. Это позволит впервые в истории обеспечить в нашей стране уровень жизни, превосходящий аналогичные показатели в развитых странах Запада. Это не просто экономическое и военное превосходство, это превосходство в обрете жизни.

Современный западный человек имеет целью потребление тех или иных вещей, товаров. Человек, обрабатываемый рекламой, трудится на неинтересной работе в душном офисе, питается вредным фаст-фудом, от которого тучнеет, и все для того, чтобы купить очередную «модную» одежду из синтетики, которая завтра уже будет непрестижной... И такие «крысиные бега» продолжаются годами. Все это ведет к нервным расстройствам, потере здоровья, потере себя.

Россия сможет выступать в роли экспортера экологических ресурсов, востребованность которых в развитых странах повышается стремительными темпами. Формы такого экспорта весьма разнообразны. Это и поставки экологически чистых, натуральных продуктов и питьевой воды, и массовое развитие экологического туризма.

На Земле нет человека, который бы не слышал о России и не хотел бы побывать в самой большой северной стране. Примерно 1,5 миллиарда человек потенциально даже могут себе это позволить. Каждый турист

оставляет в неделю до тысячи долларов. Перемножьте эти числа, и вы получите 1,5 триллиона долларов. Это потенциальный заработок России на экологическом и экстремальном туризме, и он в несколько раз больше, чем весь сегодняшний российский бюджет.

Когда нефть и газ закончатся, наша природа и красота останутся и будут приносить доход. Мы должны уже сейчас инвестировать в туристическую и транспортную инфраструктуру, в коммуникации — это залог счастливого будущего наших детей! Россия может быть не только энергетической, но и туристической сверхдержавой.

В результате Россия станет для всего мира образцом выстраивания такой модели социально-экономических и экологических отношений, которая способна обеспечить гармонию человека и природы, его души и внешнего окружения, гармонию духовных ценностей и наиболее благоприятных, комфортных материальных условий для устойчивого развития в будущем. Это гуманитарное лидерство в мире, делающее невозможным агрессивные поползновения.

Одно из самых распространенных возражений против «зеленой революции» — занятость. Дескать, чем люди будут заниматься? Работа только в городе.

Во-первых, начнем с того, что у нас в стране от 30 до 40 миллионов пенсионеров, из них только до 10 миллионов проживают в селах. Остальные в городах. Для них нет проблемы безработицы. А вот поселок с магазином, свой участочек, свежий воздух может быть для них и за городом, и это даже более желательная перспектива, чем смерть в каменных джунглях. В одной Москве несколько миллионов неработающих, почему бы их не выселить в таунхаузные малобюджетные поселки на природу на берега рек и озер, с персональными огородами и клубами «кому за 50»? Пенсионные

фонды и должны строить эти поселки, забирая потом в обмен на таунхаузы квартиры в городах. Выход на пенсию и должен означать не обязательство государства платить тебе ежемесячно, а обязательство предоставить тебе отдельный уютный домик с огородом.

Теперь поговорим о тех, кому требуется работа. При современных средствах связи, при Интернете и возможности виртуальных офисов нет необходимости сидеть и работать бок о бок разным коллективам. Только индустриальная привычка не позволяет многим руководителям заменить реальные офисы и места работы виртуальными. У 50 % видов работ нет технологической необходимости нахождения людей в одном месте. Журналисты могут делать газету, находясь в разных концах Земли, как сейчас сидя в редакции, так же могут работать менеджеры, управленцы, ученые, люди творческих профессий. Многие уже сейчас так работают, но живут почему-то все равно в городе, хотя мечтают о домике в деревне с интернетом.

Другая профессия — строительство. Проживающие на определенной территории ее и осваивают: строят новые дома, расширяют сеть поселков, инфраструктуру, подобно тому, как корни и грибницы создают ризому, сеть.

Еще одна сфера занятости — сельское хозяйство, особенно новое, но актуально и просто самообеспечивающее. Трудно представить, что семья, имея гектар земли, не посадит лук, картошку, не заведет козу или хотя бы кур и проч., а это уменьшит зависимость от импорта.

Будут действовать новые биотехнологии. Будут востребованы услуги по натурализации эмигрантов, обучение русскому языку.

Нужны полицейские функции, порядок в поселках, управление и самоуправление (выборы без вся-

ких манипуляций, ведь все друг друга знают). Далее, наукограды (наукопоселки), лаборатории, творческие коллективы. Всевозможные сферы доставки, транспорт, связь, почта и прочие услуги.

Еще одна сфера работы — экологический и оздоровительный туризм.

В конце концов, зачем стесняться работы помещиков. Ведь многие наймут себе за барщину и оброк китайцев, индусов и прочих. (В мире и так наступает новое средневековье: США, например, фактически перестало быть капиталистической страной. Их власть держится на оружии, опосредуется финансами, а собранная дань тупо потребляется, а не инвестируется).

Концентрация поселков вокруг крупных производств, но не самих производств вокруг поселков. Должны быть законы, запрещающие строить более одной фабрики (или промысла) в одном населенном пункте. Что бы вы сказали дизайнеру, если бы он в 200-метровой квартире составил всю мебель в один угол с обоснованием, что «так все под рукой»? Но ведь реально в стране вообще отсутствует социальный и экономико-географический дизайн. У нас в одних регионах люди сидят друг у друга на головах, в других — пустыни.

Нельзя допускать, чтобы производства открывались там, где кому-то кажется, что это выгоднее, а именно в «муравейнике», где скопище потребителей, поставщиков и смежников. Бизнес всегда будет стремиться все свалить в кучу, поэтому надо искусственно давать льготы для открытия тех или иных бизнесов и производств на отдельных территориях и, наоборот, штрафовать за то, что люди плодят сущности там, где нет необходимости.

В XXI веке реакцией на глобализацию может быть только одно: эскапизм!!! Нам надо поймать этот тренд

и заставить работать на себя!!! Россия станет самым модным в мире государством (как был с 1930-х по 1960-е СССР). Для этого надо захватить интеллигенцию, интеллектуалов. А все интеллектуалы в мире в душе последние полвека мечтают только об одном: *об уютном домике в тихом месте на берегу реки, в лесу, но... так, чтобы в любой момент, нажав кнопку, можно было связаться со всем миром.* Надо дать им это!!!

Они устремятся сюда со всего мира. Начнется обратная **перекачка мозгов**. Весь хай-тек и хай-хьюм будет у нас. Мы будем иметь монополию и торговать идеями и разработками. А воплощают их в жизнь пусть в других местах.

Новое позиционирование России: Россия — это рай для интеллектуала, здесь чисто, безопасно, все условия для работы, здесь все по-настоящему: натуральная еда, чистый воздух, вода, душевное общение, настоящая простая жизнь.

Сначала приедут сумасшедшие фанатики и романтики, потом стекутся те, кто мечтает убраться подальше от цивилизации, потом «мозги» польются рекой. Нужно законодательно им предоставить режим благоприятствования. Любому профессору из любой страны, бесплатно гектар земли с лесом, где укажет, и коттедж со всеми удобствами и русской баней!

Легко заметить, что данная концепция дает ответ на **ВСЕ** вызовы, стоящие пред Россией. Это неизбежно, как судьба, только разумного она ведет, а неразумного тащит. Мы, как первые, можем сорвать все сливки с авангардной роли в новом мире, а можем прийти в него последними, растеряв по дороге и территории, и население, и возможности, когда сливки снимут другие.

Зеленый — самый модный цвет наступающей эпохи, а не грязно-серый цвет бетонных городов. Сами

же города надо прореживать. Вообще запретить строительство в них, только делать историческую реконструкцию. На месте выбывших из строя зданий разбивать парки. Столичные функции Москвы распределить между городами-миллионниками, резиденцию президента перенести за город, в Кремле же проводить только торжественные и символические мероприятия. Сделать из Кремля гигантский музей, убрать оттуда всех чиновников. Одна эта мера увеличит поток туристов в Москву с четырех миллионов в год до 10 миллионов минимум. Трафик при отсутствии всяческих кортежей, которые регулярно бороздят город и перекрывают движение, станет намного легче.

Из-за скученности производств, загрязнению наша страна подверглась весьма точно. До сих пор мы хранители «зеленых легких» планеты, до сих пор четверть мест, где не ступала нога человека, находится у нас. Это наше уникальное преимущество, и мы должны капитализировать его и использовать как ресурс при выходе из кризиса и во время формирования посткризисной повестки дня, нового мира, в котором необходимо занять лидерские позиции.

ГУМАНИТАРНЫЙ «МАНХЭТТЕНСКИЙ ПРОЕКТ»

Перебирая всю многочисленную научную и публицистическую литературу, посвященную цивилизационной специфике России, можно выделить шесть основных позиций:

1. **Россия — не Европа**, то есть Россия — страна с другим менталитетом, другими традициями и т.п. Их можно назвать азиатскими, а можно этого не делать, а сказать, что это нечто среднее между Европой и Азией, или вообще, что Россия — нечто уникальное. Этой

точки зрения придерживается большое количество ученых, пишущих на эту тему: славянофилы, евразийцы и либералы-изоляционисты.

2. **Россия — анти-Европа**. Это более жесткий вариант первой позиции. Он утверждает, что Россия сама всегда (со времен принятия восточного христианства) тяготела более к Востоку, чем на Западу, Запад не любила и все стремилась делать в пику ему. Все войны, кроме татарского нашествия, шли на Россию с Запада. Россия стремилась реализовать у себя все западные «концепции иного», чтобы все больше отделять себя от Европы. С другой стороны, и для Европы Россия была всегда источником опасности или угроз, «русским медведем» или «жандармом». Этой позиции придерживались некоторые славянофилы, а сейчас придерживается ряд исследователей самых различных ориентаций: от Б. Гройса до З. Бжезинского и многие другие, практически все «антисоветчики» и «руссофобы».

3. **Россия — квинтэссенция Европы**. Это означает, что Россия — больше Европа, чем сама Европа. Тут доведены до предела все европейские противоречия, все европейские проблемы и все европейские достижения. Родоначальником такой позиции был А. С. Пушкин, отмечавший, что Петербург — не просто европейский город, а утрированно-европейский, тут эстетика европейского классицизма и его нравы доведены до абсурда. Подобного мнения придерживался и Достоевский, глядя уже на «буржуазный Петербург». В каком-то смысле о том же говорил Ленин в «Империализме как высшей стадии капитализма». Он считал, что Россия — слабое звено в капиталистическом порядке, именно здесь должна произойти революция, именно потому, что капитализм тут развит до предела. Сейчас эта теория очень популярна, хотя есть коммунисты,

утверждающие, будто именно Россия сейчас должна решать проблемы, которые не мог решить Запад, что на Западе эти проблемы завуалированы, а у нас обнажены.

4. Россия — сверх-Европа. Это утрирование предыдущей позиции с уточнением, что Россия не просто обнажает проблемы Европы, но и решает их. Таким образом, оказывается, что Россия — это будущее Европы, а Европа и вообще Запад — вчерашний день России. Это воззрение было особенно популярно в начале XX века и прожило вплоть до 1970-х годов. Впрочем, с известными оговорками и иезуитской аргументацией оно встречается и сейчас.

Интеллектуалы на Западе в конце XIX века считали Россию страной более перспективной, чем Европа, так как Россия (ее интеллектуальная среда) достигла больших, чем Европа, успехов в женской эмансипации, в рабочем движении, в освобождении от национальных комплексов, в искусстве (авангард) и во многих прочих сферах.

Этого мнения придерживалась вся «левая» интеллигенция, вся «творческая интеллигенция» на Западе. Но это же было и в России, особенно после революции, когда не только интеллектуальная среда стала считаться авангардом, но и сам государственный строй. Так считали в годы «успехов социалистического строительства», создания «ядерного оружия» и особенно когда Россия первая вышла в космос. Правда, в 1970-е годы симпатии к России стали слабнуть, и они вновь усилились на короткий срок в эпоху Горбачева, когда интеллектуалы стали считать, что Россия опять впереди всех (хотя бы в идейном плане), ведь именно она первая предложила «новое мышление».

5. Россия — недо-Европа. Позиция, обратная предыдущей. Ее родоначальники — западники, ви-

девшие в Европе будущее России и образец для подражания. Наследники этой позиции — все критики существующих российских порядков, диссиденты и т. п.

Россия все время отстает от Запада и использует «догоняющую модель развития». На официальный уровень эта позиция продвигалась усилиями Сперанского, затем Витте и Столыпина, а сейчас ее во многом придерживаются так называемые «демократы» как в руководстве, так и в народе. Считается, что Запад почти по всем показателям далеко впереди России, и опять надо ставить задачу себе, по крайней мере, «догнать» его.

6. Россия — это Европа. Тот, кто сомневается, говорят защитники этой точки зрения, пусть еще раз вспомнит про китайские иероглифы, японскую кухню, индийские религии, арабские обычаи. У нас с Европой похожи и языки, и религия, и искусство, и философия, и наука, и даже кухня. Причем не просто похожи, случайным образом, а формировались в одном ареале, через взаимный культурный обмен в течение тысячелетий (исключение только подтверждают правила: да, у нас третья национальность по количеству в России — татары, они — мусульмане, но и в Европе теперь есть Турция, Албания и проч.).

Кто-то скажет, всем равно Россия не похожа на Европу. Но на это можно спросить: а что понимается под Европой и похожа ли она на саму себя? Неужели между Грецией и Англией различий меньше, чем между Грецией и Россией? Или между Польшей и Испанией? Или между Швецией и Италией? Или между Германией и Турцией? Или между Болгарией и Португалией? Все европейские страны специфичны, Россия тоже. С кем-то у нас общая религия, с кем-то родственен язык, с кем-то культурные или экономические связи...

Одним словом, фанатики, настаивающие на огромной специфике России в сравнении с Европой, просто по миру мало ездили.

Невозможно не видеть, что все представленные позиции в их различных вариантах и интерпретациях, так или иначе содержат долю истины. Каждая из позиций достаточно обоснована, и невозможно выделить ту, которая была бы синтезирующей все остальные, или явно господствующей, или более глубокой.

Если посмотреть на российскую историю, то каждая из позиций отражает воззрения различных групп или воззрения того или иного времени. Именно время давало повод для таких размышлений. Ведь их правомерность подтверждалась не только нашими внутри-российскими теориями, но и интеллектуалами всего мира. Если после революции Россия действительно виделась культурным авангардом, то ведь и до сих пор картины Малевича стоят баснословных денег.

Если после победы над Германией, получения ядерного оружия, строительства первой атомной электростанции и атомного ледокола, запуска первого спутника и первого человека в космос во всем мире «быть интеллектуалом» означало «быть «левым» (то есть ориентироваться на Россию и СССР) — этот факт тоже не отменишь.

Короче говоря, все вышеперечисленные позиции — не плод теоретической интерпретации неуловимой реальности, а отражение действительных процессов и культурно-исторических позиций России в течение времени или в сознании определенных классов.

Вторая особенность всех перечисленных теорий, и эта особенность буквально лезет в глаза, связана с тем, что все позиции так или иначе **замкнуты на Европу**. Даже позиция, поставленная первой, которая вроде никак динамически не цепляется к Европе, а просто

формально-логически отделена от нее и может быть описана без привлечения Европы, на самом деле не обходится без нее. Достаточно прочитать труды как прошлых, так и современных славянофилов и евразийцев, чтобы увидеть: большая часть их размышлений посвящена бичеванию Европы и попыткам размежевать ее с Россией. Даже всем известное разделение на «славянофилов» и «западников», все же было именно таким разделением, а не делением, скажем, на «славянофилов» и «восточников». Европа — это зеркало России, через Европу Россия самоидентифицируется.

Принимая во внимание два этих замечания, можно описать позицию России как страны, «танцующей» вокруг Европы. Подобно тому, как Македония танцевала вокруг Греции. То с ней, то под ней, то в ней, то над ней, то за ней, то перед ней, то против нее.

Если предположить, что Россия — это окраина Европы (Украина Европы), сразу и наш менталитет оказывается «украинским», наше поведение по отношению к Европе копирует (а может быть, она копирует) поведение украинца по отношению к нам.

Один украинский интеллектуал (ничего смешного!) поставил вопрос (копируя вопрос о России, поднятый Соловьевым): «Что думает Бог об Украине?». Подумав, я ответил: «Ничего, потому что мышление Бога очень отличается от мышления господ Кучмы и Ющенко, ведь только в воспаленном воображении этих людей и их последователей существует Украина как отдельная самостоятельная сущность. Бог же прекрасно знает то, что знает любой честный украинский историк: Украина — это выдумка, химера, весь смысл существования Украины состоит в противопоставлении себя России, поэтому без России она невозможна. Следовательно, ключ к судьбе и исторической миссии Украины надо искать в судьбе и миссии России».

Но ведь то же верно и в отношении России и Европы. Большой Европы. Хотя мы часто противопоставляем себя Европе (в узком смысле как католической и протестантской), все равно не можем без нее. Мы брали в Европе христианство и противопоставляли себя Европе как более истинные христиане. Мы брали в Европе Маркса и становились большими марксистами, чем Маркс. Мы взяли в Европе демократию и показали такие чудеса демократизма, что до сих пор очухаться не можем.

В самодостаточном смысле понятия «русской культуры» не существует. Это понятие имеет такой же смысл как «итальянская культура», «французская» и проч. (то есть указание специфического отличия, тогда как само понятие культуры уже с головой выдает принадлежность к Европе!!!).

Что же означает признание общей судьбы для России и для Европы? Это в первую очередь означает наличие единой культурной миссии (а уж затем экономическое, политическое, научно-техническое, военно-космическое и прочие содружества, для которых много предпосылок).

Тогда вопрос: а какова же миссия Европы? Не только русские философы вот уже ни одно столетие ищут противоположную Европе «русскую идею» (правда, не осознавая, что поиск, равно как и слово «идея», уже с головой утягивает их в европейскую философию), но и в обыденном сознании россиянин (не только русский) не воспринимает себя как культуртрегера, как носителя европейской культуры и европейской миссии, как цивилизатора в окружении варваров. Он не культивирует в себе это чувство и соответствующую идеологию. А ведь настоящий европеец обязан, перифразируя Станиславского, «любоваться не собой в Европе, а Европой в себе».

Мы замечаем гипертрофированное чванство у поляков, прибалтов, чехов. Где бы ни находились они: дома, в Париже, а тем более в России, эти люди всегда сосредоточены на несении миссии, на несении гордого звания Европейца.

Их легко понять: маленькие народы желают быть частью чего-то большего. Русские — народ большой, и не испытывает подобных комплексов. Но это не значит, что он не европейский, потому что культуртрегерство отнюдь не единственная миссия европейца.

Да, быть европейцем означает сознательно культивировать в себе культуру, причем это может быть и чисто русская культура. (Так, все славянофилы, культурные, образованные, знающие историю и языки, гораздо больше европейцы, нежели плохо говорящий даже по-русски невежественный, невоспитанный и бестактный западник Белинский).

Однако надо отдавать себе отчет: Европа — не только и не столько культура (неокантианская, поверхностная, хотя и распространенная интерпретация ее миссии), сколько воля-к-власти с ее постоянной переоценкой ценностей (эту миссию в Европе видел Ницше), Европа — это абсолютная идея свободы и духа (эту миссию в Европе видел Гегель), Европа — это глобальное, планетарное господство науки и техники (эту миссию в Европе видел Хайдеггер).

Смешно видеть, когда наши ученые всерьез говорят о «самостийности России» и приводят этому научные доказательства. Уже их научное бытие находится в кричащем противоречии с их целями. Наука — не «общечеловеческая ценность», а сугубо европейская. Точнее так: думать, что наука есть общечеловеческая ценность — сугубо европейский подход. Однако эта последняя миссия Европы уже реализовывалась нами! Может быть наскоро, может быть по-ученически рья-

но, но весь XX век русские показывали чудеса науки и техники!

Так в чем же сегодня миссия Европы, чтобы мы могли по старой привычке взять ее и реализовать на всю катушку, со всей дури так, чтобы Европа сама себя в нас не узнала? За что схватиться?

А все дело в том, что Европа сама бездомна! Европа сама больше не несет никакой миссии! Куцые попытки объединиться в Евросоюз, до боли напоминающие XIX век завывания про европейские права и свободы, «культивирование культуры» в духе начала XX века... Все это повторение пройденного, подражание себе.

В том то и дело, что Россия УЖЕ реализовала миссию Европы, которую та в последний раз себе ставила. Больше реализовывать нечего. Вся Европа — это СССР периода застоя, и ей еще предстоит наша «перестройка», хаос и мрак запустения. Можно, конечно, подождать Европу на этом пути, а можно, коль уж мы оказались в авангарде истории, начать экспериментировать и творить историю, чтобы Европа начала подражать нам. Не сейчас, а когда ей понадобится, через десяток-другой лет.

У России появляется шанс получить европейское и мировое признание! Она должна стать лидером Европы, предложив новую миссию Европы. Вот за что Европа будет ей благодарна! Не заниматься поисками «русских идей», которые невозможны в силу самопротиворечия, а всерьез предложить миссию Европы. Требуя невозможного — получишь максимум! Ставь надцель — добьешься цели!

Такая задача по плечу только философам и поэтам и это — исконное философов. Не идеологов, которые придумывают идеологии, а философов, что в феноменологическом опыте дают новую интерпретацию бытия, новую «онтологию». Пожалуй, нынешнее поло-

жение России, когда она поставлена на грани бытия и ей нечего больше терять и не спастись, подражая себе прошлой или кому-то со стороны, способствует тому, что ей остается только решиться на этот шаг.

До тех пор, пока мы считаемся и являемся окраиной Европы, отношение к нам будет как к окраине. Лучший способ добиться признания Европы — сделать так, чтобы Россия сама стала центром Европы, а Европа — окраиной России.

Как никогда актуальны слова Чаадаева из «Философических писем» о том, что Россия так до сих пор ничего не предложила миру. Как никогда актуальны затасканные строчки Тютчева о том, что «в Россию можно только верить». В самом деле военные победы — только НАМЕК на что-то большее. Самая большая территория, тысячелетнее выживание в северных условиях, где другие народы не живут, с учетом невиданного военного и культурного прессинга — это все исторический аванс, кредит. Россия есть не действительность, а возможность, то, во что можно только верить как в некое многообещающее будущее.

Если кто-то думает, что наша миссия — несение стандартной демократии так называемым «нецивилизованным» народам из Европы в Азию, попутно защищая Европу от варварства, то в этой неблагодарной и неблагородной роли «прокладки» нас легко заменить кем угодно, и это не делает Россию необходимой.

Если кто-то считает, что наша функция — обеспечивать цивилизованные страны нефтью, газом, лесом и прочим сырьем и для этого достаточно несколько миллионов обслуживающего персонала, то я не понимаю, чем такое положение «рабов цивилизации» отличается от того, что хотел Гитлер, и зачем мы его побеждали, если сейчас реализуем его планы?

Миссия России иная, и нам всем предстоит ее создать (а не воспринимать ту, которую навязывают), потом осознать и взять на себя.

Все разговоры, мол, никаких миссий быть не должно, мы существуем потому что существуем и этого достаточно — от недомыслия. Тут как в школьном учебнике по философии: что первично — материя или сознание? Если ты материалист и социал-дарвинист, то видишь смысл истории только в борьбе за существование народов. Вся история для тебя — толкучка локтями: кто оказался сильнее и наглей, кто выжил, тот и прав.

Ты готов ради выживания убить другого? Будь готов, что и другой убьет тебя! Но еслиставишь на витальные инстинкты, ты будешь убит неминуемо, как звери убивают убиваемы человеком, несмотря на острые зубы и когти. Просто потому, что человек ставит на дух и выигрывает. Вот и в борьбе за существование ставка должна делаться на дух. В истории выигрывает тот, кто ведет всех за собой, духовно превосходит всех.

Нам нужен гуманитарный «манхэттенский проект»!

Как получается, что та или иная страна становится центром интеллектуальной моды? Есть традиция, завоеванная веками (как у Франции или Германии), есть перекачка мозгов, (как у США). Очень часто качество мышления не играет роли. Сначала ты работаешь на имя, потом имя работает на тебя.

Бунюэль говорил, что он лично знает десяток испаноязычных писателей, которые лучше Стейнбека (его вкусу можно доверять). Ну и что? Кто их узнает в испанском, уругвайском, аргентинском, мексиканском захолустье? Так и у нас. В России есть минимум десяток мыслителей мирового уровня, но в мировой интеллектуальной элите даже не возникнет мысли

прочитать или процитировать русских, а у издателей — перевести. Да что могут сделать эти нецивилизованные русские, бывшие марксисты и проч.?

Но при определенной раскрутке, то есть создании школы, переводе на языки, издании, распространении мы резко впишемся в мировую гуманитарную тусовку. Интеллектуальная элита просто рот разинет.

В отличие от рынка хай-тека или рынка мяса, рынок философский имеет малую капиталоемкость (три миллиона долларов, тут можно на весь мир раскрутить даже лошадиный круп).

Какова же ситуация в мировой философии? Она чрезвычайно благоприятна. Умерли корифеи постмодерна (Барт, Фуко, Лакан, Делез, Деррида, Рикер, Бодрийар). Наследников не осталось, только эпигоны.

Сейчас на весь мир пишут французские интеллектуалы типа М. Сюрета и Глюксмана. Но Сюреа — просто пижонистый юноша, а если во Франции Глюксман считается интеллектуалом, то мне стыдно за Францию и легко понять, до чего докатилась Франция! По сути кроме Вирильо и Нанси (ну может еще Лаку-Лабара, Бурдьё и Бадью) французам некого предьявить, а эти доживают свой век.

В США на сотый раз «заваривают чай» витгенштейнизма и философии языка. Был там раскрученный философ уровня «ясельной группы» — Рорти, и тот помер.

В Германии еще с войны разброд и шатания, они завязли в кибернетике и социологии. Хабермас — философское лицо Германии, как когда-то создал одну «теорию коммуникативного разума», так с тех пор и отправил мозг на пенсию. В России, по меньшей мере, пяток людей во всех отношениях интересней Хабермаса. Да, есть еще Слотердаjk, но этого мало для страны, которая раньше давала Канта, Шеллинга, Гегеля, Ницше и Хайдеггера.

Даже Славой Жижек или Хомский, наиболее популярные интеллектуалы на планете, — это просто публицисты и эпигоны.

Но главное в другом! Мир ждет новой философской моды! Все ждут нового ИЗМА!

Постмодернизм явно отходит в прошлое, что вместо него? Какой новый «ИЗМ»? Вот это и есть великий шанс России, упустить который — преступление! Если мы захватим этот рынок, раскрутим некий новый «изм», то станем самой модной страной сначала в интеллектуальной элите, а потом и во всех слоях!

Нужно не вздыхать о судьбе России (это никому не интересно), а ставить «общечеловеческие вопросы». Найти слова, которые могут объединить и Бен Ладена, и Буша, и китайского крестьянина, и немецкого банкира, и наркобарона из Колумбии, и русского военного, и банкира с Уолл-стрит, и престарелого негра из Африки.

Кто-то скажет, что это невозможно, но на самом деле еще 20 лет назад (хорош или плох финал — отдельный вопрос) своим «новым мышлением» весь мир покорила Горбачев. Он сказал, что «все мы в одной лодке, мир может быть уничтожен ядерными арсеналами несколько раз и это может случиться в любой момент благодаря случайности». Он предложил отбросить нацеленное друг на друга оружие и сделал это первым. Раз кто-то должен принести жертву, чтобы спасти мир, пусть это будет Россия. Мир оценил это, но ненадолго.

России необходим своего рода новый гуманитарный «манхэттенский проект». Как в свое время в США для создания оружия массового поражения были собраны лучшие физики, так и нам необходимо собрать все лучшие гуманитарные силы.

Реализовать проект не просто, а очень просто:

1. Собирается сотня самых наших головастых ребят, философов. Им выдаются гранты на три месяца по 10—15 тысяч долларов каждому. Это железно позволяет философам с их уровнем доходов жить, не работая, а писать книгу. Сразу предупреждают, что книга пойдет потом на Запад.

Требования к книге:

1) Она должна изумить Запад: «Оказывается, в России не только медведи по улицам бегают!».

2) Она должна задать новую интеллектуальную моду некий пост-постмодернизм, а лучше прото-изм,

3) Она должна быть критична к американизму и показать кризис традиционных моделей демократии и традиционной политической риторики так, что ее невозможно было бы просто так применять. Показать кризис двойных стандартов, симуляцию и импотенцию прежней политологии.

4) Она должна повышать имидж России, то есть иначе, чем они привыкли, объяснять и наши реформы, и нашу политику, и нашу ИСТОРИЮ.

5) Но главное, она должна быть посвящена проблемам Европы и мировым проблемам и предлагать совместный общий выход из кризисных ситуаций. Прежде всего, духовно-культурных апорий, а не политических или экономических.

2. Через три месяца имеем минимум пару десятков книг. Далее осуществляем перевод этих книг на английский, немецкий, французский, испанский, китайский, японский языки. Остальные потом сами переводят. Далее специальный уполномоченный заключает договоры с издательствами, выпускающими самую модную интеллектуальную литературу, на пожизненные права на издание книг. Мы обещаем сами финансировать раскрутку. От них — только издание, низкая цена и тираж не менее 20 тысяч каждой книги. Еще ка-

кие-то деньги будут нужны на пиар по философским кафе, по рецензиям в ведущих интеллектуальных журналах, по поездкам с лекциями в ведущих университетах с обязательными презентациями книг и бесплатной раздачей студентам (иначе нищие студенты не купят, а так мы им мозг обрабатываем бесплатно).

Итог: формирование новой интеллектуальной моды!

Делать это надо срочно, потому что скоро кто-то и так придумает новый «изм», и тогда придется уже реагировать, идти в фарватере, а не быть лидером. Есть и другая причина: американцы, которые привыкли господствовать на всех рынках, пока не лезут в философию, потому что недооценивают ее, они увлеклись раскруткой попсы типа Гарри Поттера. Но есть и тревожные звоночки: раскрутка интеллектуальной попсы вроде Дэна Брауна и Пауло Коэльо. Скоро доберутся и до настоящего хай-хьюма! И тогда вся мировая философия будет американской. Мы вынуждены будем обсуждать проблемы, которые они ставят и так как они ставят. Если вообще захотим попасть в мировую тусовку.

Есть мнение, будто философов мирового уровня у нас нет. Что понимать под мировым уровнем. Я бывал во Франции и видел, как на всех телеканалах выступает Анри Глюксман, который является у них чем-то вроде национального философа. Этот человек публикует статьи в защиту Шамиля Басаева и объясняет всем, что Ходорковский — это современный Сахаров. Что, у нас нет философов такого уровня? Да, кивают, таких найдем, но это, мол, не то... Подождите! Всякое благо — это именно определенное благо, а не совокупность всех благ вместе. Если мы раскрутим на Западе 10 своих «глюксманов» и заткнем рот местным «глюксманам», разве это плохо? Если не породим этим про-

ектом нового Аристотеля, что еще и не факт, то это не повод от проекта отказываться. Я пока предлагаю срочно застолбить за собой сам рынок, а уже потом наращивать качество.

В долгосрочной же перспективе мы должны возвращать настоящую элиту мирового уровня. «Мировой уровень» не означает, что элита должна подтягиваться до лучших мировых образцов и подражать. Это значит, что весь мир должен подтягиваться до нашей элиты и подражать ей.

Мы должны поддержать фундаментальные отрасли. Фундаментальную естественную науку, фундаментальную гуманитарную науку. Мы должны дать возможность религии играть более серьезную роль в обществе. Мы должны дать волю и добиться, чтобы российское искусство зазвучало на мировой арене. Хватит возиться с политикой и экономикой. Побеждает тот, кто побеждает в области абсолютного! И все должно быть подчинено вышеозначенной цели.

Поэтому чрезвычайно вредно выращивать элиту в английских частных школах, в Кембриджах, Йелях и Сорбоннах. Она должна учиться в России и читать не лекции глупых фукуям и хантигтонов, а мировое наследие: Лао Цзы и Гераклита, Аристотеля и Платона, восточных отцов Церкви и западных схоластов, Лейбница и Канта, Гегеля и Ницше, Витгенштейна и Хайдеггера.

Когда молодежь будет воспитываться на первоисточниках и оригиналах, она сама станет первоисточником и оригиналом. Может быть, ей придется учить древние языки и выкапывать еще неиспользованные возможности истории, показывать те развилки и выборы на которых человечество пошло налево, тогда как можно было бы и направо.

На всяком производстве существует конструкторское бюро и производственные цеха. В КБ ставят

эксперименты и двигаются методом проб и ошибок, рискуют, занимаются искусством (от слова искус: искушение, кусание, опробование на зуб, тестирование, то есть область, где происходят эксперименты, где движется авангард). В этой области разрешается на 100 попыток 90 случаев брака, тогда как в производственном цехе, наоборот, брак позволен в 10 случаях из 100.

Производство штампует по готовым матрице и образцу. Наша задача — создавать матрицы и образцы, в противном случае мы будем вечно платить за уже отработанные матрицы и пресс-формы самую дорогую цену и вечно плестись в хвосте у тех, кто матрицы производит.

Мы должны не подражать, а экспериментировать, создавать матрицы в сферах хай-тека и хай-хьюма. В России же отсутствует сам институт, аналогичный КБ, у нас все превращается в сборочно-отверточное производство. У нас бесхозны и находятся на положении бомжей и искусство и философия. Никто не ждет от них решения российских проблем, тогда как это единственная область, из которой эти решения возможны!

ЗА ПЕРЕВОСПИТАНИЕ ОЛИГАРХОВ!

Тяжело расставаться с мифами. Особенно с такими, в которые очень хотелось верить. Например, я несколько лет назад бредил мечтой о так называемой национальной буржуазии, состоящей из мелкого и среднего бизнеса. Национальная буржуазия, грезилось мне, придет на смену интернациональным олигархам.

Действительно, олигархический капитал по своей природе завязан на процессы глобализации. Он вво-

зит и вывозит товары и капиталы, прячется от налогов в оффшорных зонах, бьется за сокращение таможенных пошлин и прочих барьеров, коррумпирует национальные правительства и государства, рушит валюты и рынки, играя на колебаниях и кризисах. Для олигарха нет ничего святого, он безродный космополит, обуреваемый жадной наживы.

Иное дело — мелкий лавочник, чьи несколько киосков стоят на соседних улицах, или владелец маленького «свечного заводика». Ему не нужны оффшоры и борьба с таможенными барьерами. Его интересуют только «понятные правила игры», отсутствие инфляции, порядок в государстве и гарантии прав собственности, законность, предсказуемость инвестиций.

Потому-то мелкий и средний бизнес должен быть опорой сильного и стабильного государства. К тому же мелкий и средний бизнес, как правило, делает себя сам, а значит, его представители обладают прекрасными профессиональными качествами, без которых ни одно серьезное дело долго бы не просуществовало. А вот об аморальных олигархах, получивших свои богатства в результате особых отношений с властью либо махинаций, манипуляций на фондовых рынках, зачастую случайных, и почти всегда безнравственно или незаконно, этого не скажешь.

Понятно теперь, что в этой сказочке добро, а что зло? Заманчивая иллюзия, красивая теория, возможно, применимая в другом месте и в другое время, но не «здесь и сейчас» в России. Это не просто слова, это вывод, основанный на анализе развивающейся обстановки в стране, исследовании поведения (не бытового, разумеется, а общественного и нравственного) мелкого и среднего бизнеса, а также олигархической прослойки в разных ситуациях. Есть исключения, особенно в столице, но мы будем говорить о «правиле».

Лишь единицы из этих «национальных буржуев» похожи на свой идеальный портрет, описанный выше. В основной же массе эти люди совсем другие. Основные их характеристики можно дать в сравнении с теми же олигархами, которые за последние 10 лет серьезно изменились. Под «олигархами» я понимаю людей с состоянием свыше 100 миллионов долларов, потому что невозможно, имея такое состояние, не влиять на власть (что предполагает само понятие олигарха).

Пообщавшись с пресловутой национальной буржуазией, я прямо-таки полюбил олигархов, которых раньше ненавидел. Судите сами.

Во-первых, все олигархи в смысле образования родом из советского прошлого. Многие из них заканчивали престижные вузы, кто-то даже имел ученую степень. Во всяком случае, у них был и остался довольно широкий кругозор, сохранилось уважение к образованию как к таковому, вкус к определенным ценностям. Недаром сейчас они строят храмы, раздают премии студентам, содержат музеи и оперные театры. Деньги в сознании нынешнего олигарха занимают правильное место, то есть не самое главное.

Мелкий и средний бизнесмен (далее просто «бизнесмен») в массе своей родом из начала 1990-х. Он разделяет только материальные ценности, всю жизнь думал только о деньгах, зачастую необразован и дремуч. Его вкусы — вкусы типичного «братка», а законы он часто путает с «понятиями». И если этот «национальный буржуа» не имеет вилл на Лазурном берегу и футбольных клубов в Англии, то вовсе не потому, что он такой патриот, а потому, что еще не дорос. Но он искренне, истово об этом мечтает.

Во-вторых, олигархи со своим довольно легким отношением к деньгам обогатили множество людей. Принцип известен: легко пришло — легко ушло.

Многие из них, получив огромные куски национального богатства, так и не поверили, что это надолго, а поэтому весело тратили, платя гигантские зарплаты и гонорары всевозможным менеджерам, консультантам, подрядчикам и субподрядчикам, прощали долги, заключали убыточные контракты, в конце концов, просто дарили.

Мелкий бизнесмен, наоборот, жаден до неприличия. У меня в архиве десятков историй, как хозяин и управляющий вместе начинали бизнес, управляющий выполнял всю черную работу, хозяин становился миллионером, а управляющий в итоге должен был довольствоваться скромной зарплатой и изгонялся при попытке попросить прибавку или квартиру.

Может, все богатство олигархов и досталось им случайно и незаслуженно, но про богатство национальной буржуазии можно сказать одно: все оно построено на крови и поте простых людей, на безжалостной и нечеловеческой эксплуатации. Весь средний и мелкий бизнес состоит из настоящих упырей! Спуститесь с небес, господа, и пойдите на тот самый «маленький свечной заводик», и вы увидите нечеловеческие условия работы, отсутствие каких-либо профсоюзов, нарушение всех норм трудового законодательства. Пойдите в офис к бизнесмену, и вы увидите, как там пашут по 15 часов в сутки, как облагаются бесконечными штрафами, как отработывают годами взятые у руководства кредиты, находясь в кабале.

Существуют десятки распространенных схем, связанных с минимизацией издержек на оплату труда. Например, пресловутые испытательные сроки, во время которых платится минимальная зарплата, потом работники увольняются и нанимаются новые. И это еще хорошо. Иногда возникает какой-нибудь долг, который нужно отработать. А то придется пообщаться

со «специальными людьми». Мир ларьков в среднем российском провинциальном городе, мир средней посреднической фирмы либо полуподпольного цеха еще ждет своего бытописателя! Тут такие «Униженные и оскорбленные»! Тут такое «На дне»!

Нынешние олигархи сентиментальны и романтичны. Они читают умные книжки философов типа Ильина или Бердяева, зачастую кидаются в православие, проливают слезу по поводу России-матушки и народа-богоносца. Иное дело бизнес, который каждый день своими делами доказывает своим рабочим и служащим, что те воры, лентяи и быдло.

На мелких заводиках службе охраны, этой современной реинкарнации зондер-команд, даны огромные права, потому что работник (так считает работодатель) — вор по самой своей природе, его в любой момент могут обыскать, а если что-то нашли — избить.

Поскольку все русские считаются пьяницами, уволить тоже могут в любой момент без соблюдения норм Трудового кодекса, даже если вчера рабочий похоронил близкого человека. Всевозможным менеджерам и надсмотрщикам даны самые жесткие инструкции о том, как выжимать максимум из «лентяев».

Когда этот «национально-ориентированный бизнесмен» приходит на свой заводик, он держится как польский пан, надменно и жестоко. Он казнит и милует. Он «хозяин», а все вокруг него — рабы. Атмосфера чинопочитания на мелких заводиках развита как в средневековой Турции. Я однажды наблюдал, как хозяин овощной базы уволил сотрудника в пять секунд просто за то, что тот долго не мог попасть ключом в дырку замка и продержал барина на пороге дольше обычного. А почему тот в скважину не мог попасть? Руки тряслись, ведь сам хозяин приехал...

У меня намечался с этим «представителем среднего бизнеса» крупный контракт, но после увиденного мне стало так мерзко, что я понял: никогда не смогу подать руки этому «человеку». И таких историй тьма-тьмущая! Это к вопросу о патриотизме и любви к родной земле и своему народу.

И еще интересное наблюдение. Многим нынешним олигархам свойственно чувство вины. Большинство из них осознало всю «неправоту» 1990-х и свою неприглядную роль в развале великой державы. Нынешние благотворительность и меценатство — не просто пиар, а сознательная попытка хоть как-то искупить свою вину перед народом и страной.

Наоборот, бизнесмены никакой вины за собой не чувствуют. Они ненавидят олигархов за то, что им «все упало с неба», и любят себя за то, что «всего добились сами». Дескать, олигархи пострадали справедливо, потому что в 90-е годы развлекались в куршавелях и давосах, в то время как они здесь с утра до ночи налаживали бизнес, выстраивали «систему менеджмента» и т.п. Поэтому они считают, что теперь страна принадлежит им по праву, они заслужили ее. Бизнесмены хотят прийти на смену олигархам, чтобы точно так же ездить на Сардинию и в Лондон. Но уже «с чистой совестью».

Это олигархическое «чувство вины» — вещь базовая. Это «жало в плоть», мотор, незаживающая рана, благодаря которой происходят какие-то движения в душе. А значит, есть надежда на воспитание, на изменение.

Олигархи сейчас изменились именно поэтому, будут меняться и впредь. Иное дело самодостаточные, самоуверенные и тупые, самоотжественные, не поддающиеся воспитанию, коррекциям и изменениям «деловые люди» среднего пошиба. Они так и останут-

ся средней, серой, бездарной, всегда во всем правой неяркой массой, не способной ни к чему интересному, ни к чему великому.

Никогда заработанные капиталы не станут служить идее или какой-то миссии, потому что никакая идея или миссия не вмещаются в их узколобый горизонт. С таким «средним классом» можно построить только среднюю страну. Нормальненькую такую демократию, неотличимую от сотен других таких же демократий. Но никак не великую «энергетическую сверхдержаву» и не «суверенную демократию»!

Великие империи создаются классами и элитами, которые обладают чувством истории, мыслят эпохами, замахиваются на столетия... Для «средних» и «мелких» — это пустые и даже опасные слова, уж очень они отдают «авантюризмом» и «идеализмом». А что может быть страшнее для прагматичных навозных жуков?

Идеал «малого бизнеса», «среднего класса» и «национальной буржуазии», к сожалению или к счастью, не бьется с идеалами «энергетической сверхдержавы 2» и «суверенной демократии». И скоро придется отказываться либо от того, либо от другого.

Великие дела делаются только великими. Зачем нам пресловутый «средний класс», который усиленно пытаются создать некие политологи и часть властной элиты? Это все равно как если бы школа или вуз поставили себе задачу учить троечников... «Средний класс» сам собой возникнет, ума много не надо. Нам нужно воспитать, не средний, а «великий класс»! Великая страна наша и оказалась разрушена, когда постепенно мы стали отказываться от великих проектов и все больше начали увязать в маленьких проектах, а потом бросились с разбега в перестройку. Мы кинулись в дикий потогонный капитализм столетней давности, и нашенький «средний класс» — его продукт.

Ждать сотню лет, пока новая средняя национальная буржуазия разбогатеет, потом обожрется и даст волю своим загнанным в глубь порокам, потом ужаснется своим делам, испытает чувство вины и только потом задумается, как ее загладить и что хорошего сделать для страны? Ждать, пока она пройдет весь цикл, и долго, и бессмысленно.

У нас уже сейчас есть те, кто готов к великим проектам и великим делам, есть те, в ком все сильнее звучит зов совести и кто слышит призывание истории. Если мы действительно хотим великого будущего и великой страны, надо делать ставку на перевоспитание олигархов! Это перевоспитание идет полным ходом. Но ведь есть еще десятки тех среди них, кто запутался и буксует на месте, не может поднять голову и все еще с упорством, достойным лучшего применения, покупает себе двадцать пятый джип, десятую яхту или тридцатый золотой унитаз.

До них надо достучаться, им надо предлагать проекты по переустройству не больше не меньше, чем всего мира! Им надо предлагать единственную игру, которая их достойна, — игру в планетарном и историческом масштабе!

Кто сказал, что нельзя открыть новый путь из Европы в Индию через Россию? Кто сказал, что нельзя разделить Китай на четыре части? Кто сказал, что нельзя сделать «оранжевую революцию» или «перестройку» в Америке? Ладно, Америка, но всю Прибалтику можно 10 раз перевернуть за 50 миллионов долларов. А Молдавию с Грузией — так и за десяток миллионов. Можно основывать новые государства, вводить новые валюты...

Если политика неинтересна, можно снимать мировые блокбастеры и раскручивать мировые бестселлеры! Можно создавать и продвигать новые стили в

музыке, стили, а не отдельные группы! Можно основывать новые религии или хотя бы новые мировоззрения, «образы жизни». Все это уже сейчас делают люди, у которых денег и ресурсов зачастую меньше, чем у первой сотни наших олигархов. Бен Ладен не так богат, но он мировой игрок, который играет на равных с самыми великими, за его спиной уже добрая половина всего мусульманского мира.

Если кому-то претит повторение пути Бен Ладена, есть Сорос с его фондами, открытыми в мелких странах, переформатирующими мозг элитам этих стран. Есть Ральф Нейдер, который сначала перетряс всю Америку во имя борьбы за права потребителей, а теперь стал одним из лидеров антиглобалистского движения. Чем больше эти ребята тратят, тем больше зарабатывают (оговорка на случай, если кто-то боится потерять деньги и статус олигарха, увлекшись политикой). Все трое представляют разные спектры: «левак» — Нейдер, либерал — Сорос, консерватор — Бен Ладен.

Есть вещи, которым даже названия не придумали, потому что никто ничего подобного никогда не делал. Такой целью — быть первым в истории — нельзя соблазнить бизнес, который тупо плетется в мейнстриме (Вася открыл салон сотовой связи, я тоже открою; Петя поставил игровые автоматы, я тоже поставлю). Никакого хай-тека и хай-хьюма. Вечная догоняющая модель. Тупое стадо всегда будет следовать за главным козлом, а он, в свою очередь, будет бодаться в границах, отведенных пастухом. Какие уж тут суверенитет и мировое лидерство?!

Вместо того чтобы читать «Коммерсант» и развлекаться байками о тупости нашей власти, купите себе глобус, почитайте работы мировых философов, геополитиков, футурологов, и все мировоззрение наших политиков и политологов, равно как и коллег-бизнес-

менов, покажется вам таким же глубоким, как лягушатник.

Кто-нибудь может внятно объяснить, зачем человеку, имеющему завод стоимостью 200 миллионов, покупать еще один завод еще за 100 миллионов? Чтобы стать богаче? Но самым богатым он все равно не станет. Чтобы стать самым богатым, нужно, как Билл Гейтс, начинать с инвестиций в 2000 долларов в еще не созданную новую отрасль и потом расти вместе с ней.

В три горла есть не будешь, и в 10 «мерседесов» одновременно не сядешь. Тот, у кого есть 100 миллионов, не богаче того, у кого их 50. так зачем этот выпендрож? Чтобы казаться «круче», сильнее, известнее? Ерунда! Ведь экономика не создает знаменитостей. В средневековье были, наверное, те, кому принадлежали все рынки и корабли, а в Древней Греции и Риме были те, кто держал все порты и караванные пути. Где они? Кто помнит их имена?

Другая мотивация — передать накопленное детям и внукам. Но богатство, которое есть с детства, только развращает: оно если и не сделает несчастным, то уж точно не сделает счастливым. Недаром тот же Гейтс уже заявил, что оставит наследникам лишь 0,1 % своего многомиллиардного состояния. Чтобы мозги не атрофировались.

Именно так или примерно так мыслят сегодняшние олигархи, уставшие от бесконечного топтания на месте, от бизнеса, который состоит из постоянных переговоров по поводу: продали на 100, купили на 10, заплатили еще 50, купили на 30, построили на 20, продали на 5...

Это может вызывать азарт первые несколько лет. Потом пресловутый вопрос о смысле жизни (особенно если для жизни есть угроза, если подорвал здоровье, если подобрался «кризис среднего возраста») на-

чинает «доставать» все сильнее. И отдых на горных лыжах, и попытки убежать от старости по самодвижущейся дорожке в фитнес-центре, и стволовые клетки из абортивного материала не решат, а только усугубят проблему.

Посмотрите на роскошные склепы и надгробия на старых кладбищах. Сколько там тайных и статских советников, купцов первой гильдии! Все это были весьма влиятельные люди в свое время. Но ни о чем не говорят нам их имена, и ничего от них не осталось, кроме богатого склепа, который просто кричит о его глупом тщеславии и явном несоответствии всех украшений истинным заслугам покойного. А ведь прошло 100 лет.

Представьте: в 2125 году мимо роскошных могил вексельбергов и грефов, прохоровых и фридманов, абрамовичей и зюзиных будут ходить зеваки, и ни один не вспомнит, что это за люди, почему у них такие склепы и как их угораздило быть похороненными на столь престижных кладбищах. И не спасут от забвения благотворительные акции и спонсирование Эрмитажа, помощь зоопарку и ежегодные рождественские премии лучшим студентам вузов.

Чем отличается сантехник Петров, который после работы берет литр пива и смотрит футбол, от «олигарха», который так же весь день занимался «терками» и «стрелками», и так же берет пиво, пусть даже со своего пивзавода, и так же смотрит футбол — пусть и в исполнении принадлежащего ему клуба. Такой олигарх по своим вкусам и мировоззрению и, главное, по образу жизни, — сантехник. Так ли велика разница между выезжающими раз в месяц компаниями обычных людей за город на шашлык и тусующимися семьями олигархов в Куршавеле? Отличие количественное, но не качественное.

Но у олигархов есть возможности, которых лишены обычные люди и пресловутый некрупный бизнес. Так почему они эти возможности не используют? Олигархов не так уж много, их можно брать на контроль поименно и воздействовать на сознание. Не заставлять, что очень важно, а мягко воспитывать, менять мировоззрение. Это под силу небольшой структуре. Здесь не нужны громоздкие топорные инструменты типа ОРТ и ГТРК, издания вроде «Коммерсанта» или «Эксперта», заточенные под десятки тысяч или даже миллионы зрителей, слушателей, читателей.

Мир олигархов очень закрыт, есть службы безопасности, защищающие от воздействия извне, в том числе и со стороны спецслужб. Задача глубокого проникновения не из легких, но это не значит, что она не должна ставиться и решаться. Пара сотен олигархов — это тоже целевая аудитория, причем такая аудитория, от которой зависят чуть ли не 90 % жителей страны.

Сегодня все отдано на откуп личному общению представителей высшей власти с ними, индивидуальной и внутренней коммуникации, а также элитарным СМИ. Это никуда не годные инструменты. Потому что слишком грубые, неэксклюзивные и главное, злободневные. Они не работают с мировоззрением, разве что опосредованно и в долгосрочной перспективе.

Какую-то роль в этом вопросе играет и будет играть Церковь, но это не всем подходит. У нас нет структур типа американского «Совета по внешней политике» или масонских лож, как в Италии и Франции, клубов, как в Англии. Во всех вышеназванных обсуждаются не вопросы бизнеса и актуальной политики, а вопросы стратегии, мировоззрения, ценностей. Именно здесь, а не на пьянках с ксюшами собчак, рождаются проекты, меняющие ход мировой истории.

В США уже почти 100 лет функционирует «Совет по внешней политике». Создан и назван так именно потому, что нужно было заставить элиту США перестать думать о своем вонючем бизнесе, а перейти к мышлению о мировом лидерстве! Это школа, академия власти, через которую прошла вся элита США. Когда де Голль начал восстановление послевоенной Франции, он создал вертикаль власти, но укомплектовал власть выпускниками созданной им же Национальной школы администрации. Это не аналог Академии государственной службы в России или Высшей партийной школы в СССР.

Если уж искать аналоги (а подобные учреждения есть в Италии, Англии, Германии, Японии и проч.), то скорее можно сказать о масонской ложе или клубе. Что здесь есть?

- Свои ритуалы, иногда экзотические.
- Своя социальная иерархия, не совпадающая с «официальной».
- Неформальное общение.
- Высшая степень элитарности, недостижимости, невозможность «купить» диплом или попасть «по блату».

Никого не надо обязывать посещать занятия, семинары и лекции в этом закрытом клубе. Все сами стремятся туда попасть и мечтают об этом. Достаточно пару раз появиться там президенту. Заседания могут проходить один-два раза в месяц, после обязательного ритуала заслушивается лекция эксперта, идет обсуждение, потом неформальное общение. Постепенно все начнут говорить на одном языке, понимать суть государственной политики, станут командой единомышленников.

Скорее всего, клуб — это слишком грубо, и для работы с самими богатыми нужно создать сетевую структуру, узлы которой автономны и, возможно, даже не прозрачны друг для друга.

После «равноудаления олигархов», произведенного президентом Путиным, многие из них потеряли «смысл жизни». Ведь став кое-кем в бизнесе, многие закономерно пошли в политику, для них это был следующий, более высокий этап. Потом их вытолкали оттуда взащей, мол, негоже со свиным рылом в калашный ряд, и низвели на роль неизвестных спонсоров чужих проектов, к тому же малоинтересных.

А ведь у людей были амбиции, и они остались. А неудовлетворенные амбиции оборачиваются злобой, которая в какой-то момент перевесит страх, и олигарх окажется спонсором какого-нибудь хулиганства типа «оранжевой революции» или путча. Даже если сам побойтся быть инициатором, он не будет лоялен и гарантированно предаст в трудной ситуации, воткнет нож в спину, на него нельзя рассчитывать в трудную минуту, которая в нашем бурном мире может наступить в любой момент.

Зачем это власти? Как часто выпускают пар у протестного электората, пар надо выпускать и из перегретых мозгов олигархов. Это даже важнее. А взамен выпущенного пара вкладывать правильные ценности и цели, возбуждать энергию и направлять ее в разумное русло, давать взамен цели намного выше тех, которые они пытались достигнуть. Вы мечтали порулить Кремлем и схватить пару месторождений? Дураки, мы вам предлагаем мировое господство!

РЕ-АКЦИЯ И ИСТОРИЧЕСКОЕ ТВОРЧЕСТВО

О.П. Приветствую всех и благодарю за приглашение на семинар. Семинар предполагает живую дискуссию, но как «приглашенная звезда» я должен для затравочки сказать какой-то текст.

Вот несколько тезисов:

1. Россия ни от кого не отстала в историческом развитии, наоборот, все остальные отстали от нее. То, с чем столкнулся СССР, ждет и США, и Европу, и Китай, и всех остальных. По сути сейчас там у них социализм. Но конец будет таким же печальным для всех, как был печален конец нашего социализма.

2. Все партии в России, я имею в виду не политические, а идеологические сгустки, представляют собой ре-акцию, то есть попытку отползти обратно от той исторической стены, об которую СССР со всего размаху шмякнулся.

3. Самая простая ре-акция — это отползание ненадолго, лет на 30 назад, в наше прошлое, в «эпоху застоя». Это не только коммунисты предлагают, это и власть зачастую симулирует. Всякий раз, когда слышу, мол, что-то там «было мудро и правильно и зря мы от этого бездумно отказались», я понимаю: это и есть отползание.

4. Есть ре-акция, такая же не очень далеко отползающая, но не в наше собственное прошлое, а в настоящее других стран: «Давайте сделаем как в Швеции, в Китае и, конечно, в Европе и США». Но поскольку конец им все равно один, то подобный способ — просто прийти к тому же и опять о стену шмякнуться. При этом в собственное прошлое вернуться легче, так как есть в памяти привычные формы бытия, клише, люди не нуждаются в особом переучивании. А вот чужое бытие симулировать — тяжелее для всех, ломать себя приходится. А ради чего? Ради того же конца.

5. Есть предлагающие вернуться чуть дальше, во времена Сталина. Это другая эпоха, подражать ей тяжело. Не забывайте, то была страна с 80 % крестьянского населения, для которого привычно каждый день совершать подвиг.

6. Для других, кто откатывается еще дальше, переломным является 1917 год, а точнее, отход от старых добрых консервативных принципов а ля Александр III или Николай I. Они хотели бы реставрировать монархию романовского типа.

7. Не знаю, как далеко назад в историю надо отнести либералов. В 1917 год, аккурат во время Февральской революции, или же в эпоху Просвещения. Дело в том, что эти несчастные, со своими «демократическими выборами» и «правами человека» пытаются симулировать эпоху, гораздо более далекую от нас, чем даже монархическая или сталинская. Вспомните: действительно было время, когда люди шли в Сибирь за свободу и конституцию, когда шли на смерть за всеобщее избирательное право. Сейчас не только в России, но и на Западе никто никуда не ходит, и голосовать людей заставляют. Никто не верит в выборы, нет наивных, не знающих, что такое манипуляции элит общественным мнением. Мир сильно изменился за столетия.

8. Менее многочисленные группы идеалом считают наше или чужое средневековье. Чаще наше, а именно Святую Русь, например, времен Ивана Великого.

9. Есть экзотические группы традиционалистов, считающие что с верного пути история сошла, когда Каролинги убили Меровингов, а поскольку их династия продолжилась в Рюриковичах либо в тайных обществах, нужно восстановить то, что было при Меровингах или Рюриковичах.

10. Есть сторонники «естественного состояния», своего рода хиппи или староверы, живущие отшельниками, вне государства, вне истории, в каком-то до-историческом времени. Сюда же могут относиться и всякие нео-эскаписты, интернет-трейболисты с их социальными сетями, а также мечтающие о восста-

новлении племенного строя (например, некоторые чеченские теоретики типа Нухаева).

11. Для всех есть «золотое место» или «золотое время», есть точка-развилка, откуда история пошла неправильно. Вот туда-то и надо вернуться и «реставрировать будущее».

12. Можно выделить еще отдельно хайдеггерианскую позицию, крайне «реакционную», но, как всякая крайность, переходящую в свою противоположность — модернизм: человечеству вообще надо начать новую историю; в какую бы точку прежней истории мы ни возвращались, все кончится тем же. Надо доверять тем, кто жил в истории, раз они делали тот или иной выбор, значит, им на месте было виднее. Доверие судьбе и бытию должно быть. Новую историю не вычислишь из старой, поэтому нужно совершить прыжок. Поскольку прыжок происходит в области Бытия и Мышления, а также требует какого-то исторического времени, то политикам, экономистам и вообще большинству людей вряд ли что-то сейчас перепадет. Поэтому сейчас об этом не будем.

13. В известном смысле все ре-акционеры правы: чем дальше в историческое прошлое мы заберемся, тем дольше будем двигаться к неизбежному концу. В этом смысле, конечно, лучше сразу симулировать Святую Русь, хотя это труднее, чем подражать эпохе Брежнева или даже Сталина. Зато и запас времени больше, труд не напрасно пропадет.

14. Альтернативный всем видам ре-акции вариант — историческое творчество. Попытка строить именно будущее, а не один из видов прошлого или настоящего. А это значит строить нечто НЕБЫВАЛОЕ. Вместо скучной ре-акции надо заняться историческим творчеством.

15. Конечно, творчество — это безответственно и рискованно, это отсутствие гарантий успеха, но в про-

тивном-то случае мы получаем гарантировано только то, что уже имели. И не более того. В конце концов, семи смертям не бывать, а одной все равно не миновать.

16. Как все это представить на практике? А так: должен быть некий один проект, в который вовлекается вся страна. Все бросают все и делают только ЭТО. Все подчинено одной цели. Какой — не знаю, но это не важно. Что бы там ни было, труд 150 миллионов человек и инвестирование в полтриллиона долларов способны «раскрутить» любую идею. Даже если изначальная цель не будет достигнута, издержки пути, то есть попутно осуществленные проекты, дадут огромное количество инновацией во всех областях, которым можно будет найти иное, «гражданское», применение.

17. Например (это идея предпринимателя из Костромы), мы вкладываем все деньги, все силы в одну цель: придумывание средства для продления жизни или даже бессмертия. Или даже для оживления мертвых. А что? Есть же русский философ Федоров, который целую «Философию общего дела» создал по этому поводу.

Все в мире хотят дольше пожить, молодость продлить. Вот мы в России и изобретем «таблетку бессмертия». Бросим на это ресурсы всей страны. А на такие инвестиции можно сколько угодно научных разработок найти и производств организовать. Оторвемся от всех в мире в этой области. И, как монополисты, как эксклюзивные владельцы патента, производства и сети продаж этой таблетки, этой технологии будем всему миру потом эту таблетку продавать за страшные деньги. Все инвестиции окупятся.

Смотрите, как благородно все выглядит. Американцы атомную бомбу изобрели — вот империя зла. А русские — наоборот, средство для вечной жизни. Чем не национальная идея?

Многие ученые говорят, что вообще-то смерти нет. То есть как бы реально можно не только затормозить старение, но и смерть убрать и даже клонировать и оживлять мертвых, если есть генный материал. То есть теоретически это возможно. Да и Христос же как-то ведь воскрес. Лично я верю. Разве не стоит такая идея, чтобы жить, бороться и трудиться?

Что характерно, философ Николай Федоров один раз уже нас не подвел. Именно начитавшись его, Циолковский стал бредить покорением космоса, именно начитавшись Циолковского, Королев конструировал ракеты. Когда американцы захватили в плен Вернера фон Брауна, немецкого ракетного конструктора, они не знали, где его применить, считали, что космос — экономически невыгодная идея, и только после нашего первого искусственного спутника Земли все силы бросили, чтобы догнать нас.

Сначала был большой пиар-эффект. Когда Гагарин покорил космос, вся планета аплодировала нам. Позже мы так оторвались в сфере космоса, что могли бы полностью монополизировать и стратосферу, и сверхдальние перевозки, и все мировые телекоммуникации, и новые материалы... Но случилась перестройка, и проект космоса свернули именно тогда, когда он мог бы давать триллионную отдачу.

Так что идея Федорова с бессмертием может быть еще круче. Возражения насчет того, то она противоречит вере и христианству, надо отместить. Даже Достоевский в письме Петерсону отмечал: «Прочел идеи Федорова как за свои». Есть также книга Горского и Сетницкого «Смертобожничество», где масса богословских аргументов за эту идею. Что еще очень важно: данная идея совершенно интернациональна, наднациональна, может вдохновить не только нас, но и

любого латиноса, негра и индийца. Это всемирно-историческая, а не национальная идея.

18. Важно еще, чтобы дело делалось не по одной гипотезе, а с разных сторон. Кто-то пытается мысленным усилием создать что-то, кто-то молитвой, кто-то опыты в лабораториях ставит. Ни одна идея, даже самая сумасшедшая гипотеза не должна пропасть, все нужно опробовать и пускать в ход. Неизвестно, где всплывет удача. Может, психологи помогут, может химии, а может, филологи изобретут волшебное слово или монахи вымолят.

19. Есть теория, согласно которой Земля внутри наполнена водородом. И зоны силицидов в некоторых местах выходят близко к поверхности. Ученый В. Ларин утверждает, что возле Байкала есть такая зона. Сейчас уже изобретены водородные двигатели (самые эффективные и экологичные), но есть проблема, где брать водород. Электролиз воды потребляет больше, чем дает.

Ларин предлагает добывать водород из Земли. Просто сверлить скважины, и реакция с водой будет давать тепло (не хуже, чем уголь) плюс водород. А если добывать сами силициды, можно делать сплавы из магния, то есть сделать мировую авиацию в несколько раз легче и экологичнее.

Короче, изменятся цены на углеводороды, на металлы, на все. Планета приобретет иной облик. Но только представьте, что всем этим будет рулить Россия! Новой геологией, новой авиацией, новым машиностроением! Все патенты и технологии будут у нас. Сейчас требуется менее 100 миллионов долларов на инвестиции в эту тему. Только Абрамович миллиард долларов потратил на «Челси»! Да будь он проклят во веки веков!!! А В. Ларин пребывает в безвестности, и о нем вспомнят только когда американцы откроют то

же самое, лет 10 через, инвестируют, захватят мировое лидерство, а наши уроды спохватятся, начнут подражать, но поздно...

Если даже не получится, это все равно интересней, чем просто прозябать и заниматься и тем, и этим, и пятым, и десятым, пытаться делать все и делать плохо, ни в чем не быть первым и лучшим. Если эта идея не нравится, можно десяток других предложить, это принципиально. Важен сам проектный подход.

20. Почему не удавались и не удаются попытки создать новую российскую идеологию? Потому что нам предлагают концепции двух сортов: одни пытаются вычислить российскую идею из прошлого и делают проекцию прошлого на будущее, другие пытаются вычислить российскую идею из настоящего, из международной обстановки, внутренних и внешних вызовов.

Но прошлое и настоящее разделяют всех нас. Интерпретации прошлого таковы, что мы никогда не сойдемся. А в настоящем нас так же будут разделять интересы и идентификации. Только будущее может объединять, и национальная идея должна времениться из будущего.

Единственное определение будущего в том и только в том, что оно есть НЕ-продолжение настоящего и прошлого. Будущее, наоборот, вырывает нас из прошлого и настоящего, и через это мы его способны иметь. То, что просто длится, самокопируя себя каждый миг, то не имеет будущего. Реально оно не имеет даже и прошлого с настоящим. Человек не должен быть таков, не должен уподобляться, например, камню, который возвращается один и тот же каждый миг и так длится, то есть длит себя.

21. Напоследок о такой «мелочи» как пропаганда. Кто-то скажет: «Ладно, допустим, можно убедить десять сидящих здесь человек заняться строительством

какой-нибудь вавилонской башни, но народ просто хочет хорошо, сытно, богато и спокойно жить, и убедить его создавать таблетку бессмертия нельзя». На это я скажу как человек, который 15 лет занимается массовым сознанием. Дайте мне миллиард. у. е., и через пару лет вы не узнаете страну. Это вопрос технический, это такие приятные хлопоты... Народ не надо недооценивать, народ ждет чего-то подобного, большого дела, а не мелких делишек.

Впрочем, может быть я не прав, и все это тоже вид реакции, калька с «проектного подхода» прошлых времен, с бизнес-стратегий транснациональных корпораций. Может быть, не нужно никакого дела, наоборот, пришла эпоха малых дел, и героем нашего времени является кто-то типа Амели из фильма «Амели»? Может взять и всем вместе, только вместе (!!!), отказаться от всех своих больших дел, а заняться самым трудным — любовью к ближнему. Только не как декларацию это поймите, а как смысл жизни. Тоже небывалый проект своего рода.

ВОПРОСЫ

Первый участник семинара. *Я не знаю, как воспринимать услышанное, то ли как шутку, то ли, простите, как глупость...*

О.М. Только тот, кто говорит глупости, может говорить и истину. Тот, кто никогда не говорит глупости, на истину не способен.

Второй участник семинара. *Еще Лао Цзы говорил, что истинные слова выглядят как своя собственная противоположность.*

О.М. Все его слова были именно такими....

Первый участник семинара. *Критерий истины — практика. Я не вижу тут ничего практического.*

О.М. Если у вас в кармане было три яблока, а потом вы одно съели, а потом сунули руку в карман и яблоко

не обнаружили, значит ли это, что $3-1=0$??? Значит ли это, что прежняя истина ($3-1=2$) не выдержала испытания практикой? Ведь вы лично убедились, что $3-1=0$. Или вы все-таки сделаете вывод, что два яблока вы потеряли или у вас их украли? То есть скорее сочтете, что с практикой что-то не так? Я это к тому, что не надо повторять глупых формул насчет практики, критерия, истины... Тем более, что я вообще не об этой истине говорил.

Первый участник семинара. *Все это демагогия...*

О.М. Демагогия по-гречески дословно «народовождение», а в переносном смысле слова греки называли так тех, кто заискивает перед народом — популистов. Вот если бы я сейчас пытался вам угодить, говоря приятное для вас, чтобы влезть к вам в доверие, а потом манипулировать вами, я был бы демагогом. Я скорее антидемагог. Антипопулист.

Первый участник семинара. *Демагогия — пустая болтовня, которая не ведет ни к чему. Трата времени. Что мы здесь сейчас будем обсуждать? Тут нечего обсуждать.*

О.М. Иногда под непрактичностью понимают не те вещи, которые нельзя сделать, а те, которые неспособны сделать. То есть не объективно невозможные вещи, а субъективно неспособные люди. Что для Наполеона план действий, для торговца колбасой — химера.

Первый участник семинара. *Я пришел сюда, чтобы понять, что реально можно сделать в стране, чтобы жить лучше. Сейчас считаю, что я теряю время, слушая этот бред.*

О.М. Не уверен, что «жить лучше» — цель человека, страны, человечества. Представьте надгробный памятник, на котором написано: «Он все время жил все лучше и лучше». Все умрут: каждый в отдельности, и каждая страна, но что будет написано на памятнике?

Впрочем, если вы сторонник идеи борьбы со смертью, то да, тогда насчет памятника думать не надо... Вы что, серьезно хотите, чтобы я сказал, что нужно сделать, чтобы народ стал жить лучше, прямо завтра? Я могу сказать.

Первый участник семинара. *Только без фантастики.*

О.М. Во-первых, я уже озвучил идею с «таблеткой бессмертия». Жаль, вы не услышали, это очень гуманный вариант. Но если хотите жить лучше прямо завтра, могу предложить вариант более людоедский, но эффективный. Пожалуйста.

Завтра бросаем десяток атомных бомб на Саудовскую Аравию, Эмираты и нефтеносные районы Персидского залива. Так, чтобы там был один сплошной Чернобыль, и нефть нельзя было добывать лет 50. Одновременно обращаемся к США, можно даже перед самым пуском ракет, чтобы пока там бомбы рвутся, они обсуждали ситуацию и говорим, чтобы они не делали резких движений против нас, так как мы по ним никаких ударов не наносим. Сами оккупируем быстро Каспий, Азербайджан и Казахстан. А Европе, Китаю, Японии и другим странам заявляем, что нефть и газ нынче стоят по 5000 долларов за тонну. И что тот, кто будет нас осуждать, вообще ничего не получит.

Так затыкается рот всяким «правозащитникам и гуманистам», причем рот им заткнут их собственные правительства, не желая с нами ссориться. А мы станем эксклюзивным поставщиком этих энергоресурсов на мировой рынок. В очередь, сукины дети, в очередь!

США будут себя спасать. При их уровне жизни они будут вынуждены на себя тратить и никому не продавать. А мы будем продавать, но дорого. Конечно, из-за кризиса потребности сократятся, но в принципе можно всем все разъяснить. Нужно, чтобы мир привык к

новой реальности. Часть резко обедневшего населения Европы можем принять к себе, пусть едут в Сибирь и осваивают новые месторождения, там такой шельф... Но с условием, что все быстро выучат русский язык и общаются только по-русски. Иные языки запрещены: кто заговорил на другом языке, высылка обратно.

Через два поколения в общерусской среде и русских СМИ все русифицируются. И вырастет у нас население до 400 миллионов человек к концу века. Больше нам не переварить. Прибалтов всяких вообще принимать не будем, арабов тоже, так как они нелояльны будут из-за обиды на то, что сделано с Меккой...

Конечно, за один день все это нельзя делать. Надо заранее подготовить подробные инструкции и приказы, которые обнародуются вместе с пуском ракет. Каждый солдат должен будет знать свой маневр. Кто-то резко закрывает границы, кто-то еще что-то делает. Всем должен руководить новый ГКЧП. Надо будет мобилизовывать большие массы народа на прием эмигрантов, сопровождение их, надзор, на охрану нефте- и газопроводов. Вся страна — армия, страна господ будет... Ну, вы понимаете, какие огромные возможности открываются. И главное, все очень быстро, мы вернем себе статус сверхдержавы. Энергетической.

Вообще в мире интересней будет. Начнут искать энергосберегающие технологии. Особенно США. Арабы-мутанты ринутся из своего Чернобыля в Европу. Она не будет их пускать, они к нам — мы тоже не пускаем, и придется им Африку оккупировать. Европа проснется и мобилизуется. Перестанет парады геев проводить, а начнет выживать. Это я бы сравнил с пробуждением мира от сна. Новый этап истории. А кому спасибо? Нам спасибо!

Все участники семинара. Ха-ха-ха.

О.М. Напрасно смеетесь. Возможно, Россию доведут до такого положения, что этот вариант окажется единственным выходом. Я бы этот сценарий положил в запасник. Но в более гуманном варианте — чтобы никого не убивать, просто вирусов и бактерий напустить в нефтяные скважины диверсионным способом, пусть съедят всю нефть. С другой стороны, может, лучше погибнуть, чем уничтожить других.

Третий участник семинара. *Вы противопоставляете консерватизм и творчество. Значит ли это, что вы отрицательно относитесь к консерватизму?*

О.М. Мне не нравится слово «консерватизм». Язык — не такая безобидная вещь, как кажется. Когда в эпоху Просвещения на основе определения сущности человека как свободы, сложилась новая концепция истории, тогда либерализм изначально получил в этой концепции привилегированное место. Либерал тот, кто всегда и во всем исходит из сущности человека, понятой как свобода. Свобода же понимается как самодетерминируемость, самодостаточность, самообеспеченность. Свобода, свободная сущность требуют освобождения от традиционных оков, от всего старого и предназначенного, поскольку старое определяет меня, оно не соответствует сущности свободы.

Естественно, это не могло не привести к эскалации свободы, понятой как эмансипация от старого. Каждый следующий объявлял себя более свободным и прогрессивным, чем предыдущий, а каждый предыдущий, с точки зрения нового, объявлялся реакционным и консервативным.

«Контрреволюционер», «консерватор» — все это обидные клички, которые либералы придумали своим врагам, отсталым защитникам традиционных ценностей. Эти клички не несут позитивной программы. Кто такой консерватор? Это тот, кто всего лишь консерви-

рует, сохраняет все, как есть, и больше ничего придумать не может.

Когда либералы «загнали клячу истории» насмерть, отрицая все старое (например, религию, монархию и проч.), что выразилось в перманентном смертоубийстве миллионов людей, сопровождавших первые буржуазные революции в Европе, они потеряли популярность у народа. Симпатии вернулись к тем, кто называл себя консерваторами. Но консерватизм означал всего лишь, что изменения должны совершаться медленно, с общего согласия, не за счет разрушения старого, а за счет плавной эволюции и т.п. Принципиально же схема истории и взгляд на сущность человека не претерпели изменений.

Консерваторы согласились с тем местом, которое им определили либералы, правда, теперь это место оценивалось не как однозначно негативное, но как нужное и имеющее свою функцию.

Легко увидеть, что приоритетным в этой схеме все равно остаются либералы. Именно они быстро ли, медленно ли, творят историю. Именно они являются источником социальных инноваций, которые консерваторы консервируют, сохраняют.

Вот уже 300 лет считается нормальным, когда в молодости человек является либералом и революционером, а к старости — консерватором.

Подлинная трагедия консерватизма в том, что он согласился с этой, по сути, либеральной моделью. Консерватизм согласился с тем, что свобода признается «самой существенной сущностью человека», что история есть прогресс свободы и эмансипации, а вперед историю движут революционеры. А еще согласился со своим скромным местом тормоза или якоря в движущемся механизме истории.

А что? Тормоз не менее важен, чем газ... Но не пришла ли пора переосмыслить концепцию 300-летней

давности? Не пришла ли пора иначе взглянуть на сущность человека, на движение истории? Не пришла ли пора консерватизму отказаться от своего имени, от своей клички, данной врагами-либералами, и породить себе имя из себя самого в соответствии со своей настоящей сущностью, которая не состоит в стремлении «оставить все как есть» и «сохранять старое и традиционное»? Вопросов больше, чем ответов.

Четвертый участник семинара. *Какие новаторские гуманитарные практики вы бы предложили?*

О.М. Очень много. Например, в пенитенциарной системе, которая меня очень беспокоит. Все знают, что такое в России преступный мир, уголовное сообщество с его языком, законами, иерархией, культурой, шансоном, влиянием на экономику, политику и проч. Это страшная самовоспроизводящаяся гидра, отрицательно влияющая и на внутренний климат, и на внешний имидж.

Ее надо уничтожить. Это достигается путем прекращения общения в преступном мире, разъединения мира. Только в этом случае исчезнут всякие инициации, передачи фольклора, романтики, языка. То есть всех преступников я предлагаю сажать в камеры-одиночки. Это дороговато, но можно предусмотреть такие конструкции, что серьезно не удорожат содержание. Другое дело, экономический эффект от новой формы содержания, возможно, превзойдет затраты. Я не говорю о том, что исчезновение преступного мира (как мира, а не как отдельных преступлений, которые будут), даст мощный экономический эффект, улучшит инвестиционный и социальный климат, даст экономии на правоохранительной системе.

Главное, что я предлагаю: пока преступники сидят в «одиночках», имея возможность периодически гулять, физически работать, общаться с близкими,

существенно увеличивать качество «человеческого материала».

Зоны должны производить не блатных и умеющих в лучшем случае физически работать людей, а интеллектуалов. Ведь пока человек сидит два-три года, он может выучить, например, иностранный язык. Как? Просто! Подсовывайте ему самоучители, карточки, транслируйте по радио аудиоуроки. От безделья он его выучит.

Более того, мы можем производить математиков и инженеров, философов и литераторов, ученых всех видов, если, начиная с учебников, начнем подкладывать им курсы соответствующих наук. Они выучат от скуки все. И не просто выучат, а заново откроют для себя, как все это интересно, как они раньше мимо этого прошли.

Люди это не простые, а пассионарные, талантливые, им будет интересно и самим творчески все развивать. Так же, как преступают закон, они будут преступать научные предрассудки и порождать небывалые открытия. Их мотивированность в сравнении со студентами (которые думают о девочках и дискотеках) в тысячу раз выше.

За пять лет там можно вырастить эйнштейнов. Открывается простор для очень интересных психологических экспериментов. Не над их сознанием, а просто по методологии обучения, что и в каком порядке давать читать, как закреплять прочитанное, каков должны быть отдых, нагрузка, как определить изначальные таланты и по какой стезе направить. Уверен, если бы уже сейчас где-то взяли, попробовали с десятью людьми проделать такой опыт, результат превзошел бы все ожидания. Мы за десяток лет, клянусь, получили бы минимум пару нобелевских лауреатов. Потом это можно распространять и дальше.

Пятый участник семинара. *Многие говорят о новой холодной войне. Не проиграем ли мы ее, как проиграли первую?*

О.М. В середине 1980-х СССР проиграл первую холодную войну, когда мировые цены на нефть упали до 10 долларов за баррель. Эта ситуация не повторится. Об этом стоит помнить тем, кто собирается развязывать «холодную войну-2». Прежде чем развязывать какую-либо войну, надо подумать, есть ли шанс на выигрыш. У США такого шанса нет. Главная причина даже не в нефти.

Холодную войну нельзя выиграть дважды, как дважды нельзя удивить детей одним и тем же фокусом.

Сколько бы ни падали цены на нефть в середине 1980-х, главной причиной крушения СССР была огромная антигосударственная накачка, соблазн народа выборами, многопартийностью, демократическими ценностями и т.п. В течение 1990-х годов 150 миллионов человек из 300-миллионного населения бывшего СССР имели возможность во всем этом разочароваться. Рейтинги так называемых демократов и либералов в России ниже всякого приличия. И это притом, что в пропаганду «демократических ценностей» вкладываются миллиарды долларов.

Люди из СССР были похожи на людей под стекляннным колпаком с огромным культурным иммунодефицитом, подверженных малейшей заразе. Люди нынешней России получили такие убойные дозы всех вирусов, что после этих прививок у нас теперь иммунитет ко всякой демократической пропаганде.

Определенный эффект эта пропаганда еще имеет на окраинах бывшего СССР в интеллектуальных провинциях. Именно поэтому в демократические революции верят всевозможные политические клоуны и маргиналы, каковыми являются марионеточные пре-

зиденты мелких постсоветских республик, и шайка уже полвека находящаяся на содержании США диссидентов-грантоедов. Тенденция, однако!

В первую холодную войну американцам удалось соблазнить нобелевских лауреатов, талантливых писателей и поэтов, широкие слои советской интеллигенции, а сегодня в качестве авангарда демократии выступают отщепенцы, большинство из которых покинут лагерь демократов сразу, как только им перестанут платить американские гранты.

Главное отличие прошлой ситуации и нынешней в том, что прежние американские президенты, которые вели холодную войну — Трумэн, Кеннеди, конечно же, Рейган, — верили в свою миссию, в то, что говорили, в либерализм и демократические ценности. Возможно, они заблуждались, но заблуждались искренне. Сегодняшнее американское руководство не верит в то, что говорит. Как же оно собирается заставить поверить других? Цинизм и прагматизм.

Когда-то Черчилль повторял слова Пальмерстоуна, что у Англии нет вечных ценностей, вечных врагов и друзей, но есть вечные интересы. И именно Черчилль принял Великобританию «империей, над которой не заходило солнце» и которая значила больше для XIX века, чем США — для XX века, а оставил ее маленькой несuverенной «демократической страной», одной из десятков подобных. На старости лет он понял, что великие империи не строятся на интересах и прагматизме, они строятся на миссии и ценностях, и произнес Фултонскую речь, которую как миссию взяли на щит американцы. Взяли и победили. Теперь они оставили ценности в пользу прагматизма и значит, закончат так же, как Британская империя.

Чтобы править миром, нужна не сила, а духовное и интеллектуальное лидерство. Это было у США в пер-

вую холодную войну, и это полностью утрачено сейчас. Америку или боятся или презирают. Но ее больше никто не любит. А любовь — это главное.

Вторую мировую холодную войну имеет шанс выиграть тот, кто предложит миру новую миссию, кто станет духовным лидером, кого будут искренне любить, а не тот, у кого больше оружия или нефти. Поэтому и наша ставка на прагматизм не сыграет, Россию, конечно, уже не боятся, но никто не любит тех, от кого зависит.

Нам надо ставить свое лидерство в мире на духовную основу. Нужно выступать с международными проектами, инициативами, привлекать на свою сторону будущую мировую интеллектуальную элиту, выращивать ее у себя, следить за новыми тенденциями в мировой культуре, так как культурная геополитика и экспансия — самая лучшая экспансия.

Потому холодная война и названа холодной, что в ней выигрывает тот, кто ставит на пропаганду. Пропаганда немодных во всем мире «либеральных ценностей», может заманить в свои сети только отсталых провинциальных лохов типа Ющенко и Саакашвили. Поэтому США проиграли, не успев даже объявить свою войну. Выиграем ли мы — еще не решено. Но предпосылки есть. Надо лишь предпринять интеллектуальные и пропагандистские усилия. Надо давать что-то нужное и важное всем, а не думать, как что-то урвать себе (именно поэтому я против национализма). Только тогда ты станешь мировым лидером.

ГОСУДАРСТВО И КОРРУПЦИЯ

Постоянно приходится слышать сетования на то, что наше государство насквозь коррумпировано, невозможно нормально жить и процветать достойным

людям. Вот если поставить государство под контроль народа, тогда... все были бы в шоколаде.

Идея постановки государства под контроль народа вредная да и невозможная. С одной стороны, это просто невозможно. Кто будет контролировать контролеров, которые контролируют государство? Кто станет контролировать контролеров, которые контролируют контролеров, которые контролируют государство? Этот путь тупиковый, дурная бесконечность. Вот если государство не опасается возмущений со стороны народа, оно перестает его бояться, перестает давить оппозицию, и в народе начинается нормальная здоровая свободная жизнь.

Как ни парадоксально, свобода есть там, где государство не боится народа. А идеи про то, что «чем меньше государства, тем меньше коррупции» — дешевый популизм.

Из демократической прессы известно: если не все, то многие в государстве — воры. Только к чему призывают защитники демократии? К 1937 году? Чтобы сажали сразу всех? Нет. Когда сажают по одному и по отдельности, как сейчас, тоже, оказывается, плохо. Получается, что на самом деле тайное их подспудное желание — чтобы никто никого никогда не сажал, особенно за коррупцию. И это не случайно.

Для идеологии наших либералов коррупция есть явление в принципе органичное и нормальное. И дело не в том, что нынешние олигархи получили свои состояния только благодаря беспрецедентной коррупции 1990-х. Давайте задумаемся: почему, когда мы приходим на рынок и отдаем дяденьке в кепке деньги, а он нам — килограмм апельсинов, это не просто приемлемо, но «так и должно быть». Ведь рынок (особенно саморегулируемый) видится нашими либералами образцом для всего и вся. В то же время, когда мы при-

ходим к чиновнику и даем ему деньги, чтобы получить подряд на строительство в деловой части города, и он его дает, это не просто ненормально, это преступление! Двойные стандарты какие-то.

Стандарты действительно двойные. Дело в том, что рынок и пресловутое гражданское общество — это сфера, где люди преследуют свои частные, корыстные интересы, сталкиваются, конкурируют, договариваются к обоюдной пользе. Государство — другое дело, оно по определению есть нечто общее, и любой чиновник тут руководствоваться должен не частным интересом, а интересами общества. Поэтому когда дядя в кепке ходит на рынок торговать, про него говорят «он работает» или «занимается бизнесом», а про чиновника говорят, что он «ходит на службу».

Если место и товар на рынке принадлежат торговцу, то чиновнику его кресло не принадлежит. Наоборот, он «принадлежит должности» и выполняет то, что должность от него требует.

Конечно, найдутся возражающие, мол, это в теории, а на деле все чиновники преследуют частный интерес на всех должностях. Если это и так, все происходит в соответствии с законами определенного экономического уклада. Вы же хотели рыночную экономику? Вот она!

Кто говорит, что в России задавлено все частное, что у нас одно сплошное государство? Да у России единственная проблема в том, что у нас один сплошной рынок, одно сплошное гражданское общество, один сплошной частный интерес от лавочника до министра! Если и есть у нас проблема, так только в том, что у нас слабое государство, нехватка людей служащих, работающих на общий интерес!

Да и откуда у нас возьмутся люди, которые трудятся на общее благо, если им с рождения вдалбливают: «об-

шего блага вообще не бывает», «рынок — это модель» всего в жизни, «экономика — базис общества».

Если человек видит, что первый сюжет во всех новостях — про экономику, если он живет в обществе, где чиновника не уважают, а наоборот презирают, если слово «государство» — ругательное, и оно означает какого-то непонятно зачем нужного паразита.

Человек, выросший в такой среде, (а эта среда искусственно у нас культивировалась многие годы, в том числе при позднем социализме, чему немало способствовали марксистские догмы о первичности экономики), даже если попадает на государственную службу, ведет себя как на рынке и очень будет возмущен, если ему устроят омовские «маски-шоу».

Большая антигосударственная идеология позднего советского периода и от замороженных 1990-х должна быть квалифицирована как бред больного общества, а не как «либеральная теория» и «демократические ценности». В противовес надо четко заявить:

1. Экономика не первична. Самая «чистая» экономика по определению грязнее самой «грязной» политики. Собственно политику делает «грязной» наличие в ней хотя бы малой примеси экономики.

2. Место рынка — на окраине, а не в центре, хоть в отдельном городе, хоть в сознании всего народа.

3. Общее благо есть. Общее благо не сводится к благу отдельных частников и не выводится из него. Как сумма частей не дает целого, так и совокупность частных интересов порой действует против себя же, вопреки общему и, в конечном итоге, вопреки каждому частному. И призвано это общее благо отстаивать государство.

О государстве в нашем обществе самые дикие представления. Его рассматривают то как «набор чиновников», то как «машину насилия». Но государство

вообще не имеет в себе ничего материального. Государство — это идея!

Что заставляет миллионы людей выполнять указы одного человека, который ничем не лучше их? Что заставляет с почтением относиться к государственным символам, соблюдать законы? Только то, что у миллионов людей в головах одна и та же идея, их действия синхронизированы, упорядочены, предсказуемы в соответствии с законами, указами, символами. Не я часть государства, а государство — часть меня, причем одна из самых важных.

Государство тем более эффективно, чем лучше отложились идеальные его образы в головах миллионов людей, чем меньше там разногласий, недопонимания и проч. Поэтому и укрепление государства — идеальная просветительская работа. Чем выше авторитет государства, тем оно больше подтверждает авторитет. Это как самосбывающийся прогноз, положительная обратная связь.

Если государство считать хорошим, оно и будет хорошим. И наоборот: если считать его плохим, оно и будет плохим. Кто-то из китайцев даже говорил: «Надо печалиться о государстве в мыслях, но никогда нельзя печалиться о нем вслух».

Более того, вот еще один «секрет»: даже самое плохое государство лучше, чем его отсутствие. Это вам подтвердят крупные бизнесмены, уже столкнувшиеся с тем, что их права и капиталы никем не гарантируются. Их инвестиции и состояния основаны на песке, если они построены с нарушением закона и государство не хочет или не может их защищать, хоть внутри — от собственного народа, хоть во вне — от субъектов рынка или других государств с их законами.

Авторитетный экономист Эрнандо де Сото показал, что значит сильное государство для развития рынка.

Он сравнил, чем отличается деятельность бизнесмена Смита в США от деятельности бизнесмена Педро в Аргентине.

Начинается все одинаково: и у того ранчо, и у другого. Но в США это ранчо оформлено, зарегистрировано и внесено в кадастры, реестры и государственные базы данных, а в Аргентине все по-простому, без бумаг и бюрократии.

Дальше у бизнесменов возникает спор с соседями, и в США есть суд, а у суда есть полиция, которая заставит всех участников выполнить решения суда. В Аргентине же суда нет, есть банды и авторитеты, и война может длиться долго с переменным успехом.

В США Смит может пойти в банк и взять кредит под залог земли, в Аргентине Педро не может так сделать, у него нет бумаг. В США Смит имеет право зарегистрировать предприятие, выпустить акции на рынок и стать миллионером, а Педро акции выпустить не может и так и будет сидеть со своими коровами.

В США, если Смит и его фирма продает свою продукцию за границу, все государство борется за него, и если какая-то страна не пускает к себе товар Смита, к ее берегам подойдут авианосцы, или в этой стране сделают «оранжевую революцию» или введут экономические санкции. А Аргентина своему Педро ничего не может предложить.

Так в чем разница между Педро и Смитом? Только в том, что у Смита есть сильное государство, а у Педро свободный «черный» рынок и либеральная теория в голове, что «государство — это плохо, это бюрократы, неэффективные менеджеры, чем его меньше, тем лучше, нужна невидимая рука рынка, меньше налогов и проч.».

Экономика растет как на дрожжах, когда есть стабильность, основанная на четких правилах и стан-

дартах гарантируемых государством. Французские историки «школы анналов» убедительно доказали: развитию рыночной экономики в Европе, капитализму, модернизации предшествовали реформы и усиление светских государств, которые, в свою очередь, опирались на новые стандарты григорианской церковной реформы.

Когда-то Гегель назвал государство «образом Бога на Земле». Такой высокой оценки государство удостоилось не только за то, что без него не было бы никакого права и шла бы вечная «война всех против всех», которая бы не позволяла не только инвестировать и выходить на фондовые рынки, но и вообще хоть как-то гарантировать иное право, кроме права захвата здесь и сейчас со стороны сильного.

Нет, Гегель имел в виду не только это. Он сравнивал государство с Богом в том смысле, что «святое поругаемо не бывает», что даже самое плохое испорченное государство, государство которое впустило в себя рынок и частный интерес, прогнившее от монарха и министров до последнего секретаря, государство от которого осталась только форма, даже И В ЭТОМ СЛУЧАЕ, вопреки воле всех чиновников, все-таки работает на общий интерес!!! И пока государство есть, хотя бы как форма, народ еще остается народом.

Как же так получается? Можно, конечно, проследить за работой самого коррумпированного чиновника и показать, что реально только очень небольшой процент вопросов у него решается по антиобщественной схеме. Чаще ему вообще ничего не платят, кроме жалования, и он решает вопросы, исходя из здравого смысла. Нередко он берет взятки не за незаконные действия, а за то, что обязан делать по закону, и очень редко — за противозаконные и корыстные действия.

Людам, не знакомым с чиновничьей жизнью, кажется, что все берут взятки, не боясь и не стесняясь, даже глядя на аресты коллег, и эти взятки именно за антиобщественные вредные действия. Главное в другом: нельзя недооценивать форму. Даже там, где закон сводится к пустой формальности, где государство прогнило настолько, что осталась только форма, видимость, общее благо все еще есть.

Чтобы это понять, сравним два феномена: что лучше разбой с кучей трупов или мошенничество? В обоих случаях бандитов интересовало ваше добро, но в одном случае они не посчитали нужным соблюдать хоть какие-то приличия, хоть какую-то видимость, хоть какую-то форму, они даже жизнь не стали сохранить жертве и свидетелям, потому что так целесообразнее, некому будет мстить, доносить, свидетельствовать... И совсем другое дело, когда вас облапошат красиво: деньги заберут, а вы еще потом будете 10 лет на митинги ходить и требовать, чтобы какого-нибудь Мавроди или Ходорковского выпустили из тюрьмы как честного человека.

В мошенничестве сохраняется **видимость** нормального контракта между субъектами. Но эта «всего лишь видимость» многое меняет в самом феномене! Спросите женщину, что лучше для нее: быть изнасилованной или быть обольщенной ловеласом? В обоих случаях мужчина хотел удовлетворить свое влечение, и физически все выглядит одинаково, но разница все же есть. Она в видимости, она только в форме, а не в физиологии. В случае с ловеласом сохранена видимость любви и человеческого отношения. Но эта «всего лишь видимость» кардинально все меняет!

Никто не спорит: любовь лучше, чем донжуанство. Но не надо впадать в крайность - раз нет любви, значит, признаем только изнасилования! Никто не

спорит: честный бизнес лучше мошенничества, но не надо впадать в крайность — раз нет честного бизнеса, давайте убивать и разбойничать. Никто не спорит, что нравственное честное государство лучше, чем коррумпированное и гнилое, но нельзя впадать в крайность — раз все поголовно нечестны, то давайте вообще без государства!

Государство, которое только по форме работает на общее благо, конечно, хуже, чем государство идеальное, но оно бесконечно лучше, чем отсутствие государства.

Форма — начало содержания, первый этап. С дани уважения к форме, к символам, к условностям начинается согласие вообще, а согласие — мать любви. Когда государство называлось «образом Бога», то имелась в виду христианское понимание Бога как любви. Государство есть образ согласия и любви. Сильно сказано? Но ведь там, где возникает государство, кончаются убийство и война, дикость и «право силы» заменяются законом, устанавливаются взаимоуважение и порядок. Там есть, для начала, хотя бы видимость уважения, справедливости, там впервые возникают хоть какие-то права, в том числе и любимые всеми демократами права человека.

Демократы привыкли видеть в государстве главную угрозу правам человека, но забывают, что без государства никаких прав нет вообще! Переход от государства «только по видимости» к государству истинному тоже непрост, но его нельзя осуществить только репрессиями и тем более повышением зарплат чиновникам.

Спору нет чиновник, который решает многие вопросы, должен иметь достойное и уважаемое всем обществом жалование, но всегда то, что лежит на складе, дороже, чем зарплата сторожа, иначе не нужен сторож.

Когда вокруг пропагандируются частные блага, богатство, а только чиновнику они недоступны, это всегда сладкий «запретный плод», и репрессии выглядят в глазах общества и коррупционеров жестокостью.

Ни деньгами, ни силой не заменишь совесть. Поэтому совесть, религиозную мотивацию надо реабилитировать. Никакими деньгами не заменишь уважения общества, почет, славу, честное имя. Нужно, чтобы эти «вещи» спокойно конкурировали в общественном сознании минимум на равных с богатством, а лучше, если выше его: «Твой папа богат? У него новый «Мерседес»? А вот мой папа получил орден!». Вот и получается, что один думает о своей мощи, а другой — святой человек.

Богатства будут стесняться просто потому, что оно свидетельствует о недалекости и эгоизме его владельцев. От богатства будут избавляться с помощью благотворительности и усиленного инвестирования, а не показного потребления, что благотворно сказывается на экономическом росте...

Проблема коррупции может быть решена пропагандой в обществе религиозных, патриотических и государственных ценностей. Это станет основой для честного и справедливого государства, а оно, в свою очередь, есть основа стабильности, гарант прав, инвестиций, капиталов и защитник каждого гражданина на международной арене.

Тем, кто считает это недостижимым идеалом, мол, в России такое невозможно, неплохо бы обратиться к истории. Всего лишь 40 лет назад СССР был одной из самых некоррупцированных стран мира. И это, начиная с середины 1920-х. Гражданская война не в счет, это как раз отсутствие государства. При Николае II все было ужасно: разоряющиеся знатные фамилии соревновались в потреблении, брали взятки и забывали о

своей родовой чести, лишь бы не ударить в грязь лицом. Это и плохо кончилось. Иное дело при Александре III. Именно его реформы создали очень эффективное, высоко моральное государство и чиновничество (один Победоносцев чего стоил!)? что позволило стремительными темпами развиваться капитализму, создало новый класс, увеличило мобильность общества.

Не надо строить «капитализм» специально, в хорошем государстве он сам растет так бурно, что не остановишь. Давно известно, что симуляция в итоге часто воспроизводит тот феномен, который симулируется. Если симулировать классическое государство, с чиновничьей честью, формой, рангами, наградами, этикой то все это ОБЯЖЕТ самих чиновников становиться похожими на свой идеальный образ. Юноша с самого начала должен делать выбор: идти ему по пути эгоистического накопления для себя, или по пути монашеского самоотречения, служения общему благу. И он должен знать, что второй вариант престижнее, это вариант для сильных, настоящих мужчин.

В государстве должны быть свои недоступность, притягательность, манящая романтика. Такие «касты служителей», подчиняющихся только «закону справедливости и истины» имели прецеденты в истории. Например, конфуцианские реформы в Китае, построенные на создании целой культуры (системы культов и ритуалов) заложили основы тысячелетнего могущества Поднебесной.

Как можно запугать человека хоть монарху, хоть бандиту, если он шесть часов в сутки после государственных дел упражняется в каллиграфии и для него жизнь ничто в сравнении с красотой цветка? Как можно купить человека, который с детских лет пишет стихи (иначе не сдать чиновничий экзамен) и проводит вечера в медитации, философских диспутах,

поэтическом творчестве и для него ничто все блага мира?

Чиновник в Китае, чтобы поступить на службу, сдавал экзамен по литературе. И эта империя просуществовала несколько тысяч лет. Зато у нас сейчас все чиновники экономисты и кругом одни экономические кризисы. А дело в том, что чиновники-литераторы не занимались взяточничеством, потому что считали это недостойным и в принципе презирали материальные блага, а наши чиновники-экономисты в первую очередь применяют свои знания, чтобы найти лазейки в законодательстве и бюджете и воровать для себя да так, что не придерешься — они же квалифицированные!

Все эти погоны, государственные чины и ранги, различные обращения к каждому рангу, приветствия и прочие ритуалы — вовсе не ненужная, нефункциональная ерунда, не пережиток средневековья. Это основа для формирования касты хранителей и служителей, которая гарантирует развитие гражданского общества и в то же время максимально далека от коррупции.

Искреннее удивление вызывает, что к нам не приезжают менять цветную бумагу и ножницы на золото и алмазы, до такой степени мы наивны... Дают на Западе «рейтинг коррупции», и наши уже айда разносить, что Россия — самая коррумпированная страна.

Россия по уровню коррупции опустилась со 146-го на 154-е место и оказалась между Папуа Новой Гвинеей и Таджикистаном — об этом говорится в докладе международной неправительственной организации «Транспэрэнси Интернешнл». Доклад посвящен состоянию коррупции в 178 странах мира. Среди событий, повлиявших на положение в рейтинге, «Транспэрэнси» называет Дело «Даймлер», дело Магнитского, а также

отсутствие публичной проверки декларации о доходах высокопоставленных лиц.

Руководство страны заявляет достаточно жесткую позицию в отношении коррупционеров. «Это хорошие слова, но надо посмотреть, как это будет реализовываться на практике», — заявила глава российского отделения этой организации Елена Панфилова. «Такой высокий индекс восприятия коррупции в России в 2010 году обусловлен в первую очередь тем, что граждане, эксперты, предприниматели, все, кто должен видеть заявленные результаты кампании по борьбе с коррупцией, этого не видят. Фактически эта ситуация отражает не то, что у нас высокий уровень коррупции, а то, что у нас низкий уровень реального противодействия коррупции. Цели и задачи по борьбе с коррупцией не транслируются в конкретные дела», — сказала она. Е. Панфилова видит причинами коррупции в нашей стране «вседозволенность и правовой цинизм значительного количества представителей органов власти на всех уровнях». Кроме того, «каждый, кто занимает хоть какую-то должность, рассматривает ее не как служение обществу, а как источник незаконного обогащения. Коррупция, пропитав все органы власти, начинает воспроизводить самое себя», — заключила она.

Среди причин высокой коррупции в нашей стране эксперты называют вседозволенность и правовой цинизм значительного количества чиновников всех уровней. Новый доклад «Транспэрэнси Интернешнл» — это в первую очередь удар по имиджу России, — считает президент Фонда ИНДЕМ Георгий Сатаров. По его мнению, доклады экспертов вряд ли могут повлиять на ситуацию с коррупцией, хотя российской власти подобные доклады явно не нравятся.

«Согласно докладу, в этом году Россия по уровню восприятия коррупции оказалась на 154 месте

из 178 с индексом 2,1 балла. В прошлом году Россия в этом рейтинге занимала 146 место. Вывод: за год у нас ничего не поменялось, за исключением соседей по рейтингу — Папуа Новой Гвинеи, Кении, Лаоса и Таджикистана», — отметила Панфилова, добавив, что все страны, у которых рейтинг ниже трех баллов, находятся в зоне очень высокой коррупции, и это «ситуация национального позора». По ее мнению, борьба с коррупцией в России зашла в тупик, так как законы, принятые властями, не работают и упираются в «неприкасаемых».

А ТЕПЕРЬ ДАВАЙТЕ поймем: этот рейтинг вовсе не измеряет уровень коррупции! И он вообще не позволяет сравнивать объективно уровни коррупции в разных странах, это даже сами создатели ТИ отмечают. Этот индекс является всего лишь измерителем, как сами граждане страны воспринимают/оценивают коррумпированность. Это исключительно субъективная оценка, а не сравнительный объективный показатель.

Допустим, берут составители рейтинга 10 общественных организаций из числа оппозиционных, каспаровцев всяких и сатаровцев, и они им, эти эксперты, дают оценки коррупции. Ведь на Западе только тот считается экспертом, кого считает таковым Запад. А Каспаров им такого наговорит!!

НО!!! Допустим, взяли бы даже честных и объективных экспертов. И даже бы они сказали, что коррупция у нас велика. Что бы это доказывало? Только одно: сами россияне озабочены этой проблемой больше, чем другие народы. **ВСЕ!** Ничего более!!!!

Одна из причин этого, возможно, в том, что наш менталитет воспринимает коррупцию как болезнь, как порок, а вот во многих, особенно восточных обществах, это норма. Кроме того, согласно теории повестки дня, именно актуальная тема всегда воспринимает-

ся как наиболее важная. Например, после 11 сентября 2001 года все социологи США зафиксируют тему терроризма как главную, а два дня назад она бы была у них 30-й по счету. Или другой пример. В России идет три года борьба с коррупцией, объявленная президентом. И у нас все только об этом орут и ставят ее главной проблемой.

Но все мы знаем наших братьев-хохлов, которые точно коррумпированнее в несколько раз, чем Россия. Там такого бешеного ора про коррупцию нет. И результат соответствующий. Ни один хохол не ставит эту проблему на первое место. И рейтинг у них выше... И у узбеков выше. Не смешно ли???

Сейчас не существует объективного уровня оценки коррупции, ведь в каждой стране свои законы, а значит, и их нарушения различны. Сравнить коррупцию в одной стране с коррупцией с другой — все равно что сравнивать голы в волейболе и в футболе.

Можно говорить об общем уровне, о склонности решать вопросы коррупционным путем в той или иной стране. Так вот, очевидно, что почти во всех латиноамериканских странах коррупция выше, как и почти во всех ближневосточных, среднеазиатских, африканских странах, а еще в Китае, в большинстве бывших стран СССР и в странах Восточной Европы. Одним словом, в плане коррупции лучше, чем у нас, дела обстоят не более чем в 20—30 странах из двухсот! И никакого 154-го места!!! Не надо самих себя хотя бы обманывать. Нас обманывают заокеанские рейтинговые агентства, но мы-то зачем сами себя накручиваем и позорим?

Посмотрите на здание РЭНД-корпорейшн. Размером с любое наше министерство. Это один из десятков(!) мозговых центров США, осуществляющих манипуляцию сознанием по всему миру.

Говорю, как человек, который занимался проблемами манипуляции 20 лет, американцы знают в этом толк. Иначе бы всему миру мозги не пудрили и не управляли. Рейтинги коррупции «Транспэрэнси интернешнл» заказываются там. Сатаровский фонд, который публикует их в России, получает американские гранты.

Патриоты всех мастей, задумайтесь: если это выгодно им, если тему коррупции постоянно теребят всякие Радио «Свободы», «Новые газеты» и «Эхи Москвы», то ЗАЧЕМ ИМ ПОДПЕВАТЬ?

Есть ли у нас коррупция? Безусловно, есть. Глупо это отрицать. Но она не является главной проблемой, как это хотят представить. Уровень коррупции и экономический рост почти никак не связаны.

Все страны Западной Европы менее коррумпированы, но их экономический рост 1—3 %, иногда и нулевой. Япония 20 лет топчется на месте, она, безусловно, менее коррумпирована, чем мы. И наоборот, Китай (с его единичными расстрелами и миллионной массой чиновников) ничего не решает без взяток (я там был дважды и видел виллы чиновников с громадными площадками для гольфа, о которых нашим только мечтать). Индия: там вообще власть и олигархия — веками тождественные системы. Бразилия коррумпирована начисто, там в некоторых сферах государство вообще отсутствует и властвует «черная» экономика и «черный» рынок. А это страны БРИК — самые быстро растущие экономики мира. То же в ближневосточных странах, которые нехило растут, но там бакшиш — норма. А в Северной Корее коррупции нет..

Кому же надо так раздувать тему коррупции в нашей стране, что народ за пять лет осатанел от этой темы, хотя еще в 1990-е годы все «пилилось» ОТРОСЛЯМИ (куда там нынешним «откатам»!), но общество

спокойно, по крайней мере, не так истерично воспринимало ситуацию?

Ответ простой: еще с давних времен тема коррупции власти была главным оружием в геополитической борьбе одних стран с другими. Еще при Александре Македонском известны были трюки с подметными письмами у якобы перехваченных лазутчиков, которые несли их от одного правителя другому. Это внесило смятение в ряды граждан: возникали недоверие, бунты, чем и пользовался неприятель. Геббельс при вторжении во Францию, Голландию, Бельгию распространял слухи, будто правительства этих стран коррумпированы и давно предали всех своих граждан, отсюда типа и поражения...

Тема коррупции еще тем удобна, что объединяет всю оппозицию и создает единый фронт против любой власти: люди забывают идеологические различия (правые, левые, либералы, коммунисты все объединяются) — это незаменимо для тарана.

Главной темой при развале СССР были привилегии чиновников и черные «волги», главной темой украинского Майдана была коррупция клана Кучмы и донецких. Страна была отброшена на годы назад и сейчас выбрала Януковича, который срочно выстраивает путинскую вертикаль.

Если бы меня наняло государство ИКС против государства ИГРЕК, я, даже не зная местной специфики, сразу бы сказал: «Лучший способ борьбы — поднимать тему коррупции в государстве ИГРЕК, нагнетать ее до бесовщины, до майдана, а дальше — конец легитимной власти и назначение «мировым сообществом» того, кого оно сочтет нужным».

Многие патриоты надеются, что в результате революции они придут к власти, но забывают, что «мировое сообщество» в условиях правового вакуума само «на-

значает» того, с кем оно будет вести диалог. Так что делают революции одни, а плодами пользуются другие...

Как только Путин пришел к власти, все западные и прозападные СМИ у нас начали раздувать тему коррупции, собирать факты и создавать истерию. Добились следующего: еще восемь лет назад главным негодяем в стране был олигарх, теперь главный негодяй — чиновник. А олигархи, которые тырят куда больше, стали еще богаче, сидят в сторонке и посмеиваются и ждут возвращения 1990-х.

Что толку от ваших улюлюканий про коррупцию? Она от этого не уменьшается. Наоборот, вы выступаете рекламными агентами для всяких жуликов, которые типа выступают посредниками между чиновниками и бизнесом, чтобы «решить вопрос».

Послушайте китайскую мудрость: «надо печалиться о государстве в мыслях, но нельзя печалиться о нем вслух». Кроме плохой репутации, инвестиционного климата, низкого правосознания, раздутие этой темы ничего не вызывает...

Что происходит на самом деле, а что является мифом?

Во-первых, нужно отделить одну коррупцию от другой. Одно дело, когда мы даем взятку гаишнику, врачу или учителю... И это чаще всего мы делаем сами, потому что так удобней. Не надо в банк бегать и оплачивать квитанцию, есть надежда, что врач внимательней отнесется к твоим болячкам, а учитель к ребенку и проч. В такую коррупцию попадаем все мы, наверное, процентов 60 % населения, и она есть следствие несовершенств наших законов.

Зачастую бороться с коррупцией = отнимать костыль у безногого.

Сначала аналогия. Все мы знаем, что человек от природы существо двуногое, двурукое, двуглазое и т.д.

Если случайно человек на войне потерял руку, или попал под трамвай и потерял ногу, то люди ДОСТРАИВАЮТ себя до природного состояния с помощью костылей или протезов.

Человеческое общество, конечно, не природа, но все же и тут есть свои законы или своего рода идеальное состояние, неведомое нам, к которому общество стремится, чтобы вообще ЖИТЬ. И если законы и право этого общества не совпадают с идеалом, то есть являются глупыми и инвалидными, то общество достраивает себя с помощью своих протезов и костылей.

Например, коммунисты объявили, что в СССР нет частной собственности. Потом поняли, что люди не могут жить так, чтобы были общими и «портки и детишки». Тут же придумали различие между частной и личной собственностью. Различие такое, что покруче, чем отличие пустого от порожнего. То есть частная собственность в ограниченном масштабе и под другим именем у нас была в СССР. Как всегда глупость закона компенсировалась его невыполнением. А поздний социализм с его кучей цеховиков, а потом и кооперативов, настоящих капиталистических частных предприятий...

Носейчаснеобэтом.Простойпримеризссылкиниже:
<http://www.rusrep.ru/article/2010/09/19/doctorvhaose/>
 Должность: врач хирург. Ставка: 3876,8 руб/мес. Отработал: 20 дн./159 час. Далее таблица. — «Ночные дежурства» — в июне я почти не дежурил. Так, оклад: раз. «Надбавка за выслугу лет» — 735 рублей 44 копейки — два. «Доплата за вредные условия труда» — 553 рубля 63 копейки — три. Плюс премия ко Дню медика, экстренные часы... Вышло более-менее нормально: 11 тысяч с гаком. — Обводим итоговую цифру в кружок.

А в среднем в месяца получаю 10 тысяч. Это потолок. Вот так. Простой хирург. Вы верите, что он может жить

и содержать семью на 10 тысяч? Я не верю. Если бы не постоянные подношения в виде коньяков, шоколадок, тысчонок в конвертах, этот хирург свалил бы, и куча людей в его условном Урюпинске умерла бы от простого аппендицита!!!!

Таким образом, коррупция есть костыль, компенсация глупости наших законов, которые делают хирургу такую ставку.

Почему же наши законы глупы? Да потому что даже в небогатом Египте или Мексике знают, что хирург — это высшая специальность, требует учения и проч. И что он должен получать тысячи долларов в месяц. Как там и получают! Я уж молчу про заработки врачей в Америке. Но не 300 долларов платить, как у нас!!!!

Есть мировая среднерыночная цена хирурга — делайте цены соответствующие. А ведь коррупцией хирург и добирает до среднемировой оплаты своего труда. Только при этом все выглядит позорно и индексы коррупции поднимает. И постоянно врачей наши россияне ставят вместе с учителями и гаишниками как главных коррупционеров.

Хотя... Представим, решило государство повысить зарплату хирургам. И всех под одну гребенку! Московскому светиле повышение на 500 долларов может незаметным пройти, а кому-то и этого не хватит, а вот за взятки будут теперь уже сажать... Начнется неразбериха и «средняя температура по больнице». Хорошим и нужным хирургам повысят так же как плохим и ненужным. Не лучше ли, когда мы непосредственно на месте благодарим конкретного врача?

Не является ли коррупция компенсацией еще одной вещи, а именно недостатка самоуправления на местах??? Не является ли коррупция в низах протезом для отсутствующего самоуправления и саморегулиро-

вания, для отсутствия полномочий внизу решать мелкие хозяйственные и вопросы вознаграждений?

Давайте представим идеал борцов с коррупцией. Завтра она исчезла. Мы через месяц останемся без милиции, учителей, врачей, чиновников. Короче, государству просто конец, никто не будет работать на таких условиях. Поэтому бороться с коррупцией — это отнимать костыль у безногого!!! Он упадет! И не встанет!

Тема коррупции и борьбы с ней играла очень большую роль при разрушении СССР, и теперь так же играет при инициации «перестройки-2», чтобы добить страну окончательно.

Что же надо делать вместо борьбы с коррупцией? А нужно стремиться к тому, чтобы позитивное право общества, его законы были ближе к естественному, или идеальному общественному состоянию. В частности, мы должны перерассчитать зарплаты людей определенной квалификации, учитывая качество работы, нагрузку, причем все это в интерактивном режиме, чтобы сами люди оценивали работу и там же, на месте, руководство бонусы давало из премиального фонда. И так далее.

Можно и нужно думать и экспериментировать. А это труднее, чем звонко бороться с коррупцией, орать, что все козлы, всех повесить... Чего собственно и ждут-не дождутся заокеанские кукловоды и инструкторы всех наших борцов с коррупцией.

Есть и другая коррупция именно она возмущает большинство сограждан. Это пресловутые распилы, откаты, заносы и проч. Самое интересное, если у нас чиновников в стране всего 1-2 % да и не все из них взяточники, а если кто и взяточник, то берет не у всех, то получаем, что в стране с ЭТОЙ коррупцией сталкивались всего НЕСКОЛЬКО процентов населения. Ос-

тальные вообще не знают, о чем говорят. Но говорят! Орут даже! «Как же так? — кричат они. — А иномарки и коттеджи, которые мозолят глаза?!». Источники этих богатств не обязательно коррупционны или связаны с воровством бюджета. Чаще всего это левые трудовые доходы, использование служебной информации, служебного положения.

Вот, например, прокурор. Да ему в подарок тупо любовью банк сделает ипотеку под 1 % годовых на 100 лет. И делают. Ни за что. Просто, чтобы дружить. А если что, он один раз в три года позвонит, например, кому-то, чтобы напугать или договориться или раз в месяц вместе с этим банкиром и несколькими другими сходит в баню, чтобы другие банкиры видели, с кем этот банкир моется.

Почему это работает? Потому что в обществе есть атмосфера коррупции. Все, считают, что все у всех схвачены. Вот у этого банкира, например, прокурор. Таким образом, много говоря о коррупции, мы ее же провоцируем. И это не единственный случай самосбывающегося прогноза.

Но будьте уверены: если завтра из Москвы поступит приказ закрыть этого банкира, сделать проверку и проч., то прокурор среагирует жестко. Или если сам банкир конкретно накосячит, прокурор тут же отвернется и в баню ходить перестанет, чтобы не замараться...

Рассмотрим теперь чиновника, имеющего отношение к бюджету, который типа пилит. Таких, кстати, 0,001 % от всех жителей страны.

Сам он, естественно, ничего отпилить не может, везде конкурсы, тендеры и проч. Значит, нужны партнеры. И потенциальные партнеры об этом знают. Как только объявляется тендер, сразу десятки фирм и фирмочек начинают искать «концы» к нужному чи-

новнику. Понятно, что ни один чиновник в руки от вас деньги не возьмет. Испугается. Мало ли, а вдруг ты взял — и сразу «маски-шоу»? Поэтому заинтересованные лица ищут посредника, который вхож во все дела. Которому можно дать, чтобы он передал.

Рассмотрим первый вариант: посредник имеется. Чиновник всего боится, поэтому будет смотреть на фирму, которая предлагает свои «услуги». Если они предлагают купить дрова по цене золота, он не будет связываться, потому что все шито белыми нитками, коррупция налицо, и при первой проверке его возьмут за задницу.

Он будет искать партнера, который и так формально подходит под требования конкурса. Надо построить дом. Есть три фирмы, которые могут построить: первая — за 100 миллионов, вторая — за 110, третья — за 115. Чиновник предпочтет ту, которая за 100, чтобы придинок потом не было. Пока другие две фирмы ищут сами с ним встречи, чтобы дать на лапу, он, наоборот, подсылает своего человека к той, которая подходит лучше под условия тендера, чтобы не вызвать подозрения. А если они еще и откат занесут — прекрасно, и все шито крыто.

Нет трусливее существа, чем чиновник! Точно так же и судья предпочтет взять с того, кто и так по закону прав. И карман полон, и совесть спокойна, и начальство ничего не заподозрит. То есть здесь коррупция не противостоит конкуренции. Чиновнику так же выгодно, чтобы все было максимально рыночно.

Предприниматель ведь и так работает с прибылью, просто частью делится с контрагентом. Если дурак-предприниматель начинает говорить, что у него и так цены лучше, чем у других, и он делиться не хочет, тогда его пугают: «Старик! Ты разве не знаешь, что все за откаты решается? Газет не читаешь? Вот выбери фирму,

которая за 115 миллионов строит, а ты пролетишь!». И он бежит платить как миленький.

Вот опять пример того, как писанина о коррупции создает предпосылки для ее же увеличения. Какая разница, достанутся 5—10 % чиновнику, который, боясь шума, построит на них себе дачку в тихом месте на Онежском озере, или они бы (в случае отсутствия отката) достались этому же коммерсу, который тоже построит себе дачку легально и на Лазурном берегу Франции?

НО!!! Самое интересное в другом. На самом деле такие коррупции хоть и бывают, и вред их весьма относителен, они не составляют большинства в так называемой коррупционной среде. Вернемся на пару абзацев выше, туда, где речь шла о посредниках. Чиновник сам не берет, поскольку боится. Я утверждаю, что подобно тому, как на фондовом рынке на каждую реальную сделку накручивается еще 99 ценных бумаг в виде свопов, закладных, опционов и прочих производных, так и в России 99 % так называемой коррупции представляет из себя просто мошенничество, а не коррупцию.

Простой пример. Когда я жил в Екатеринбурге, почти всем коммерсам города было известно: если хочешь решить вопрос с городским имуществом, обращайся к одному человеку, назовем его Н.

В конце 1990-х мне в случайном разговоре с замкомимущества случилось обмолвиться об этом Н. И вот что я услышал: «Да это жулик, его у нас никто не знает и на порог не пустит. А делает он просто: берет с коммерсов деньги, потом они пишут официальную бумагу, она нормально идет по инстанциям. Если вопрос решается, деньги он оставляет себе, не решается — возвращает, говоря, что вопрос перекупили и кто-то заплатил больше».

Приехав в Москву, я обнаружил, что здесь этим занимаются СОТНИ ТЫСЯЧ жуликов!!! Эта туча народу оккупировала все бары и рестораны вокруг министерств и ведомств, все тусовки и проч. Они только и делают, что ищут «дойных коммерсов», которым надо решить какой-то вопрос. А потом берут деньги и любо (в хорошем варианте) действуют так как Н., либо просто «кидают». Типа «мы дали деньги самому Сечину, как теперь у него возьмешь?? А что вопрос не решился — ну, не срлось, форс-мажор»... и исчезают. И поди заяви на этих мошенников! Приди в милицию и скажи: «Я хотел дать взятку Сечину, (Кудрину, Козаку и т.д.), а меня обманули»... Ха-ха три раза.

Все рестораны Москвы вокруг всех министерств и ведомств забиты жуликами, которые предлагают услуги по передаче и заносу взяток. Зачастую они ничего никому не носят, а просто водят бизнесменов за нос.

Для такого рода жуликов шумиха вокруг коррупции тоже выгодна. Это как большая рекламная кампания их деятельности. Коммерсант читает, что везде «откаты и взятки», и главное, «без этого куда у нас в стране», идет к этим «посредникам», и его «кидают»...

Способов такого мошенничества, точнее его разновидностей, сотни, я о них напишу в отдельной книге. Она будет называться «Хобот машет слоном» и будет содержать такую же классификацию «лоббистов», как «Уши машут ослом» содержит классификацию пиарщиков. Я сам за пять лет работы в госструктурах спас десятки(!!!) человек от таких вот разводок!

По Москве и России болтается тысяча «друзей Сечина», «одноклассников Грефа», «подруг жены Шувалова» и проч. О которых данные люди и слыхом не слыхивали. Одного такого «хлестакова» однажды подловила газета «Коммерсант». Некий Шварцман решил, что ему мало, что он «втирает» о своих связях на-

верху своим партнерам, конкурентам и всем на свете, загребая на этом, он еще решил сделать себе рекламу через «Коммерсант» и дал интервью, будто за ним стоит Сечин. То-то Сечин небось удивился! Нужен был Сечину этот Шварцман!

Таких «шварцманов» в Москве море, и всем им выгодно, чтобы был треп в «Коммерсантах» и прочих о коррупции вообще и о всемогущих «Сечиных» в частности. Сколько вьется вокруг судов подобных мошенников, как правило, полу-адвокатов. В стране ежегодно происходит 20 миллионов процессов. Значит, есть 20 миллионов проигравших. Каждый раз адвокаты говорят что? Что они плохо работали? Что клиент оказался неправ? Нет. Они говорят, что другая сторона купила суд. Универсальная отмазка. И люди верят. Им психологически легче поверить в это, чем в свою неправоту. А сколько потом разговоров про продажных судей! Каждый раз какой-то жулик предлагает, что он «занесет» судье. Заносят реально единицы, в остальных случаях людей «обувают» (если процесс проигран) или на них наживаются (если выигран).

Отдельное слово про силовиков. Не они ли устраивают схему наезд — деньги — отъезд? Бывает такое, но каждый раз у них есть ПОВОД. А кто им его дал? Жертва!

Рассмотрим пример. Сначала бизнесмен, зная, что все решается за взятки, ставит себе, например, ресторанчик в природоохранной зоне на берегу озера на пляже. Или торгует контрафактом, или растомаживает как не надо, или просто налоги минимизирует и проч. А потом силовики, зная, что у каждого есть грешок, да он еще и на виду, устраивают наезд. А потом «доют» того, кто сам виноват и построил свой «дом на песке», то есть сам же заложил в основу своего бизнеса червоточину. По сути он платит за первоначальный грех.

Куда девают деньги менты? Да тут же иномарки покупают да квартиры, большей фантазии нет. То есть деньги из экономики не исчезают, страна от этого не теряет в ВВП. Это им прибавка к мизерной зарплате.

А не достались бы деньги ментам, коммерс бы на них в Лондоне детей учил, вот и вся разница. А ресторан как стоял в природоохранной зоне, так и стоит, но кормит не одного хитреца, который крутанулся, чтобы его построить, но еще и ораву силовиков и бандитов. А если бы коммерс не считал, что «в этой стране все делается только через взятки», и с самого начала вел бизнес честно и по-белому, то и проблем бы у него не возникло. Зачем ментам связываться с теми, на кого трудно накопать что-то, когда у нас у девятерых из десяти из и так рыльце в пушку (минимум из-за минимизации налогов, обналочки и проч). Естественно, наезжают и на «белых» и честных, но реже, и от них чаще отваливают, понимая, что возни больше.

Главное средство борьбы против коррупции — честность. Не веди нелегальный бизнес, не обходи закон, не предлагай взятку, не влезай в черные путаные мошеннические схемы. Никакие институты и законы, сколько их ни плоди, не заменят и не отменят необходимость воспитывать честных граждан.

ЧТО НАМ ДЕЛАТЬ С ДАЛЬНИМ ВОСТОКОМ?

Российский Дальний Восток — одно из самых незаселенных мест на Земле, плотность населения составляет 1 человек на квадратный километр (в европейской части России — 27 человек на ту же площадь). При этом Дальний Восток и Забайкалье — это почти 50 % площади России. Именно благодаря этой огромной территории мы до сих пор «самая большая страна

в мире». Население областей, граничащих с Китаем, составляет 4 миллиона человек (а все население Дальнего Востока — 7 миллионов), а аналогичных китайских провинций — более 100 миллионов.

Еще Дальний Восток — самая богатая по природным ресурсам территория на планете (лес, вода, рыба, золото, нефть, уголь, алмазы, все виды руд и проч.). Столь огромная разница потенциалов не может не вызывать напряжения. И это напряжение уже есть.

Действительно, ряд исследователей утверждает, что никакой угрозы китаизации Дальнего Востока не существует. Их аргументы: а) китайцы очень мирные и никогда не претендовали на Дальний Восток; б) у них много своих незаселенных территорий; в) у России, в конце концов, есть ядерное оружие, чтобы остановить возможную агрессию.

Разберем эти аргументы, чтобы они больше никогда не возникали и не оскорбляли человеческие слух и разум.

Так называемое «миролюбие китайцев» есть пропагандистский продукт. С «миролюбивым характером» не вяжется богатая военная история Китая, изобилующая примерами, демонстрирующими и стратегическими хитростями, и жестокостями, и коварством, и вероломством. Именно «мирные китайцы» обогатили культурную сокровищницу человечества трактатами по военному искусству, стратагемами и, кстати, набором самых изощренных и страшных пыток. Военный бюджет Китая сегодня уступает только военному бюджету США и составляет около 50 миллиардов долларов (примерно в два раза больше, чем военный бюджет России).

Претензии на Дальний Восток возникают постоянно. Во времена конфликта Мао Цзедун с Н. С. Хрущевым, когда во всех «мирных» китайских школах

проходили «уроки ненависти» к русским, была осуществлена и так называемая «картографическая агрессия»: были выпущены карты Китая, где Дальний Восток был «китайским», а всем населенным пунктам присвоены китайские названия. Пусть привыкают к новым названиям и будущие победители, и будущие побежденные!

Горячие приграничные конфликты тоже случались (например, всем известный конфликт в районе острова Даманский в 1969 году). Тогда китайская армия не смогла противостоять ультрасовременной советской. Нынешняя китайская армия превосходит российскую и по количеству личного состава, и по качеству вооружения, и, как ни прискорбно, по боевому духу.

Кстати, Китай обогнал Германию и стал третьей экономикой мира по ВВП, тем самым подтвердил досрочное выполнение плана, намеченного китайским руководством. В этих планах, между прочим, намечено и решение «тайваньской проблемы» к 2015 году, и становление Китая сверхдержавой к 2030 году. Можно предположить: как только Китай разберется с «тайваньской проблемой», следующей его целью будут российские дальневосточные территории.

У нас осталось 10 лет.. И их не остановят договоры, демаркационная линия по границе и снятие всех противоречий (мы отдали им часть спорных островов и территорий). Наша логика — «мы сняли территориальную проблему», логика китайцев — «мы начали решать проблему». Всегда найдется повод упрекнуть Россию в невыполнении каких-нибудь мелких обязательств.

Что касается наличия у Китая своих «незаселенных территорий», то это большей частью горы и пустыни, то есть территории без плодородных земель, лесов, воды и полезных ископаемых. Эти территории заселе-

ны нелояльными китайским властям тибетцами и уйгурами. То же самое касается Монголии, как внутренней, так и внешней: степи и пустыни, которые никому не нужны.

Другое дело Дальний Восток и Забайкалье. По прогнозам всех футурологов, именно нехватка пресной воды и леса в ближайшие 20 лет будут основной проблемой на Земле. И прежде всего для Китая. А как писал главный теоретик войны Клаузевиц, «война начинается там, где одна сторона контролирует ресурс, нужный другой стороне». Сибирь и Дальний Восток — зеленые «легкие» планеты и самый большой на планете запасник пресной воды. Противоречия и конфликты здесь неизбежны.

Ну и, наконец, про ядерное оружие. Китай, безусловно, не собирается вторгаться на территорию России. Есть современные методы. Есть косовский прецедент. Есть информационное воздействие.

Представим «фантастический сценарий»: Китай начинает информационное воздействие на население Монголии, Бурятии, Тувы, Якутии и проч. Насаждает антироссийские настроения, говорит о столетнем угнетении «русскими империалистами» коренных народов, внедряет идеи независимости, суверенитета... Китай начинает коррумпируют бурятскую, тувинскую, якутскую и проч. элиту, одним словом, создавать предпосылки для осуществления очередных «бархатных революций», целью которых будет объявление независимости или приход к власти антироссийских и прокитайских сил.

Если у США это получилось на Западе, почему у Китая не получится на Востоке? Мы не утверждаем, что все так и будет, но Китай попытается. А если не противостоять угрозе реализации этого сценария, то он сбудется.

Уже сейчас активно в Бурятии, и Туве работают националистические группы и информационные центры. В случае дестабилизации ситуации русское население, которое в некоторых из этих республик и так уже составляет меньшинство, побежит оттуда. Заметьте: речь идет о территориях, которые по площади в десятки раз больше Чечни, представляют из себя сплошные горы и леса, положение осложняет отсутствие элементарных коммуникаций, дорог.. Никакая армия, никакой ОМОН не смогут навести там «конституционный порядок».

А Бурятия, например, контролирует пол-Байкала. Это столь нужный Китаю выход к пресной воде. Марионеточный сепаратистский режим там все это обеспечивает: и вытеснение русских, и транспортировку воды, и строительство коммуникаций с Китаем, и вырубку и вывоз леса. Конечно, позже бурятам не понравится ассимиляция их китайцами, но это потом... Продажная элита и податливое на популизм население часто живут одним днем.

На чисто русских территориях (Амурская область, Приморский и Хабаровский края) будет использоваться тактика массового просачивания, которую, например, применяют мексиканские власти по отношению к США... Как российские погранслужбы будут всех ловить и депортировать? Информация для размышления: куда более богатая Америка не может справиться с куда более малым напором мексиканцев. Неужели наша вечно недофинансированная милиция и погранслужбы сделают то, что не могут сделать вооруженные до зубов американские полицейские, рейнджеры и маршалы?

Сейчас просачивание китайцев идет стихийно, а если будет осуществляться целенаправленно, то мы физически и технически не справимся с выявлением и

депортацией нелегальных мигрантов. Мы погрязнем в бесконечных нотах протеста китайскому правительству, а оно в ответ будет только пожимать плечами.

Ну и наконец, любая организованная провокация (например, русские избивают китайца) вызовет массовые погромы со стороны китайской общины в любом российском городе, когда китайцев там будет хотя бы 30 %. Этот сценарий можно было бы считать «фантастикой» еще несколько лет назад, до того, как весь мир потрясли кадры, снятые на улицах Парижа. Арабы жгут французов, китайцы тоже на это способны в отношении русских.

Любой подобный инцидент вызовет паническое бегство русского населения и новый приток китайцев. И что мы будем делать? Милошевич вводил в Косово войска, но чем все закончилось? В такой ситуации нет повода нажимать ядерную кнопку или хотя бы угрожать ею. Если честно, даже при прямом вторжении (а это возможно на последнем этапе, когда Китай, при одобрении мировой и европейской общественности, объявит о «необходимости защиты прав китаезычного населения, составляющего большинство») никто в российском руководстве не начнет самоубийственную третью мировую войну из-за части, пусть даже и важной, но не критически важной территории.

Все это станет реальной проблемой уже через 10—15—20 лет. Но процессы миграции инерционны, если на Дальнем Востоке вспыхнут «горячие точки», никто из бизнеса ни на каких условиях инвестировать в Дальний Восток не будет. Никакие инвестиции, кроме китайских, туда уже не пойдут.

Поэтому проблему надо решать сейчас: за эти 10—15 лет население Дальнего Востока должно быть увеличено минимум вдвое, до 15—20 миллионов человек. То есть надо переселять на Дальний Восток почти

по миллиону человек в год! Дальний Восток России надлежит развивать ускоренными темпами, никакая стратегия, ориентированная на «воспроизводство и стабильность», с проблемой Дальнего Востока не справится. Как это сделать?

Есть **пять** стратегических концепций решения проблемы Дальнего Востока.

1. Военно-техническая.

Стратегия предполагает, что заселить Дальний Восток все равно невозможно, и никто ни по какой причине сюда не поедет. Тем не менее, он нужен по экономическим и геополитическим соображениям. Следовательно, там в основном должны быть воинские части, способные противостоять любой агрессии.

Учитывая разницу человеческих потенциалов с ближайшими соседями, расчет на человеческий потенциал армии на Дальнем Востоке делать нельзя. Так же как и на атомное оружие. А на что ставить? Скорее всего, на беспилотную авиацию и солдат-роботов, по численности сопоставимым с китайскими вооруженными силами.

Что касается роботов, то о наличии модели и их качествах ничего не знаю, а вот действующий образец самолета-беспилотника, превосходящий на два порядка американские и израильские аналоги по всем качествам, лично видел в российской компании «2Т Инжиниринг». Стоимость такого беспилотника в серийном производстве — 3000 долларов. Пара десятков таких «птиц» может уничтожить дивизию любой армии агрессора, пусть даже она будет прятаться в горах или плыть по морю. Сотни и тысячи таких беспилотников, размещенные вдоль границы, могут противодействовать хоть вторжению миллионных полчищ, хоть просачиванию нелегальных эмигрантов, хоть подавлять группы боевиков-сепаратистов.

Проблема в том, что наше военное ведомство эти беспилотники просто не замечает, предпочитает покупать у Израиля, хотя они на несколько порядков хуже и дороже. Зато есть откаты. И главное, количество этих машин из-за их цены не серьезно. Нет и концепции объединения их в «стаи» и закрытия ими Дальнего Востока и его границ, создания соответствующих командных пунктов, инфраструктуры. Кроме того, данная концепция, хотя ее надо применять, но именно в военной области, не решает вопрос заселения и обустройства Дальнего Востока, а без этого невозможно самим пользоваться богатствами этого региона.

2. Стратегия принуждения.

Данная концепция предполагает размещение на Дальнем Востоке мест лишения свободы или черты оседлости (колоний, мест ссылок, размещения «наказанных депортированных народов» и проч.). Эта концепция использовалась ограниченно правительствами Александра III и Николая II и особенно интенсивно — И. Сталиным.

Очевидно, что в случае попытки пойти по этому пути Дальний Восток превращается в место концентрации криминала. Обычные люди, которые там живут, ничем не заслужили ссылок, ни в чем не виноваты, они будут спрашивать себя, за что их наказали, и будут уезжать. Кому понравится жить среди уголовников?

Эта стратегическая концепция, однако, не исчерпала свой потенциал, но может использоваться очень ограниченно и осторожно для заселения совсем необжитых мест и для формирования из заключенных стройотрядов для возведения коммуникаций.

Отдаленные участки Якутии, Чукотки Магаданской области и проч. могут пополниться такого рода «особым контингентом» и то ограниченно — около сотни тысяч в год. Для реализации неиспользовано-

го потенциала этой концепции требуются поправки в Уголовный кодекс, которые бы значительную часть наказаний заменили принудительной оседлостью. Это должно относиться, прежде всего, к лицам, совершившим нетяжкие преступления.

Для тех, кто находится в местах лишения свободы, надо изменить концепцию исправительно-трудовых работ. Шапки шить можно и на швейных фабриках в Иваново, а на Дальнем Востоке и в Забайкалье требуется строительство мостов, дорог и проч.

3. Индустриальная концепция.

Данная стратегическая концепция предполагает строительство на Дальнем Востоке и в Забайкалье предприятий, инфраструктуры, коммуникаций и проч. Это потребует людских ресурсов, которые там и задержатся. Об опыте «комсомольскихстроек» вспомнил даже бывший премьер-министр Михаил Фрадков. Действительно, данная стратегия использовалась, прежде всего, в СССР во время так называемой «второй волны индустриализации» — строительства БАМа и проч. Но не стоит забывать, что и правительство Александра III, строившее Транссибирскую магистраль, тоже исходило из требований данной стратегии.

Однако в современных условиях эта концепция имеет ряд ограничений. Индустриальный Китай с более дешевой рабочей силой, теплом, коммуникациями делает почти все наше промышленное производство на Дальнем Востоке неконкурентоспособным. Если же говорить не о рынке ширпотреба, а о нише хай-тек, то она занята Южной Кореей, Тайванем и, конечно, Японией.

Кроме того, индустриализация нанесет экологический ущерб. Люди, которые приедут за «длинным рублем», будут иметь «психологию временщиков», Дальний Восток будет неуютным, необустроенным,

вахтовым, в старости все кинутся уезжать в центр. Как показал опыт 1970-х, большинство комсомольцев-романтиков вернулось обратно.

Надо так же помнить, что ребята из движения «Наши» — это не комсомольцы 1970-х, они мечтают работать в Газпроме, а не БАМ строить. Поэтому, за исключением объектов энергетики и коммуникаций (которые будут обслуживать что-то другое, а не промышленные предприятия), индустриализация — невыгодные инвестиции.

Но энергетику, ЛЭП, нефте- и газопроводы, коммуникации и инфраструктуру (все виды дорог, связи) развивать надо. Впрочем, даже и это не позволит (как показывает опыт 1970-х) заселить Дальний Восток более чем лишним миллионом человек, а развернуть индустриализацию в больших масштабах, чем СССР, Россия еще долго не сможет.

4. Стратегия «заманивания».

Стратегическая концепция предполагает, что тем, кто живет или переселяется на жительство на Дальний Восток, даются разные льготы. Например, бесплатная земля в вечную собственность десятками гектаров, большие «подъемные средства», гарантируется полное отсутствие налогообложения мелкого и среднего бизнеса, предлагаются дотационные цены на продукты питания, целевые льготы при получении образования и медицинского обслуживания.

Эта концепция нашла широчайшее применение при Николае II в реформе П. Столыпина, хотя частично применялась до него всеми царскими правительствами и после него, в СССР (особенно в части льготных цен и «бронирования» мест в вузах). Даже когда удалось переселить на Дальний Восток и в Сибирь порядка 5 миллионов человек (показатель, между прочим, что данная концепция эффективнее принудительной

и индустриальной), эта стратегия работала ограниченно. В полностью крестьянской России находилось немало авантюристов и романтиков, несмотря на обещаемые блага «свободного хлебопашества».

Сейчас людей, которые пойдут за бесплатными гектарами и налоговыми льготами, будет существенно меньше. Поэтому данную концепцию надо применять, расширяя ее поле деятельности на иностранных легальных мигрантов. Пусть помогают России колонизировать, пусть принимают российское гражданство африканцы, индусы, латиноамериканцы, а тем более, молдаване, украинцы, кавказцы и проч., все равно их будет немного, опасаться не стоит.

Надо провести рекламную кампанию по всему миру, бросить клич, что Дальний Восток сегодня — это аналог Дикого Запада в США в XIX веке. Пусть едут колонисты со всего света и занимают отведенные территории. Потенциал такой стратегии — привлечение 2-3 миллионов человек. Немного, но уже хоть что-то.

5. Рекреационно-туристическая концепция.

Эта стратегическая концепция в истории России, в отличие от четырех предыдущих, ни разу не применялась. Она предполагает, что будет поставлена цель сделать Дальний Восток местом, приятным для жизни и времяпрепровождения, например, как Сочи и Краснодарский край, только лучше, современнее. И население каждого дальневосточного региона естественным образом вырастет, как в Краснодарском крае. Не фантастика ли это? Есть ли предпосылки? Да, и очень много.

Во-первых, на юге Дальнего Востока довольно тепло, во всяком случае, не холоднее, чем на курортах Балтийского и Северного морей. Во-вторых, в огромном количестве есть все для рекреационных объектов: прекрасная природа, чистейший воздух, вода, море, грязь,

термальные источники, травы и проч. В-третьих, рядом располагаются культурные очаги восточные медицины (массаж, суджок и проч). В-четвертых, есть поле для экстремального туризма, рыбалки, охоты, спортивно-ориентирования, осмотра редких птиц, животных и проч. В-пятых, и это, пожалуй, главное, в непосредственной близости от российского Дальнего Востока находится огромное количество потенциальных потребителей туристических и рекреационных услуг.

Расчет изначально делается не только на россиян, из которых, кстати, 90 % ни разу не были на Дальнем Востоке и тоже захотят побывать (а это 100 миллионов потенциальных туристов). Главное же, что рядом с Дальним Востоком находится огромный индустриальный Китай, средний класс которого уже составляет 200 миллионов человек, и этот средний класс может себе позволить отдыхать и лечиться в экологически приятном месте. Учтем, что сам индустриальный Китай имеет по всем экологическим оценкам самые неблагоприятные условия для жизни.

Реальность большинства индустриальных районов — это пыль, железо, бетон и отсутствие зеленых деревьев, чистой воды и чистого воздуха даже в ближайшей сельской местности. Добавим к потенциальным потребителям 150 миллионов богатых и интересующихся миром, любящих путешествовать японцев. Вспомним, что поблизости находятся богатые Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур. Для них российский Дальний Восток — интересная северная экзотика.

Жители этих тропических территорий, в отличие от нас, страдают не от недостатка тепла, а от недостатка прохлады! Российский турист любит юг, а житель Гонконга выберет для отдыха север.

Рядом с Дальним Востоком находится и богатое западное побережье США. Если учесть и его, то мы об-

наружим, что почти миллиард человек потенциальных туристов в данный момент вынуждены отдыхать и восстанавливать силы в других местах, зачастую очень далеко от места жительства, даже в другом полушарии.

Действительно, никто даже потенциально не может быть на этом поле конкурентом России. Китай экологически неблагоприятен, Австралия в основном — пустыня, Тибет — горы и проч.

Давайте оценим потенциал рынка. Если миллиард человек гипотетически побывает в России, и за неделю-две пребывания оставит по 1000—2000 долларов, это составляет сумму в 1—2 триллиона долларов, что в 2—4 раза больше всех наших золотовалютных резервов и стабилизационных фондов. Это больше, чем годовой ВВП России! Вот о каком потенциальном рынке идет речь!

Можно предвидеть возражение: миллиард туристов заманить на Дальний Восток невозможно. Никто не спорит, у всех есть здравый смысл. Никто не думает, что можно принять на Дальнем Востоке сразу миллиард человек. Но это можно ставить целью на 10 или 20 лет. То есть триллионы долларов можно получать и по частям, они от этого не станут меньше.

Давайте задумаемся над такими цифрами: в год в Риме, например, побывало 16 миллионов туристов, а через три года, по планам итальянского правительства, будет 20 миллионов. При этом население Рима с пригородами составляет 3,9 миллиона человек, в туристической отрасли занято меньше половины. Почему бы России не сделать на Дальнем Востоке три «рима», чтобы получать по 50 миллионов туристов в год? Например, один на Камчатке, один во Владивостоке и один на Байкале.

Россия имеет уникальное позиционирование в мировом массовом сознании: это «самая большая стра-

на в мире», Россию знают все, все проходят Россию в школах. Большинство государств не могут похвастать тем, что их знают во всем мире, следовательно, издержки на рекламу России, как места лечения и отдыха, ниже, чем для многих других. Можно не сомневаться: 90 % жителей земного шара и так хотели бы побывать в России, как самой большой и загадочной стране. Более того, два миллиарда могут себе это позволить, и один из этих миллиардов живет прямо рядом с Дальним Востоком! То есть Россия имеет почти бесконечный потенциал роста этого рынка, являясь на нем почти естественным монополистом.

Такие туристические и рекреационные услуги, как на нашем Дальнем Востоке нигде в мире получить нельзя, тем более, и получатели рядом. Мнение о том, что в Риме «есть, что посмотреть, а на Дальнем Востоке нет» — несостоятельно. Большинство туристов, и это подтверждают многочисленные опросы, едут на отдых «за здоровьем» и веселым времяпрепровождением, а не за историческими достопримечательностями. Тот, кто считает данный сценарий фантастикой, должен подумать вот о чем: маленький и нищий Египет смог построить Хургаду и Шарм-аль-шейх, то есть мощные туристические центры, которые приносят Египту десятки миллиардов долларов в год дохода. Почему мы не в состоянии сделать три «хургады» на Байкале, во Владивостоке и на Камчатке и зарабатывать деньги?

Давайте представим, как мог бы выглядеть туристический центр, например, на Камчатке.

1. Большой современный аэропорт.

2. Энергетический комплекс (газ есть на севере Камчатки, нужен газопровод, кроме того, нужны приливные электростанции и ветряки: с ветром и приливами там порядок, плюс энергия термальных источников).

3. Современные широкие автострады, связывающие основные туристические пункты.

4. Современные большие отели и масса маленьких пансионатов.

5. Большой вертодром для вертолетных прогулок и для транспортировки к удаленным объектам, например, к вулканам и гейзерам.

6. Облет вулканов — хорошая экскурсия. Тот, кто хоть раз видел фантастические озера космических цветов и рельефов на месте вулканических кратеров, всю оставшуюся жизнь будет вспоминать это и советовать всем друзьям посмотреть.

7. День в «долине гейзеров» — еще одна экскурсия. Это уникальное место на Земле.

8. Банные и бальнеологические комплексы на горячих и артезианской воде. Камчатка вся испещрена минеральными источниками, разных солей, разных цветов и температуры. Мертвое море и Карловы Вары рядом не стоят.

9. Всевозможные восточные массажи и иглотерапии, фито- и ароматерапии.

10. Аквапарки с океанской водой.

11. Морской порт, пассажирский, туристический. Для проката и прогулок по Тихому океану. Отдельно — услуги для заядлых рыбаков, участие в океанской рыбалке.

12. Ловля камчатского краба. Для миллиардеров.

13. Аналогично: рыбалка в реке, ловля лососевых.

14. Охота на медведя в лесу, в горах. Тоже только для миллиардеров.

15. Спуск в кратер потухшего вулкана. Для экстремалов.

16. Посещение этнической деревни. Как живут настоящие ительмены, коряки и проч. Пляски шамана, бубны, этническая еда, покупки фигурок ворона-кут-

ха и шкур медведя, поделкок, шапок, бус, камней из вулкана и проч. безделушек.

17. Исторический музей и музеи воинской славы. Есть большая история освоения Камчатки, в том числе французами и англичанами, есть знаменитая «оборона Петропавловска», которая закончилась победой, в отличие от обороны Севастополя.

18. Экскурсия на настоящую подводную лодку, погружение в океан.

19. Океанариум с уникальной океанской флорой и фауной.

20. Горные лыжи. Там масса гор и можно делать трассы, только в Швейцарии просто горы, а там можно кататься с вулканов. И потенциал, стать горнолыжным курортом, ввиду близости потребителей, у Камчатки выше, чем у Швейцарии.

21. Кто хочет, может поехать на Охотское море, там своя экзотика.

22. Кто хочет, может слетать на самолете или на яхте сплавать на Командорские острова и посмотреть на морских котиков и колонии птиц.

23. Рестораны разных видов, особенно с рыбной и морепродуктовой кухней.

24. Игорный бизнес, только, не подражающий Макао и Лас-Вегасу, а какой-нибудь оригинальный.

25. И многое другое.

Главное, что такого места с сочетанием всех этих прелестей нет больше нигде в мире (разве что Исландия, но для китайцев, японцев и южноазиатских «тигров» она далеко). Неужели этого мало на две — три недели отдыха? Неужели человек, который приедет на две — три недели, не оставит тут минимум пару тысяч долларов?

Сколько Россия вкладывает в сочинскую инфраструктуру? Приблизительно 15 миллиардов долларов. На Дальнем Востоке на создание одного туристичес-

кого центра, аналогичного описанному, необходимо вложить столько же (а можно, кстати, и больше, с прицелом на проведение зимней Олимпиады какого-нибудь 2030 года).

Если сделать общемировые туристические презентации на всех языках, во всех странах, с показом этого современного сервиса и нетронутой природы, если заключить контракты с ведущими туристическими агентствами мира (их можно изначально допускать как соинвесторов проекта), то можно разрекламировать весь этот комплекс не меньше, чем пресловутый Рим. Учтем, что в Рим ездят в основном европейцы, которых всего 300 миллионов, а на Дальнем Востоке поблизости потенциально миллиард потребителей!

По приблизительным расчетам, на полной проектной мощности, один описанный туристический комплекс будет иметь валовую прибыль до 30 миллиардов долларов в год. Чистая прибыль составит, примерно 3 миллиарда долларов. Таким образом, при полной проектной мощности окупаемость всего комплекса составляет четыре — пять лет. Если хозяйствующие субъекты будут выходить к проектной мощности в течение 10 лет, то уже за это время инвестиции оправдаются, и станут приносить прибыль. А сегодня Камчатка — глубоко дотационный регион и «съедает» разными способами из федерального бюджета почти по полмиллиарда долларов в год...

Точно такие проекты, но с учетом местной специфики, можно написать и для Байкала, и для Владивостока. Нет тут ничего невозможного. Мы предлагаем инвестировать в очень выгодный проект. И при этом решить геополитические задачи развития Дальнего Востока и обороноспособности России!

Такие масштабные проекты, с государственными гарантиями, привлекут десятки миллиардов долларов час-

тных иностранных инвестиций! Фирмы, которые будут владеть всеми этими объектами, могут выходить на IPO... и привлекать деньги инвесторов по всему миру. И прежде всего, японских и американских, которые потом будут вынуждены отстаивать уже свои интересы на российском Дальнем Востоке, в пику геополитическим и экономическим интересам Китая. Им, японцам и американцам, усиление Китая не нужно, кроме того, и по геополитическим соображениям они тут союзники России.

Как же реагировало на эти вызовы Правительство М. Фрадкова, подвергнувшееся серьезной критике В. Путина во время его пребывания на Камчатке и ушедшее в отставку через неделю?

Начальник департамента стратегии социально-экономических реформ Саид Баткибеков на одном из совещаний, посвященных росту товарооборота между Россией и Китаем, высказал сомнение в целесообразности вмешательства государства в развитие туристической отрасли, так как туристическая отрасль «и так бурно развивается». Он исходил из неолиберальной модели экономики, согласно которой человек есть «человек экономический», которому свойственно всегда и везде стремиться к прибыли. Если где-то есть что-то прибыльное, то люди сами все сделают и не надо им мешать. А если в мире чего-то где-то нет, значит, скорее всего, прибыль там тоже невозможна, и не надо пытаться заниматься делом, которым никто не занимается.

Одним словом, «невидимая рука рынка» все устроит, а если не случится такое, то неустроенное достойно гибели. Жаль, что таких экономистов и советников не было рядом с египетским руководством, когда оно решило развивать Хургаду. Советники бы быстро объяснили руководству, что «раз тут ничего нет, то, наверное, и невыгодно, а ежели станет выгодно, то все само вырастет». До сих пор бы росло...

Если исходить из этой логики, то при условии, что ту же Камчатку в год сейчас посещает не более 10 тысяч туристов, которые узнают о ней сами, так как рекламой никто не занимается, и даже если отрасль будет «бурно развиваться», то есть в течение года, например, продемонстрировать рост на 30 %, то чтобы достичь миллиона туристов в год (а не 10 миллионов, как мы хотим), Камчатке понадобится 17 лет!

Дело в том, что никаких «человеков экономических» на Камчатке нет, никто из тех, кто там занимается туризмом, не стремится к развитию, а просто изнашивает капитальные фонды (например, те же вертолеты, которые достались после приватизации по низкой цене). Камчатские предприниматели не мыслят в масштабах миллиардов долларов — разве что в масштабах пары десятков тысяч, и ни у кого там не родится соответствующий инвестиционный план. И даже если бы этот план родился, то без участия государства его не осуществить. Нужно договариваться с военными и пограничниками, нужны землеотводы, нужно участие Минсельхоза и Минприроды по вопросу о заповедниках и рыбных угодьях...

Новая редакция Федеральной Целевой Программы «Развитие Дальнего Востока и Забайкалья в 2008—2013 годах», одобренная правительством М. Фрадкова, к сожалению, исходит не из туристическо-рекреационной стратегии развития Дальнего Востока, и даже не из показавшей свою историческую эффективность «стратегии заманивания», а из позднесоветской малоэффективной индустриальной стратегии.

Так, планируют построить два нефтехимических завода, делают ставку на алюминиевый завод и атомную станцию(!!!)... Мало того, что это даст не более 200 тысяч рабочих мест, это еще и убьет экологию (точнее, репутацию экологически чистого места), которая есть

основной ресурс для туристическо-рекреационной модели развития Дальнего Востока.

В рамках программы есть ответы на вопросы об объектах инфраструктуры, но нет ответов на вопрос об освоении территории, привлечении и удержании больших масс людей. Совершенно не задействован потенциал (пусть и ограниченный) «принудительной стратегии» и «стратегии заманивания».

Есть в ФЦП, конечно, и положительные стороны. Например, планируется большой рывок в строительстве коммуникаций и инфраструктуры. В регионе будет построено 3600 километров автодорог, 5000 километров линий электропередачи, 15 аэропортов и 10 морских портов. Решено делать огромный мегаполис из Владивостока, недаром здесь будет расположен одна из четырех в стране зон разрешенного игорного бизнеса. Это уже влияние туристической модели», хотя и явно недостаточное. Так, на Владивосток, в рамках ФЦП выделяется всего 4 миллиарда долларов, то есть в четыре раза меньше, чем необходимо для конкуренции с мировыми туристическими центрами. А вся ФЦП планирует выделение 14 миллиардов долларов на весь Дальний Восток и Забайкалье, то есть в три раза меньше, чем нужно.

Российское правительство должно ставить себе более амбициозные планы и обратить внимание на огромный потенциал туристическо-рекреационной концепции развития Дальнего Востока.

О ПАТРИОТИЗМЕ И МОЛОДЕЖИ

Если вам 20 лет или около того, значит, вы принадлежите к поколению, которое через 20 лет будет править Россией. А значит, Россия будет такой, какой сотворите ее вы. Действительно, через 20 лет те, на чьих

плечах сегодня лежит судьба России, станут пенсионерами, другие будут еще молоды. 20 лет — не так много, это ровно столько, сколько вы уже прожили. Следующие 20 лет пролетят быстро. Но сколько может случиться за эти годы! Через 20 лет мир будет абсолютно непохож на нынешний. Не верите? Что происходило с нашей страной, пока вы росли и выросли?

Вернемся на 20 лет назад. Сегодняшние молодые не узнали бы мир, в котором появились на свет. И дело не только в том, что тогда не было интернета, персональных компьютеров и мобильных телефонов, а нефть стоила всего 10 долларов за баррель.

Главное, на Земле существовала еще одна сверхдержава — СССР, куда входили, кроме России, еще 14 сопредельных стран, в том числе Украина, Грузия, Молдавия, страны Балтии, те, кто сегодня стремится стать членами НАТО или уже ими стали. Не было никаких войн в Чечне и вообще никаких межнациональных проблем, представители разных национальностей соревновались друг перед другом в гостеприимстве. Руководители Чехии, Польши и других стран Восточной Европы, в том числе части Германии (ГДР), приезжали в Москву получать указания и даже в страшном сне не могли представить, что на их территориях будут стоять натовские военные базы.

Не было косовской проблемы, албанской, хорватской, сербской, македонской... Потому что Югославия была единой страной, и при этом процветающей — недавно там в Сараево прошла зимняя Олимпиада. Евросоюза, а тем более валюты евро, не существовало даже в проекте. Зато по всей Европе бушевало «зеленое» и антивоенное движение (поддерживаемое СССР), молодежь пикетировала натовские военные базы, устраивала марши мира и готова была через несколько лет взять власть и сказать: «Гуд бай, Америка!».

На СССР ориентировалось полмира. Большая часть стран Африки, Ближнего Востока, Латинской Америки, часть Юго-Восточной Азии. Неприсоединившиеся страны, типа огромной Индии, находились в дружеских отношениях. Большинству из молодых развивающихся стран СССР помогал материально. В Москве учились сотни тысяч иностранных студентов.

Валовой национальный продукт СССР был всего в полтора раза меньше, чем у США, а ведь США грабили другие страны мира, а не помогали им. Диктаторские фашистские режимы, которые Америка поддерживала, чтобы американские корпорации могли грабить экономику этих стран, падали один за другим. При этом «горячих точек» на Земле было раз-два и обчелся: пара в Латинской Америке, пара в Африке, Палестино-Израильский конфликт, Афганистан... Таких точек сейчас десятки по всему миру. А операций, вроде тех, что США предпринимали против Югославии, Ирака, Афганистана, не было и быть не могло. Даже маленькое вторжение США на Гренаду вызвало величайшую бурю возмущения в мире. В самой Америке люди рыли под своими загородными домишками бомбоубежища на случай ядерной войны. Так их запугало собственное правительство «русской угрозой».

СССР опережал США в космической отрасли, у нас было даже больше спутников на орбите, не говоря уж про орбитальные станции, которых США вообще не имели. Мы были первыми в авиастроении, в ряде фундаментальных наук (некоторых отраслях физики, в математике). Десятки тысяч лучших мировых ученых работали и преподавали в СССР, а не в американских университетах, как сейчас. СССР брал больше всех золотых медалей на всех Олимпиадах. Население России (внутри СССР) росло, а не уменьшалось почти на миллион человек в год, как сегодня. И при этом не

было безработицы, все были обеспечены недорогими продуктами питания, жильем, хорошей бесплатной медициной, лучшим в мире бесплатным образованием, детскими садами, возможностью заниматься спортом, культурно отдыхать.

Уровень преступности был ниже в несколько раз. Родители не боялись с четырех лет отпускать детей на улицу без присмотра. По всем мировым показателям благополучия (ВВП на душу населения, доля людей с высшим образованием, продолжительность жизни и проч.) СССР занимал места в первой двадцатке стран мира, а по основным — в первой десятке (из более чем 200 стран!). Нобелевские лауреаты по экономике (например, В. Леонтьев) предсказывали нам к 2000 году четырехкратный рост ВВП и полное решение острой жилищной и продовольственной проблем.

Эти предсказания не сбылись... Как и многие другие. Например, Китай был тогда, 20 лет назад, символом нищеты и отсталости. Все предсказывали огромный рост экономики Японии. Но Япония с тех пор топчется на месте, а Китай вырывается в мировые лидеры.

Что же случилось? Как же так быстро, за 20 лет, сильно переменялся мир? И главное, почему он переменялся в худшую, опасную и невыгодную для нас, да и пожалуй, для всех, сторону? А если тенденции останутся прежними, то какой же ужас ждет всех нас еще через 20 лет? Все то же, но в несколько раз хуже? И Россия распадется, и «горячих точек» в мире станет еще больше? Может, весь мир превратится в одну «горячую точку»?

С другой стороны, никто не поручится, что через 20 лет не будет США или Евросоюза, нет гарантий, что Китай обманет прогнозы, а стремительно расти будет, например, Индия...

Каким будет мир, во многом зависит от тех, кто сегодня принимает решения, а через 20 лет будет зависеть от нынешних молодых. Так же как и 20 лет назад все зависело от поколения тех, кому тогда было 40 лет. Нет никаких «тенденций» и «трендов». В истории не действуют фатальные закономерности! Любое историческое мгновение может стать точкой перелома даже самой неминуемой тенденции.

Многие опасные для России тренды уже удалось изменить на позитивные во время правления В. В. Путина, другие предстоит изменить. Но прежде чем ответить на вопрос: «Что делать?», мы должны прояснить, кто запускает опасные для России сценарии. За всеми «тенденциями» стоит чья-то воля. Они не берутся с неба, их запускают те, кто знает, что историю творит человек.

Тогда, 20 лет назад, у власти в СССР стояли люди, убежденные, что существуют некие «законы истории», аналогичные законам природы, согласно которым во всем мире должен победить «коммунизм», а «капитализм», наоборот, рано или поздно проиграет. Приближать победу коммунизма можно и нужно (и это делалось), но все равно это только некая помощь тому, что и так произойдет — своего рода «закат солнца вручную». Поэтому борьба за мир и за разоружение, и помощь национально-освободительным движениям велась в «штатном режиме», никто не требовал результата к конкретной дате.

Иное дело США. В 1980 году избранный президентом США Р. Рейган сказал: «После Второй мировой войны мы были сильнее Советов, во времена Хрущева мы были на равных, сейчас мы отстаем». Он решил переломить гибельную для Америки тенденцию. Бывший голливудский актер, знающий толк в рекламе и манипуляциях массовым сознанием, был уверен, что

людей можно убедить в чем угодно, даже вопреки очевидным фактам. Рейган играл ва-банк, для него это был последний и решительный бой.

Многочисленные суммы тратились на формирование в нашей стране сети агентов влияния, которые с помощью лживой подрывной литературы должны были, по сути, перевербовать элиту страны, интеллигенцию. Подпольно, из рук в руки, передавались миллионы так называемых «самиздатовских» брошюр, которые под видом «скрываемой от народа правды» смешивали с грязью наше прошлое, настоящее, а тем самым и будущее.

Все население СССР входило в «золотой миллиард» человечества по уровню благосостояния, целые континенты, сотни стран жили хуже, чем большинство жителей нашей страны. Но элита (а затем и все население) постепенно проникалась убеждением, будто живет чуть ли не в самой худшей в мире, самой бедной, самой отсталой стране. Экономический рост тогда был по 3 % в год (именно столько США показывают последние пять лет и мало беспокоятся), но жители СССР были уверены, что страна катится в пропасть, а правительство и государственная власть — самые некомпетентные в мире. Возникли присказки и поговорки «Только в этой стране может быть...», а дальше автоматически цеплялся какой-нибудь недостаток, наверняка, знакомый всему человечеству (очереди, мусор, бюрократия и проч.).

Еще в середине 1970-х американцам путем интриг и провокаций удалось создать «горячую точку» возле нашей границы, в Афганистане, и руководство страны приняло решение ввести туда войска. США решили выжать из этого факта максимум. Мало того, что непопулярную и непонятную войну проклинали внутри страны, США провели пиар-кампанию по всему миру

(частью которой был бойкот Олимпиады в Москве) и добились торможения строительства наших газопроводов в Европу (что лишало экономику части запланированных доходов).

Поставляя оружие афганским боевикам, США превратили афганскую операцию в настоящую войну и представили ее в арабских странах как войну СССР с мусульманским миром. Под этим предлогом Рейган уговорил арабских шейхов нанести экономический удар по СССР — увеличить добычу нефти и снизить ее мировую цену в несколько раз.

В СССР возник серьезный дефицит продовольствия. Используя влияние Римского Папы, поляка Иоанна Павла II, в Польше была создана антиправительственная организация «Солидарность», которая начала забастовки. Предполагалось, что это послужит примером для всех других стран и для народа СССР.

Удары сыпались на престарелое руководство нашей страны один за другим. Последним ударом был блеф Рейгана по поводу Стратегической Оборонной Инициативы (СОИ) — космической системы, которая якобы нейтрализует советские ядерные ракеты. Хотя специалисты убеждали М. Горбачева, что такую систему создать невозможно, он, в обмен на прекращение финансирования СОИ, пошел на сокращение вооружений по американскому сценарию, а также согласился на политику «гласности». Это означало, что теперь все антигосударственное подполье легально могло вести агитацию.

Газеты и журналы, издаваемые миллионными тиражами, очерняли каждую страницу нашей истории. Людей готовили к тому, что они, недочеловеки, обязаны внимательно слушать, что им говорят из-за границы, записывать их рецепты и приказы и строго следовать им, раз уж сами ни на что не способны.

Когда в 1988 году Рейган покинул свой пост, СССР уже не был страной, которая, по признанию того же Рейгана, в 1980-м была «впереди США», СССР был нанесен смертельный удар. Уже в 1989 году по всей стране вспыхнут забастовки, в республиках СССР пройдут кровавые межнациональные столкновения. А еще через два года не будет СССР, и власть перейдет к людям, которые станут слушать американских советников.

С побежденным не церемонились. Началось натуральное разграбление страны под видом «реформ», сотни миллиардов долларов текли на Запад, к победителям. В России свирепствовал криминал, открытое мошенничество (МММ), страну сотрясали забастовки, постоянные выборы, межнациональные конфликты, шла война в Чечне, то и дело следовали теракты. Население стало сокращаться по миллиону в год, ВВП упал в два раза. Только сегодня удалось восстановить уровень «предреформенных» лет, а значит, почти за 20 лет мы вернулись на то же место, с которого начали «реформы». Россия потеряла 20 лет, тогда как другие страны продолжали уходить в отрыв.

Да, СССР не был совершенным, как любое другое государство. Устаревшая идеология, низкая вертикальная мобильность, приводившая к застою элит, к несменяемости власти, отсутствию «свежей крови», скованность частной инициативы, неумение реализовать огромный научный потенциал и многие другие проблемы. Но это вопросы технического порядка. Реформы были необходимы, но для них не обязательно было разрушать страну до основания, отбрасывать экономику на полвека назад, уничтожать собственное население (избыточная смертность за годы реформ превысила два миллиона человек — столько Российская империя потеряла в Первую мировую войну!).

Цели и задачи реформ должны были произрастать из наших собственных проблем и потребностей, а не браться из советов западных «специалистов», которые действовали, исходя исключительно из интересов Запада.

И все-таки эти 20 лет прошли не напрасно. Мы получили бесценный опыт, опыт холодной войны. 1000 лет Россию пытались покорить силой, каждые 100 лет против нас организовывалась интервенция, грозящая полным уничтожением нас как государства. Гитлер, Наполеон, Карл XII, польская интервенция... И каждый раз мы побеждали.

В конце XX века был применен новый способ. Государство разрушили мы сами, потому что нам помешало сознание, уничтожили нашу историческую память. Любую неприятность, даже прыщ на заднице, нас научили связывать с недостатками государства. А лечение недостатков учили искоренять самым радикальным образом (по принципу: гильотина — лучшее средство от перхоти).

Нам говорили, вся проблема в коммунизме. Дескать, холодная война велась против этой идеологии. Она оказалась несостоятельна, и поэтому мы остались в проигрыше. Что ж, сегодня коммунисты в России имеют поддержку всего 10—15 % населения. Казалось бы, США и НАТО давно пора успокоиться и сказать: мы выиграли холодную войну, а теперь, когда коммунизма нет, — мы ваши друзья!

Однако мы наблюдаем интересную картину: методами, которыми производились «бархатные революции» в Восточной Европе, сегодня делаются «цветные революции» в странах СНГ. Мы видим, что блок НАТО перешагнул границы бывшего СССР, и сегодня идет речь о вступлении в НАТО Украины, исторической части России — Руси. В Чехии и Польше уста-

навливаются системы противоракетной обороны, той самой СОИ, которая была блефом у Рейгана и которая стала реальностью у Буша. А ведь когда Горбачев давал согласие на объединение Германии, его заверяли, что блок НАТО вообще не будет расширяться, а гонки вооружений в космосе не будет тем более. Сегодня НАТО науськивает против России своих шавок — Грузию и Прибалтику. Европейские газеты каждый месяц устраивают новую травлю России, как в худшие времена холодной войны.

Но с кем продолжают вести эту войну, если коммунизм уже побежден? Войну продолжают вести с Россией. А коммунизм и 20 лет назад был только прикрытием, способом заставить воевать против своей же страны слишком легковверных граждан. Некоторые из них каются: «Мы целили в коммунизм, а попали в Россию», а некоторые так до сих пор и продолжают воевать против своей страны, прививая народу «комплекс неполноценности».

Но раз война не кончена, то нельзя и говорить, что наша страна проиграла холодную войну. Да, проигран бой, но не война. В 1941 году мы тоже потеряли территории, на которых проживало 40 % населения и был сосредоточен серьезный экономический потенциал. Мы понесли тяжелые потери, но потом оправались и дошли до Берлина. Пока Россия жива, война не окончена, и мы, получившие бесценный опыт, прививку от антипатриотической заразы, победим врага тем же мечом, с каким он пришел к нам! Мы еще дойдем до Вашингтона, то есть сделаем им в Америке свою «бархатную революцию»!

Но пока рано говорить об этом. Да, за время правления президента России В. В. Путина России удалось сойти с пути в историческое небытие. Был остановлен распад страны. И дело не только в умиротворении

Чечни. Сейчас мало кто помнит, но еще 10 лет назад «всенародно избранные губернаторы» приезжали в Москву как удельные князья и разговаривали с президентом чуть ли не на равных, выторговывая себе огромные куски государственной собственности и федерального бюджета. А если учесть, что за каждым губернатором стояли финансирующие его выборы олигархи, нетрудно представить, что приватизации подверглись не только крупные предприятия, но целые территории вместе с населением.

Путин восстановил государственность России, ее суверенитет. Из правительства были вышвырнуты всевозможные иностранные советники, которые, по собственному признанию, занимались именно разрушением экономики в угоду Западу (чего стоят откровения бывшего главного экономиста Всемирного банка Дж. Стиглица).

За последние годы ВВП России почти удвоен, и мы наконец-то достигли предреформенного уровня. Начала увеличиваться рождаемость. Укрепляются армия и флот. Выплачены огромные внешние долги, сделанные Горбачевым и Ельциным. Сформирован огромный стабилизационный фонд и золотовалютные резервы.

Но все эти достижения — не повод успокаиваться. В мировой холодной войне эти победы можно сравнить с победой под Москвой в 1941 году. Враг остановлен, мы доказали сами себе, что можем побеждать и рассчитывать на собственные силы, но до Сталинграда и Курской дуги, до коренного перелома еще далеко.

Список проблем России, наверное, не уместился бы нескольких листах. По-прежнему смертность превышает рождаемость, население сокращается. По-прежнему критически обстоят дела с продовольственной безопасностью и сельским хозяйством. Половину

продуктов мы завозим из-за рубежа, а значит, зависим от внешних поставщиков, в любую минуту могущих взять нас за горло. Территории Дальнего Востока обезлюдели, на них с вожделием смотрит растущий Китай. На юге поднимает голову исламский экстремизм и терроризм. С Запада России угрожает НАТО.

По сути страна зажата с трех сторон, и при этом внутри страны нет чувства опасности. Огромная часть населения, особенно сельского, просто спивается. Другие, чуть более благополучные, имеющие работу, погрязли в мелком потребительстве. Их досуг — бесконечные телесериалы у телевизора или игры у компьютера, а предел мечтаний — поездка за границу.

К тому же Запад не прекращал со времен перестройки финансирование огромного количества некоммерческих организаций, которые продолжают распространять антигосударственную и антипатриотическую идеологию и заражать ею широкие слои интеллигенции.

Трудно что-то требовать от людей старшего поколения, чей пик жизненной активности пришелся на период главного идеологического удара Запада по нашей стране, на время тотальной манипуляции и тотального антипатриотизма. Их антигосударственная закваска настолько крепка, что почти не поддается перевоспитанию. Но эти люди уже и не нуждаются в перевоспитании. Их золотое время ушло. Они хозяйничали в стране в мрачную эпоху конца 1980-х и 1990-х. Эти «шестидесятники» (поколение, бывшее молодым в 1960-е годы) показали свою гнилую сущность и они должны уйти с исторической сцены. За их умы не стоит биться. Имеет значение только то, что думает молодежь.

Сознание молодежи — вот настоящее поле боя. Если молодежь будет патриотичной, будет видеть в государственных делах свое дело, Россия имеет все

шансы на выживание, и курс, начатый во время президентства Владимира Путина, будет продолжен и получит опору в самой сильной, энергичной, растущей, здоровой части нации. Россия будет расти и мужать вместе с ростом и возмужанием нынешнего молодого поколения.

Что же представляет собой это «поле боя» — сознание современной молодежи? Будем честными: картина не очень привлекательна. К сожалению, нужно констатировать: разрушение сферы образования было одним из главных приоритетов Запада. В течение полутора десятков лет и до сих пор в школах и вузах обучаются по учебникам истории, чей выпуск финансировал скандально известный американский магнат Джордж Сорос. Вместо настоящей истории России школьники и студенты впитывали русофобские мифы.

Такое школьное образование подкреплялось и внешкольной массовой культурой. Были забыты отечественные мультики и фильмы. Десятки теле- и радиоканалов транслировали продукцию Голливуда — этого огромного «рекламного агентства», стоящего на службе у западных правящих кругов и имеющего целью утверждение на всей планете западных культурных стандартов. Эти стандарты плохи не потому что они западные, а потому что делают представителя любой другой культуры нестандартным, неполноценным, человеком третьего сорта, который обязан смотреть в рот западным лидерам и выполнять их команды хоть в политике, хоть в экономике.

Если молодой американец живет в сфере неких позитивных иллюзий (например, он уверен, что Америка выиграла Вторую мировую войну, первой полетела в космос и вообще является лучшей страной в мире), то молодой россиянин, наоборот, как бы не испытывает иллюзий. Он во всем разочарован, ко всему относится

цинично. Часто он даже не знает, кто выиграл Вторую мировую войну и кто первым полетел в космос, а главное, не хочет знать.

В учебе он ленив и нелюбопытен, потому что учеба неинтересна и не вдохновляет. Бессмысленная учеба находит свое продолжение в таком же бессмысленном отдыхе. Бесконечные дискотеки, походы за «Клиниким», тусовки, бесцельные встречи, расставания, убивание времени... Если для старшего поколения религией были деньги, то нынешняя молодежь не озабочена даже этим. Недаром стремительное развитие получило движение «Эмо», пропагандирующее бессмысленность существования, депрессию, декаданс, жалобы на жизнь, даже суициды и членовредительство.

Впрочем, принадлежность какому-либо движению — это признак продвинутой, рефлексии, принципиальности. Большинство же просто играет в компьютерные стрелялки, смотрит фильмы с Брюсом Уиллисом, пьет пиво или употребляет легкие наркотики. Все это сочетается с повальной симуляцией учебного процесса. Рефераты и курсовые скачиваются из Интернета, тесты на экзаменах угадываются или срисовываются со шпаргалок. Иногда дипломные «корочки» просто покупаются.

Современные молодые люди в большинстве своем ни на что не годны как профессионалы. Их не возьмут на высокооплачиваемую работу. А жизнь в постоянной нужде при наличии потребительского взгляда на жизнь, стимулируемого рекламой, вызывает в лучшем случае озлобленность, в худшем толкает в криминал.

В малых городах и на депрессивных территориях эта проблема достигает критической точки. Большинство подростков, лихо заломив кепку на затылок и перемежая речь блатными и матерными словечками, видит для себя героев в тех, кто уже «отсидел», сумел

сколотить свою «бригаду», кто, на худой конец, просто умеет хамски разговаривать с милицией, учителями, представителями власти.

Студентам из крупных городов, из интеллигентных семей трудно в это поверить, но на самом деле приезжему молодому человеку, а тем более девушке в депрессивном городе, невозможно дня провести на улице и не испытать той или иной формы «приставания».

Могут возразить, мол, не слишком ли мрачная картина? Сколько молодых людей проявляют активную жизненную позицию, учат английский язык, устраиваются на любую работу, например, в «Макдональдс» или в сетевой маркетинг. Разве все они не честно пытаются заработать трудовую копейку? Разве они не активны? Разве они ленивы? Многие из них идут еще дальше: рискуют наниматься на работу в другие страны — в Канаду, США, Англию. Работают нянечками, уборщиками, чернорабочими, а не сидят на шее у родителей....

Может быть, у кого-то эти факты и вызывают гордость и слезы умиления за наше молодое поколение, но давайте представим американских молодых людей, которые бросили все и через ту же систему «Work and travel» приезжают работать в отдаленные городки Сибири и Урала санитарями в больницах, поломойками, продавцами со-сисок. Представим себе, что перед своими родителями они оправдываются тем, что «поехали подучить и усовершенствовать русский язык». Абсурд, не правда ли?

Давайте будем честными: найти работу, причем достойную, можно и в нашей стране. Молодежь едет на Запад и готова унижаться за копейки, но это компенсируется тем, что перед своими сверстниками из России, друзьями и подругами они будут выглядеть «круто», потому что работают на Западе и знают английский язык.

Помогать нашим ветеранам в доме престарелых — это не круто, а быть уборщицей в доме какого-нибудь, возможно, бывшего фашистского офицера — прикольно. И даже студенты из так называемых престижных вузов мечтают о стажировках и аспирантурах в западных университетах второго сорта, мечтают попасть на работу в иностранные компании. У всех этих «лучших представителей современной российской молодежи», активной и учащей иностранные языки, нет элементарного уважения не только к собственной стране, но и к самим себе. А это вещи взаимосвязанные. Не только я — часть России, но и Россия — часть меня. И если я эту часть не уважаю, то буду испытывать постоянный комплекс неполноценности, и это увидят окружающие, и они будут обращаться с таким человеком соответствующим образом.

И опять можно предвидеть возражение: разве вся наша молодежь антипатриотична? Разве не каждые несколько дней по телевизору показывают акции нацболов или скинхедов, которые обвиняют власти в продажности Западу или ведут уличные бои с чернокожими студентами? Разве не бьет тревогу вся наша интеллигенция по поводу излишнего роста в среде молодежи экстремистских националистических настроений? «Патриотизм — прибежище негодяев», — говорят они. Дескать, только те, кто ни на что не годен, находит себя, самореализуется в патриотизме.

Не нужно обманываться! Принципиально выступая против государственной власти, нацболы, например, играют на руку тем, кто хочет расколоть Россию, дестабилизировать ситуацию и прервать экономический рост. Не важно, что они не используют прозападные лозунги. Вспомним «цветные революции» на постсоветском пространстве. Они тоже часто совершались под лозунгами борьбы с криминалом, коррупцией,

бедностью. В итоге, к власти пришли те, кто ворует еще больше, но при этом держит курс на НАТО. Не важно, под какими лозунгами будет сделана революция, важно, кто придет к власти. А уж властью Запад признает только того, кто угоден самому Западу.

Псевдопатриотизм скинхедов вообще оборачивается своей противоположностью. Все солидные государства в мире стремятся расширить свое влияние, пропагандировать свой язык, обучать у себя студентов из других стран. Мы должны радоваться, что где-то люди копят деньги, чтобы приехать к нам учиться, а потом, вернувшись на родину, быть по сути агентом влияния России.

Когда скинхеды избивают чернокожих, они наносят ущерб позитивному образу России в мире, а значит, ведут антироссийскую деятельность. Не важно, какими лозунгами они прикрываются: настоящий патриотизм — это любовь к своей стране, а не ненависть к чужим. Ненависть к чужим нациям — это фашизм. Тот самый фашизм, который победили наши деды. И эта победа — самая славная страница истории России. Когда сегодня фашисты ходят по улицам наших городов — это осквернение памяти дедов и их подвига. Такое же осквернение, которое совершают натовские шавки в Прибалтике, когда демонтируют памятники нашим солдатам.

А есть и откровенные прозападные движения. Правда, некоторые существуют только на бумаге или в медиапространстве. Всевозможные «ПОРА», «Оборона», «Молодежное «Яблоко», «Да!» не насчитывают и пары десятков членов. К тому же все они пляшут под дудку заграничных заказчиков. В слабых государствах таким молодежным движениям удалось сыграть свою деструктивную роль, поучаствовать в фальшивых «цветных революциях» и привести к власти мари-

онеточные проамериканские режимы. У нас в случае серьезной дестабилизации и серьезного финансирования эта «пятая колонна» готова тут же вылезти из щелей и выполнить свою провокационную предательскую функцию.

Впрочем, не эти малочисленные поедатели западных грантов представляют реальную опасность, и даже не скинхеды с нацболами, доля которых в молодежной среде не составляет и 2 %. Истинная опасность исходит от основной массы миллионов равнодушных, немобилизованных, не видящих никакого смысла в своем существовании, растрчивающих свою энергию впустую молодых людей.

Трудно представить, чтобы, например, во время войны, когда немцы рвались к Москве, наши деды в тылу ходили бы на танцы, пьянствовали, играли в карты, да еще ругали бы государство: мол, такое-сякое, не защищает их социальные права — не дает жилье, не обеспечивает работой. А ведь сейчас, когда идет холодная война, когда НАТО размещает реальные, а не виртуальные базы у границ России, когда НАТО захватило уже историческую территорию влияния России, подавляющее большинство нашей молодежи половину своих разговоров ведет о музыке, шмотках, тачках, мальчиках-девочках, игровых автоматах, компьютерных игрушках. Да еще и брюзжит на государство, которое, оказывается, чего-то им должно.

Холодная война по своим последствиям не менее опасна, чем горячая. Посмотрите на российскую глубинку: разрушенные фермы, запустелые поля, каменные скелеты бывших заводов и фабрик. Ощущение такое, будто смотришь на кадры военной хроники, где показывают, как вся страна подверглась бомбежке.

На самом деле вместо настоящих бомб в России были взорваны информационные бомбы холодной

войны. Это они поразили наше сознание и волю, сделали так, что мы сами разрушили и собственную промышленность, и собственное сельское хозяйство. Миллионы людей умерли, хотя должны были по всем законам демографии продолжать жить: умерли от пьянства, от безысходности, погибли в криминальных войнах, от не оказанной вовремя медицинской помощи. А сколько не родились?

Зачем пушки и пулеметы, если мы сами прекрасно убиваем себя: Россия стоит на первом месте в мире по числу аборт, миллионы детей не появляются на свет. Экономические потери от проигрыша в холодной войне тоже гораздо больше, чем экономические потери от вторжения Гитлера. Так что не надо недооценивать холодную войну.

Любая горячая война по своей сути — это война не за уничтожение людей или экономики. Ее цель сломать волю и сознание народа, заставить его покориться, превратить в раба. Если этой цели, а именно слома воли и изменения сознания, можно достичь не военными методами, а через пропаганду, то горячая война оказывается ненужной. Если мы уже ведем себя как побежденные, если с восхищением смотрим на Запад, если нам наплевать на судьбу собственной страны, значит, мы уже сдались, мы уже жертвы.

И все-таки надежда есть. Сегодняшняя ситуация радикально отличается от той, что была в 1980—1990-е годы. В это время молодежь, подверженная страшным манипуляциям, даже не осознавала, что с ней происходит. Сегодня «проснувшихся» становится все больше и больше. Появляются истинно патриотические движения. Это клубы следопытов, скаутов, военно-спортивные клубы, поисковые отряды, православные молодежные движения, огромное движение реконструкторов (тех, кто воссоздает исторические события,

битвы, а значит, всерьез занимается историей). Все это наши союзники!

Важно еще и то, что это новое поколение не сможет проиграть холодную войну, потому, что в холодной войне победа достается тому, чья воля и разум тверже. Все эти новые молодые люди новой России уже никогда не променяют Родину за джинсы и жвачку, как это делали несколько предшествующих поколений молодежи. Это новое поколение уже получило прививку от антипатриотической заразы. Оно уже не наступит второй раз на грабли, не поддастся западным манипуляторам! Это поколение закалено и надежно как сталь! Оно — крепкий фундамент, на котором можно построить здание будущей великой России! И основа этой надежности — наш искренний, настоящий патриотизм!

Зачем нужен патриотизм? Какая от него польза? Разве не достаточно, что молодой человек сегодня овладевает сложными знаниями, современными профессиями и будет приносить пользу Родине непосредственно на своем рабочем месте. Делай хорошо свое дело, хорошо учись, плати налоги — вот и будешь патриотом...

К сожалению, не все так просто. Статистика свидетельствует: из России каждый год уезжает более 50 тысяч профессионалов, а всего за 1990-е годы, годы смуты и антипатриотического угара, страну покинули более полумиллиона ученых, профессионалов, как правило, молодых.

Убыток от этой эмиграции не поддаются подсчетам. И дело даже не в том, что каждого из этих 500 тысяч страна растила, обеспечивала образование, охрану здоровья, безопасность. Дело в другом: культурный и интеллектуальный человек такое же богатство нации как нефть и газ, это даже большее богатство.

Именно благодаря инновациям и работе квалифицированных кадров, растет производительность труда, растет ВВП. Недаром США «перекачивают мозги» со всего мира. А начинается все просто. Уже студентом тебе предложат поехать подработать в Макдональдсе или, если ты студент престижного вуза, просто в «бесплатную» турпоездку для изучения языка. А когда ты станешь специалистом, тебе гарантируют высокий гонорар. И наше «профессионалы», воспитанные по принципу «Родина там, где меньше налоги и больше платят», с удовольствием бегут работать на чужого дядю.

Кстати, в самой Америке патриотизм принимает порой гипертрофированные формы: они не боятся переборщить. Они знают, что страна, в которой нет патриотов, обречена на бедность, вымирание и исчезновение. Кто-то скажет: легко американцам быть патриотами, ведь их страна самая могущественная и богатая, а как быть патриотами в нашей стране? Ответ прост: именно в нашей стране только и можно быть настоящим патриотом. Настоящий патриот не тот, кто любит страну, только пока она процветает, а тот, кто любит и защищает ее именно в тяжелый момент, тот, чья вера в эту страну только ее и спасает! Поэтому путь к богатству, процветанию, успеху страны начинается с патриотизма, а не наоборот!

В советской школе был серьезный технократический перекося, обусловленный ставкой на «профессиональное» образование. Математику, физику, химию зубрили по пять дней в неделю на уровне, соответствующем европейским университетам. Забрили все подряд, чтобы через 10 лет одни все начисто забыли, а другие, став хорошими учеными, уехали на Запад. В то же время отечественной истории уделялся один урок в неделю и то после четвертого класса, правоведение

изучалось только в старших классах как неосновной предмет. Вот и выросли целые поколения «специалистов по синхрофазатронам», не знающих, что такое Родина и готовых променять или развалить ее в любой момент.

Крупнейшая геополитическая катастрофа века — крушение СССР. Она не могла произойти без поддержки широких слоев элиты, интеллигенции. Будем честными: за антинародные реформы Гайдара и Чубайса голосовали все наши наукограды. Не «знаний и профессионализма» не хватило нашей интеллигенции в самой читающей стране мира. Не хватило патриотизма, желания и умения разобраться, кому на самом деле выгодны «Беловежские соглашения» и приватизация.

И еще один, позитивный, пример. Наши деды и прадеды в 1941—1945 годах, наверное, не блистали знаниями, широким умом, эрудицией и были «профессионалами» в своих профессиях не больше немцев или японцев. Но они победили, спасли 200-миллионную страну от уничтожения, от геноцида. Спасли не только свою страну, а весь мир от коричневой чумы. Просто у них было главное — патриотизм. Любое государство сильно патриотами и существует в истории до тех пор, пока есть его патриоты.

Ну, ладно, патриотизм — это хорошо. А зачем нужен активный патриотизм? Зачем развешивать ленточки на улицах, выходить на митинги к посольствам? Зачем махать флагами? Разве недостаточно в душе осуждать теракты или быть несогласным с осквернением памятников советским воинам-освободителям? Что толку от митингов на улице, где-то в другой части света, если лично я не смогу реально повлиять на конкретную ситуацию?

Чтобы ответить на этот каверзный вопрос, давайте разберем конкретный пример. Зачем террористы на-

пали на школу в Беслане? Им что, чем-то помешали сотни детей? Нет, дети-жертвы были нужны для привлечения внимания. Важно было заявить на всю Европу о «борьбе за независимость», воспользовавшись таким «информационным поводом». Важно, чтобы часть российского общества потребовала от властей «сесть за стол переговоров» с представителями сепаратистов.

Так вот, когда заказчики теракта видят, как, например, сотни тысяч жителей Рима выходят со свечами на улицы и встают в живые цепочки, они внезапно понимают, что просчитались: Европа, оказывается, не с ними, она с детьми Беслана. Она не оправдывает терроризма. А что это значит для всех нас? Это значит, что заказчики теракта больше не будут действовать такими методами, они поняли, что это не работает!

А если бы люди в Риме не вышли со свечами, а подумали: мы своими свечами ничем не поможем далеким осетинским детям, так что будем осуждать терроризм в душе? Как бы тогда заказчики теракта узнали, что они просчитались? Никак! А возможно, даже бы подумали, что Европе все равно, что она «молчаливо одобряет», а значит, нужны новые теракты...

А вот в самой России со свечами на улицы городов никто не вышел. Все молча перед экранами телевизоров «осудили»... На митинги протеста молодежь пришлось организовывать. Конечно, никто не был против участия в этих акциях. Но многие так и не поняли, зачем махать флагами и чем это поможет пострадавшим... Не поняли, что демонстрируя солидарность и единство, они, прежде всего, помогали себе, давали понять террористам, что их никакими терактами не возьмешь, а значит, бесполезно эти теракты организовывать!

В каждой американской семье есть национальный флаг. В случае крупных побед (спортивных или воен-

ных — неважно) или, наоборот, трагедий, американцы вывешивают свои флаги, демонстрируя единство нации, показывая всем, что народ невозможно расколоть никакими ударами, а значит, не стоит и в будущем пытаться это делать.

Кроме того, американцы демонстрируют поддержку своего правительства, показывают, что действия, которые оно осуществляет, — не только его, правительства, действия, оно непосредственно уполномочено народом. Они даже подталкивают правительство к определенным действиям, без всяких социологических зондажей проявляя свою волю и показывая, чего именно ждут от власти. Народ таким образом сам осуществляет непосредственную власть.

Представьте, какой страх испытали бы несколько сот тысяч эстонцев (власти которых оскверняли могилу воинов-освободителей), если бы по соседству 150 миллионов россиян в один день активно выразили бы свой протест, а главное, потребовали бы от властей жестких мер. Наверное, охота совершать провокации и «дразнить медведя» исчезла бы надолго. Но сейчас плевки в сторону России натовских мосек продолжают. Потому что огромная страна молчит и утирается.

Молчание всегда можно истолковать в ту или в другую сторону. И в России, и на Западе полным-полно писак, которые объясняют равнодушие и пассивность россиян «тайным несогласием с властью», страхом сказать свое слово. Дескать, россияне только и ждут, как придет иноземная армия освободителей. А если бы мы не были равнодушны и не молчали, подобным рассуждениям не было бы места, и не выделялись бы миллиарды долларов на дестабилизацию в нашей стране. Враги поняли бы, что это бесполезно, и оставили нас в покое.

Пора понять: то, что не проявлено, то не существует. Невозможно быть лучшим бегуном, сидя на трибуне. Нельзя быть добрым, не совершая добрых дел. Тот, чей патриотизм ограничивается собственной кухней, — не патриот.

ЧТО ТАКОЕ МОДЕРНИЗАЦИЯ?

Только ленивый не говорит о модернизации России, которая видится не просто лекарством от кризиса, но единственной возможностью выживания России. По крайней мере, так заявил президент в своем ежегодном послании Федеральному Собранию. На самом деле мало кто представляет, что такое модернизация и как понятие, и как практика.

Давайте попытаемся ответить на этот вопрос. Кстати, предложения, которые высказываются в книге, есть именно предложения по модернизации, а не личные мечты автора. Я писал по принципу: «вы просите песен — их есть у меня!», то есть если вы хотите модернизацию, я расскажу, что на самом деле означает это требование. Это оставляет открытым вопрос: как именно сам автор относится к модернизации.

Кризис как шанс

Текущий мировой экономический кризис, как и любой кризис, есть переход из некоего «состояния А» в «состояние Б». «Состояние Б» еще не ясно мировому сообществу, поэтому переход может длиться сколь угодно долго, ведь это путь блужданий, путь проб и ошибок, рискованных экспериментов. Кризис будет долгим, с подъемами и спадами, пока некое «новое»

не появится на горизонте и не подчинит своей власти все сферы жизни на Земле.

Мировой кризис, поразивший нас, не является кризисом финансовым и вообще экономическим. Это кризис потери видения будущего. Мир в застое, и самое обидное, что данный кризис не просто борьба старого и нового, а то, что это «новое» не видно даже на горизонте. Подобно тому, как первобытные общества сменили первые государства и империи, подобно тому, как феодальные общества сменил современный капитализм (в том числе в форме госкапитализма), современное общество будет заменено каким-то другим, новым обществом.

Осуществление на своей территории неким государством комплекса мер, которые дают искомое «состояние Б», сразу делает это государство «государством будущего», моделью для подражания. Поэтому комплекс посткризисных идей является одновременно и комплексом антикризисных идей, хотя последний имеет, безусловно, свою специфику (тушат пожар одним способом, а сгоревший дом восстанавливают другим). Комплекс посткризисных мер, осуществленный на территории данной страны, создает эффект притяжения мирового капитала, эффект гуманитарного и социального лидерства государства.

Именно в этом смысле кризис может быть шансом для России. Не важно, что данная страна имеет сейчас проблемы или потенции, важно, идет она прямо к посткризисному миру либо тормозит, блуждает, пытается сохранить статус-кво, движется в противоположном направлении.

Слишком большая привязанность к настоящему скорее даже минус с точки зрения прорыва в будущее. И если нынешний мир — это скорее мир Америки, то логика подсказывает: Америка больше всех будет со-

противляться этому будущему и всеми силами будет сохранять настоящее. Первыми осуществив комплекс посткризисных идей, мы должны создать условия мирового лидерства России, повышения ее гуманитарной, социальной и экономической конкурентоспособности, инвестиционной привлекательности.

Огромное количество экспертов говорит о необходимости модернизации России. Предполагается, что «мир будущего», «состояние Б», — это мир модерна. Допустим, так. Попытаемся сделать выводы из этого допущения и сгенерировать «мир будущего», исходя из принципов модерна. Но прежде чем попытаться обрисовать хотя бы вчерне этот мир будущего, посткризисный мир, мы должны понять: а чем собственно является мир настоящего? Каковы его истоки и как получилось, что мир пришел к тем проблемам, к которым пришел? Как возможно лидерство в нынешнем мире и как оно будет возможно в будущем?

Возникновение модерна

Современность справедливо начинают отсчитывать с Нового Времени. Но почему это время вдруг стало «новым» и что собственно «нового» в этом Новом Времени?

Дело в том, что в западной философии, начиная с Нового Времени (прежде всего, с Декарта) происходит радикальное изменение в понимании «бытия», то есть в онтологии. Теперь бытие понимается как «представление», а не как «созданность», «тварность», как в Средние Века. «Представление» есть не представленность неких объектов или образов, а прежде всего, представление, принадлежащее тому, перед кем представление разворачивается, представление того, кто эти образы и объекты имеет.

Человек обращает внимание впервые за историю не на содержание познания, а на то, кто это содержание имеет. Представление наличествует у некоего субъекта (в переводе с латинского — подлежащего), то есть некоего господина сущего-в-целом. Все ставится перед ним, все разворачивается перед ним. «Я могу сомневаться во всем на свете, — говорит Декарт, — я не могу сомневаться только в том, что есть я сам, сомневающийся».

«Мыслью, следовательно, существую». Это радикальная революция. Ведь ранее полагали, что Абсолютная Истина находится где-то вне человека, человек может лишь стремиться к ней через познание или духовные, телесные и прочие практики. Теперь же ясно, что Абсолютное и Истина (понимаемые как «несомненное») совсем рядом, внутри человека.

Философская традиция Нового времени дает различные варианты субъекта (индивид у просветителей, «разум» у Канта, «Абсолютное Я» у Фихте, «Абсолютная Идея» у Гегеля, общество и передовой класс у Маркса, Сверхчеловек у Ницше и проч.). Не будем углубляться в философские различия. Важно то, что это приводит к радикальному изменению всей западной культуры. Отныне ничего не должно решаться без субъекта.

В религии раньше человек был ориентирован на Церковь и должен был спрашивать благословения и совета по каждому поводу. Оценка его поступков осуществлялась вынесенной во вне совестью в лице священника. Новое время означает снижение роли Церкви и личный выбор веры или неверия в Бога, а также выбор конфессии.

В искусстве это означает творение не по заданным образцам, а «гениальную интуицию» субъекта и его «самовыражение». Только теперь становятся возмож-

ными направления из серии «я так вижу мир, давайте спорить». В крайнем случае, искусство направлено на то, чтобы вызвать удовольствие других субъектов или провоцировать их сильные «переживания».

В политике теперь невозможно, как ранее, терпеть то, что какой-то «наместник Бога» — монарх все за тебя решает. Невозможно терпеть привилегии дворян. Ничто без субъекта! Это означает конец вассальной зависимости и выборность всех органов власти (**демократия**). Тут исток всех революций Нового времени.

В экономике ранее человек был связан общиной, феодальной зависимостью, цеховой и корпоративной этикой и правилами. Эпоха субъекта означает конец феодальной зависимости и конкурирующие, а так же договорные отношения **на рынке** между свободными экономическими агентами. Без революции в философии и этого субъекта не было бы и современного рынка.

В философии это означает, что область метафизики (того, что находится над природой) перемещается из области божественного в область общественного, в область истории, политики. Собственно метафизика — это и есть общество. Оно сверх природы. Это все открывает область «политической онтологии». Философия, онтология теперь неизбежно становятся историчными и политичными.

Человек-субъект утверждает свою самость повсюду: он сам теперь выбирает себе не только Родину и проч., но время смерти, и даже выбирает себе пол (например, в современных концепциях эвтаназии и транссексуальности).

Но является ли каждый встречный уже сразу и субъектом? Можно ли считать субъектами представителей нецивилизованных народов и традиционных обществ, коль скоро они тоже обладают мышлением? Почему в прежние времена люди, будучи так же мыслящими,

не были субъектами и не строили свою жизнь так, как предписывают законы Нового времени, то есть на основах рынка, демократии и проч.?

Философы отвечают, что субъектами все являлись потенциально, потому что не знали, что они субъекты и не волили свою субъективность как свою сущность, сознательно и радикально. Поэтому и в прежние времена были элементы рынка, демократии, культурного и технического новаторства, только случайным, а не закономерным образом. А теперь все поставлено на твердую основу: человек знает себя и сознательно хочет быть тем, что он есть. Различить же потенциального и реального субъекта очень просто. Картезианец Б. Спиноза так определяет субъекта: он есть «causa sui», «причина самого себя». Он не может быть ничем определен. Спиноза говорил об идеальном и совершенном субъекте, Боге, но в этом определении уже звучит позднее американское «self-made man», нам более понятное.

Позвольте, но ведь каждый человек определен, то есть ограничен множеством разных феноменов: своей физиологией, местом своего рождения, временем, исторической ситуацией, родителями, религией, традицией, культурой, половой принадлежностью, классовой принадлежностью, воспитанием, национальностью... Все это определилось ДО него и БЕЗ него, поэтому он не может быть «причиной» этих определенных... Как же быть?

Всему этому объявляется решительный бой. Все это должно быть пересмотрено, переудостоверено субъектом. Если субъект считает что-то неразумным, он имеет право выбросить это на помойку истории. И даже если субъект что-то находит полезным для себя, то принятое им должно быть принято свободно, собственным выбором.

Доходит до парадоксов. Например, нельзя носить хиджаб просто потому, что так делали матери и прабабки, но можно, если это собственный выбор. Поэтому подозрительно, когда хиджабы носят арабы (и прогрессивные европейцы выступают против этого), и похвально, когда эти же хиджабы носят европейцы, принявшие ислам, или же просто европейские мусульмане (и вот тут-то прогрессивный политкорректный европеец не борется с хиджабом, а борется с тем, кто непolitкорректно заставляет мусульманина его снять).

Свою актуальную субъектность человек должен доказать. Но лучше всего показать и доказать он ее может только одним способом, который сразу же делится на два жеста: во-первых, показать свою независимость от старого, через ревизию традиции, во-вторых, показать свою способность творить новое!

Новое! Новое становится настоящей религией. Именно поэтому время становится Новым временем, модерном. Господство «новостей», нужных только для того, чтобы сообщать о действиях субъектов (тех, кто делает «новое» и «новости», ньюсмейкеры), и господство СМИ, которые новости добывают, передают и разносят, — есть атрибут Нового времени и продукт революции, совершенной Декартом.

С Нового времени начинается различие традиционных и инновационных обществ. В отличие от традиционного общества, где всякого новатора ждало или порицание или, например, смерть (представьте: какой-то дурень решил сеять пшеницу не как деда сеяли, а по-новому... можно ли подвергать риску всю общину?), в обществе модерна инновациям не сопротивляются, их приветствуют, о них много говорят. Традиционное общество держалось на том, чтобы противостоять инновациям или адаптировать их. Если

традиционное общество сталкивалось с тем, что оно не могло переварить, оно гибло, распадалось. Общества, которые научились принимать инновации и даже делать их своей стихией, — есть общества модерна и они являются лидерами мирового порядка, истории, прогресса.

Благодаря инновациям удалось решить многие проблемы традиционных обществ: мы победили множество болезней, эпидемии теперь не выкашивают до трети населения стран, инновации сократили детскую смертность, население Земли теперь растет огромными темпами. Инновации увеличили производительность труда, и это позволяет хоть как-то прокормить такое население, что прежде было бы невысказимо. Инновации обеспечили доступ большому количеству людей к образованию, к сокровищницам культуры, науки и техники. Инновации освободили массы людей и обеспечили им политическое участие, реализацию их прав и свобод. Инновации сделали мир удобным, комфортным за счет различных, невиданных ранее вещей.

Да, есть еще голод, экологические проблемы, не все люди умеют читать, не все обеспечены медицинской помощью и удобными вещами... Но это, говорят поклонники модерна, не от инноваций, а от их недостатка. Обновление техники решит экологические проблемы, инновации в сфере биоинженерии и экономики помогут накормить людей, инновации в СМИ и коммуникациях обеспечат образование, а в медицине обеспечат продление жизни...

Тревожные симптомы

Однако мы видим тенденцию сокращения инноваций. 30 лет назад философ О. Тоффлер написал книгу «Футурошок», где прогнозировал новую болезнь, с

которой столкнутся люди в результате стремительного наступления будущего, постоянного стресса и смены образа жизни. Философ ошибся. Сознание людей может заблуждаться насчет прогресса, но отсутствие серьезных мутаций человека говорит о том, что «организм не обманешь». Да, есть много чудачков, принимающих «новый улучшенный шампунь» за прогресс, новую версию Windows за инновации, а «оранжевую» революцию за всемирно-историческое событие, но в реальности мы должны констатировать: все эти улучшения и «новости» — лишь имитация новаторства.

И ровно так же обстоит дело во всех сферах жизни. Техника и производство стагнируют. Огромное количество патентов скуплено на корню транснациональными корпорациями и не запускается в производство, потому что еще не отбились инвестиции, вложенные в старые технические проекты. Капитализм тормозит прогресс, как это делал социализм. Крупная экономика давно уже плановая, просто индикативные ориентиры устанавливают другие институты, а не Госплан.

В начале XX века, когда люди пересели с извозчиков на автомобиль, они думали, что через 50 лет будут летать по воздуху, еще через 50 лет фантасты писали о мгновенной транспортировке (разобрали тело на молекулы, а через 10 тысяч километров собрали), но мы уже 100 лет ездим на автомобилях, хотя давно изобретены закрывающие этот вид транспорта альтернативы. Да и если быть честным, не так уж много по-настоящему фундаментальных открытий сделано. Число ученых в мире сокращается, открытия мельчают.

Пресловутый интернет, кстати, по данным различных исследований, не так уж принципиально поменял и экономику, и жизнь в целом. Его новаторский вклад переоценен. 50 лет назад Гагарин полетел в космос, а мы думали, что уже в XXI веке будем летать на звездо-

летах и колонизировать Марс. Но американцы даже на Луну за 40 лет еще раз не слетали (что, кстати, ставит под вопрос достоверность первой экспедиции).

Где новые источники энергии? Где безотходное производство? Где лазерные бластеры и «пыльные тропинки далеких планет»? Где роботы, которые полностью заменили человека на производстве и дали ему свободное время для творчества? Про «антигравитаторы», «таблетку бессмертия» и «машины времени» даже не будем напоминать... А ведь наука не могла поставить себе целей, которых не состоянии достигнуть...

В политике мы уже 250 лет носимся с «демократией» и не только не можем придумать новый дискурс, но даже не сознаем такую задачу, повторяя на всех уровнях заклинания о свободах, правах, о борьбе с авторитаризмом... Настоящей идеологией всех государств является старая добрая геополитика с ее принципами «разделяй и властвуй», «у нас нет вечных друзей и врагов, а есть вечные интересы» и проч. Все разговоры об общих интересах — прикрытие, способ запутать геополитических соперников, надуть их посильнее. Разговоры о демократии, в частности, выполняют эту функцию.

В мировой экономике продолжается борьба свободного рынка и изоляционизма (протекционизма) уже 200 лет. Та же эксплуатация одних стран другими. Колониализм, конечно, сменился неоколониализмом, но и самому неоколониализму уже 50 лет. Кроме того, экономический дискурс не обновлялся 100 лет.

Со времен Локка и Монтескье никто не выдумывает ничего в системе управления государством. Все то же пресловутое «разделение властей», «сдержки и противовесы». Везде одни и те же парламенты и президенты, хотя столько слов сказано о плюрализме!

Армия — сфера, для которой инновации равносильны выживанию, принципиально не менялась уже более 50 лет. Все эти истребители четвертого и пятого поколений напоминают как раз «новый улучшенный шампунь». Реально никаких прорывов со времен атомной бомбы нет. Собственно ее наличие и отсутствие до сих пор определяет расклад сил в мире.

Пенитенциарная система не менялась принципиально лет 200, с тех пор как отменили телесные наказания и ввели штрафы и заключение. Медицина вызывает сильные подозрения в шарлатанстве: ей несколько тысяч лет, а она не научилась даже лечить насморк. Как известно, и леченый, и не леченый насморк проходит ровно за неделю. Разница в продолжительности жизни в 10—15 лет в сравнении с двумя веками ранее, не впечатляет. Да, уменьшилась детская смертность и смертность от эпидемий старых, но появляются вирусы и болезни новые, и к ним медики не готовы.

Современное искусство, ранее бывшее источником социальных и гуманитарных инноваций, давно и напрочь потеряло этот статус. Люди искусства либо маргиналы, либо удачливые медиа-карьеристы, но никак не новаторы.

В сфере религии, даже признавая некое возрождение в исламе и православии, трудно отделаться от ощущения, что святые, пророки, творцы новых религий, а не мелких сект, стали подзабывать наш мир и не появлялись уже слишком давно.

Обилие философов-постмодернистов говорит о том, что мы переживаем эпоху количества, а не нового качества. Философов было много в эпоху Просвещения. Много, но ни одного настоящего. Как грибы после дождя, они плодились в эпоху Возрождения. И мы сейчас с трудом вспоминаем их имена. Количество, не переходящее в качество, наблюдалось и в эпоху элли-

низма. Нет, не Тоффлер со своим «Футурошоком», а Фукуяма с «Концом истории» оказывается прав, хотя последнего засмеяли настолько, что он в ужасе сам отказался от своей концепции. И напрасно.

Вместо инноваций нам предлагают разговор о них и занимаются симуляцией инновационной деятельности. Можно привести много симуляций из области политики, экономики, техники. Сфера, от которой зависит будущее человечества, сфера, где это будущее производится — сфера образования — полностью подверглась симуляции.

Сегодня нередки случаи фальсификации учебных работ. Абитуриент-филолог на выбрал на вступительном сочинении свободную тему. Он сам придумал название, сюжет и главных героев произведения «современного советского писателя», критически разобрал конфликт этого произведения и его «мораль». И получил пятерку. Другой студент-социолог написал диплом, в котором постоянно цитировал несуществующие, но якобы переведенные им работы современных западных социологов. Он закончил с «красным дипломом». Большое количество студентов не-отличников не были столь изобретательны, они просто заказывали старшекурсникам и аспирантам написание рефератов, курсовых, дипломов, а затем и диссертаций.

Интернет придает всему этому процессу еще более гротескные формы. В сети можно скачать все. Целые порталы рефератов, курсовых и дипломов. На учебных развалах — коллекции дисков со школьными сочинениями, ответами на вопросы по всем видам экзаменов. В подземных переходах — дипломы любого вуза страны.

Сегодня существуют целые программы, типа «антиплагиат», позволяющие найти источник сданных преподавателю рефератов и курсовых. Однако про-

тив хэнд-мэйд или, точнее, брейн-мэйд работ, эти программы бессильны. И они не способны выявить сфальсифицированные ссылки и источники, так как хороший фальсификатор может позаботиться насчет того, чтобы сначала запустить в Интернет псевдоссылки и псевдоупоминания придуманных им ранее работ и авторов.

Преподавательское сословие тоже не отстает от моды. И дело не только в вульгарном взяточничестве на экзаменах. Сама пресловутая научная жизнь сводится к повторению десятилетиями читаемых лекций, к постоянным публикациям тезисов виртуальных конференций (на которых никто не выступает и уж точно не ведет научных дискуссий), к формальным защитам, где все предварительно оговорено с оппонентами и рецензентами, а главная фаза — банкет.

Профессора путешествуют по межрегиональным форумам и круглым столам, тусуются в надежде получить новые связи и информацию о грантах. Выполнение этих грантов тоже симулируется, но это, как ни странно, мало заботит грантодателей, которые просто осваивают фонды и часто получают откаты.

Чрезвычайно распространено виртуальное соавторство, взаимное договорное цитирование и даже (высший пилотаж) раскрутка псевдопроблем, под решение которых выбиваются ресурсы из правительства и иных внебюджетных источников и организуются псевдонаучные коллективы¹.

Получение премий, научных званий и степеней оказывается тем символическим капиталом, ко-

¹ Известный интеллектуал-физик Фримен Дайсон, например, говорит, что пресловутые нанотехнологии есть плод раскрутки псевдопроблемы группой высокопоставленных научных шарлатанов, выбивающих бюджеты из простаков в правительстве.

торый превращает ученого в медийный персонаж, псевдоэксперта (пользуясь своим влиянием, он способен пролоббировать любые бюджеты по любой проблеме для дружественного научного коллектива).

С развитием и становлением бизнеса в эту сферу приходит и коммерческий интерес. Ученые подписывают псевдоэкспертные заключения о полезности или вреде тех или иных материалов, продуктов питания, промышленных проектов. Организуются псевдоассоциации и институты (вроде «Всероссийской ассоциации стоматологов»), которые активно участвуют в прямой рекламе и влияют на продажи. Социологи пишут липовые отчеты для политиков и публикуют заказные рейтинги и формирующие опросы (опросы, где важна информация, содержащаяся в вопросе, а не сам ответ).

Многим «открытиям» придается сенсационная форма, чтобы книги имели коммерческий успех (как вам название: «Вирус СПИДа — выдумка биологов?»), а сделанная на основе «открытия» продукция хорошо продавалась (возьмите распространенные сейчас диеты на основе группы крови).

Согласно одному из исследований, большая часть публикаций в одном из ведущих западных научных журналов была написана учеными, которые непосредственно получали деньги от фондов и организаций, заинтересованных в определенных результатах исследований. Таким образом, все это не только наша, но и западная тенденция.

Повсеместное распространение тестовой системы облегчает работу преподавателей и облегчает симуляцию студентам. Когда критерии оценки заранее известны, не надо много труда, чтобы подогнать все что угодно под критерии и требования. Единственный

действенный способ борьбы с симуляцией выглядит аморально и нелегитимно — это крайний субъективизм преподавателя. Если профессор перед экзаменами заявит, что никаких билетов и заранее заданных вопросов не будет, что он будет спрашивать все, что захочет, и оценивать, как ему вздумается, невозможно будет даже написать шпаргалки, придется учить действительно ВСЕ.

Подгонка под заданную матрицу и критерии является главным навыком современного образования, а господство матрицы и критериев тем самым только укрепляется. Это же касается и такой специфической матрицы, как псевдосенсационное разрушение «основ», которое идет повсеместно и не ведет к разрушениям, так как количество таких «опровержений и разрушений» и их фантастический вид только обесценивают и дискредитируют все «разрушительные и революционные» результаты, заставляя публику искать спасение в уютной традиции (например, «творчество» лже-историков Носовского и Фоменко только укрепляет традиционную историографию и дискредитирует все возможные действительно иные новаторские попытки посмотреть на исторический процесс, источники, факты).

Несмотря на огромное количество узких экспертов в самых различных областях, ни все вместе, ни в отдельности они не производят инновации ни вообще, ни в своей сфере ответственности. Они выступают «говорящими головами», их ареопаг есть высшая власть в сфере знания, но система не по силам (вопреки афоризму «знание — сила») ни одному из них, ни всем вместе.

Мировой кризис — это кризис отсутствия инноваций, в том числе в социально-гуманитарной сфере.

Принцип Феникса

Получается, что Новое Время, эпоха модерна, подошли к концу? Недаром же давно говорят о постмодернизме. Но как оно могло подойти к концу? И исчерпан ли потенциал модерна на самом деле? Давайте приглядимся к феномену субъектности и истоку инноваций в Новое Время.

На изломе истории, в период перехода от традиционализма к Новому Времени, стали враждовать два принципиальных мировоззрения. В средневековье главным было происхождение, традиция. Аристократ получал все блага жизни уже с рождения. Новый человек, капиталист вынужден был всего добиваться сам, своим трудом.

Только то, что завоевано трудом, ценится высоко, только то, что взято усилием и собственной жизнью, настоящее. Настоящая свобода, например, не у аристократа, родившегося свободным, а у раба, который освободился.

Кроме того, в Новое время устанавливаются новые отношения между провинцией и столицей. Столичный житель как бы автоматически имеет все, провинциалу еще только предстоит покорить столицу. Он не в центре, он в эксцентричном положении. Поэтому именно провинциалы, типа Наполеона обладают повышенной пассионарностью. Они имеют возможность видеть некую культуру со стороны, иметь точку опоры вне ее. А как говорил Архимед, дайте мне точку опоры и я переверну Землю. Маргиналы переворачивали!

Мы подошли к очень важному моменту. Принципиально важно для субъектности начинать свой путь с досубъектного и внесубъектного, эксцентричного состояния. И принципиально важна граница, отделяющая потенциального субъекта (человека прошлого,

варвара и проч.) от субъекта реального, человека, который свою субъектность доказал принесением чего-то нового, трудом, творчеством, господством.

Гегель парадоксально заявлял в «Феноменологии духа», что стадия рабства — необходимый этап в становлении свободы. Свобода всегда есть не данность, а процесс освобождения. Свобода подобна велосипеду: она падает, когда стоит, а не едет.

С Гегелем солидарен Ницше: воля-к-власти либо растет, либо ее нет. Свободу нельзя иметь, ее можно только практиковать, скажет еще позже Фуко. А сколько других философов высказывалось в подобном духе: Фихте, Маркс, Сартр, неомарксисты... Мысль для эпохи модерна настолько принципиальна, что ее надо подчеркнуть еще и еще раз: субъектность, свобода, современность есть переход, рост, а не состояние, не институция, не набор признаков, которые можно приобрести и иметь их. Если бы речь шла о наборе признаков свободы, то субъектность была бы недостижимым идеалом, так как некую абсолютную свободу и независимость представить себе в истории и в опыте очень трудно: всегда найдется что-то, что меня определяет, а значит, свободы нет в реальности...

Но эта субъектность не идеал, витающий и недостижимый! Она актуально и абсолютно присутствует в момент преодоления какой-то определенности. Я всякий раз чувствую свою свободу, свою причастность абсолютной свободе и всю ее силу в себе именно в момент, когда я от чего-то освобождаюсь. Определенность и позитивность нужны как трамплин, как почва, grund, от которой можно оттолкнуться, и сила сопротивления, нужная для прыжка.

Свобода невозможна без несвободы: внутри абсолютной свободы она сразу бы перестала существовать,

так как в вакууме нельзя отталкиваться, а свобода — это и есть миг, мгновение, момент толчка.

Трансцендирование (перешагивание) определяющего общества удается тому, кто находился на его краю. С этим связан каждый раз поиск нового класса-гегемона, который находится на «задворках», не вписан в систему. Это пролетариат у Маркса и Лукача, это «Россия как слабое звено» у Ленина, это творческая интеллигенция у Адорно, это сексуальные молодые пассионарии у Маркузе и Батая, расширившие свое сознание наркотиками маргиналы у идеологов хиппи, это сумасшедшие у Фуко и Лэнга, это «белые воротнички», айтишники и креативный класс у нынешних пророков модернизации.

Но в этой связи важна и еще одна мысль Гегеля на ту же тему: подобно тому, как раб становится господином через субъективацию и эмансипацию, господин деградирует до уровня раба, теряет свою субъектность, коль скоро он ее постоянно не подтверждает.

Тот, кто всего добился и поживает на лаврах, кто получил все готовое на блюдечке и есть дегенерат. И даже тот, кто знает о необходимости постоянной эмансипации (перманентной революции, говоря словами Троцкого), сталкиваются со специфической проблемой, проблемой вакуума, отсутствия любых твердых основ, определенностей, коль скоро предшествующая эмансипация сделала их нетвердыми.

Их эмансипация становится вымороченной и вымученной. Их попытки роста становятся сродни попыткам Мюнхгаузена вытягивать себя из болота за волосы, потому что все вокруг стало беспочвенным (оно основано не на себе и не на трансцендентных основаниях типа, Бога, а на воле самого субъекта).

Прежняя традиция, от которой раньше освобождались, сегодня не порабощает, она муляж, нечто воздуш-

ное, бесосновное, несубстанциональное, виртуальное (возьмите для сравнения средневековую Церковь и нынешнюю, средневековый быт и традиции и нынешние этничность и фольклорность и проч.).

Из-за вымороченности каждого следующего шага, мельчают и сами новации и новости. Люди раздувают событие из самого никчемного скандала, делают звездами мелких в сравнении с титанами прошлого людей, борются за права и свободы в совершенно узких и комических областях (например, за права животных или растений, за политкорректную речь).

И уж если мы говорим о новаторстве как атрибуте субъектности, надо вспомнить еще одну народную мудрость: «нет ничего более старого, чем вчерашняя новость». Нет ничего более старого, чем вчерашнее изобретение. Нет ничего более старого, чем вчерашняя модная эстетическая концепция, вчерашняя техническая новинка, вчерашний политический лозунг, вчерашняя звезда...

Этот «эффект неактуальности» возникает из-за изначальной несубстанциональности всех фактов, их виртуальности, которая не тяготит и не требует эмансипации, борьбы, революции, а уничтожается простым отрицанием, отказом, забвением. В отличие от старых форм, которые сегодня превращены в чучела, потому что субъектами признана их историческая уместность, относительная разумность и право на мифифицированное существование, факты вчерашнего дня не устаиваются даже этой чести. Для актуального есть СМИ, для старины — музеи и постмодернистский псевдотрадиционализм. Для вчерашнего — только Ничто.

Итак, подтверждать субъектность и инновационность можно только в диалектическом движении от несубъектности к субъектности, коль скоро стадия

несубъектности необходима для того, чтобы стать субъектом. Еще раз повторим этот важный вывод: **дух есть птица Феникс, которая должна все время падать и возрождаться из пепла.** Субъект не может просто все время пребывать в качестве субъекта, хочет он или не хочет, он либо деградирует, либо сознательно сам пойдет на падение, на риск потери всего, что имеет, чтобы доказать, что он все может получить вновь. «Величие духа, — говорит Гегель, — измеряется тем, как глубоко он может пасть и возродиться вновь». Ницше будет уподоблять волю-к-власти борцу на руках, армрестлеру, сильному игроку, который не просто упирается в битве, а позволяет себя сначала почти положить на стол и потом мгновенным движением возвращает себе преимущество и одерживает победу.

Принципы модернизации

Итак, мы видим, что для по-настоящему модернистского, инновационного общества должны жестко соблюдаться два условия:

1. Должна быть жесткая граница между субъектами и несубъектами, жесткое неравенство, жесткая иерархия. Должно соблюдаться различие между высшим и низшим, старым и новым, лидером и ведомым, собственником и несобственником, творцом и посредственностью, центром и провинцией и так далее. Должна быть разница потенциалов, ничем не сдерживаемые высокие точки экстремума, должны быть большие амплитуды колебаний, должны быть самые немыслимые крайности;

2. Эта граница не может быть закреплена за теми или иными индивидуумами, классами, народами, государствами и проч. раз и навсегда, все могут постоянно меняться местами, отношения должны быть

оборачиваемыми, максимально динамичными. Не путать со стиранием самой границы. Грубо говоря, всегда должны быть верх и низ, и разница потенциалов между ними, но люди должны постоянно меняться местами. При этом речь не идет о механической игре, перевертывании. Тот, кто берет столицу боем (или те, кто борется за право быть столицей) должен воевать, доказывать свое право, а значит ему должно оказываться сопротивление. Тот, кто защищается, должен идти на принципиальный риск поражения, а не устраивать все понарошку, чтобы поражение было невозможно.

Эти два условия можно назвать «принципом различия» и «принципом открытости». Под «принципом различия» понимается: есть разделение на ведомых и лидеров, на первых и вторых, на винеров и лузеров, на цивилизации и варварство. Противоположностью «принципу различия» является «принцип равенства», когда среди бегущих первых нет и отстающих, нет господ и рабов, богатых и бедных, образованных и необразованных, нет никакой разницы потенциалов, когда торжествует «среднее» во всех смыслах этого слова, когда искусственно ограничиваются крайности, когда борются с «экстремизмом» и т. д.

Теперь посмотрим на второй принцип. Что мы понимаем под «открытостью»? Такое устройство, когда есть коммуникация между верхами и низами, когда каждый, кто был ничем, имеет возможность стать всем и, что очень важно, — наоборот. Противоположностью открытости в этом смысле слова являются наследственность и кастовость, полностью препятствующие социальной мобильности. Противоположностью является искусственный монополизм и закрытость элементов системы друг от друга, отсутствие коммуникаций.

Эти два принципа дополняют друг друга. Это две стороны живой, энергичной общественной системы. Эта система иерархична, в ней есть верх и низ. Но в ней есть ток, коммуникация между полюсами. Противоположностью системе, построенной на принципах неравенства и открытости, является система, которая, во-первых, построена на полном разрушении каких-либо иерархий, на абстрактном равенстве, на отсутствии верхов и низов, эксплуатируемых и эксплуататоров, властных и бесправных, столиц и провинций, центров и периферий и проч. Во-вторых, в такой системе положение элементов безнадежно в смысле потери своего места или надежды на его изменение, а будущее определяется прошлым: происходит самокопирование, связи между элементами слабы или отсутствуют, так что даже если элементы сами по себе различны, они не узнают о различиях друг друга и не могут осуществлять выгоды и недостатки этих различий в отношении к друг другу..

Эта система, не объемная, а плоская и даже не является системой, так как в ней слабы связи между элементами, это скорее нарисованная одномерная карта. Подобно тому, как нарисованная скала весьма условно может быть названа «основанием» нарисованной башни (Витгенштейн), так и нарисованные институты виртуального одномерного общества весьма условно коммуницируют друг с другом.

Иконка на экране компьютера изображает именно то, что отменяет — реальную папку с бумажными документами. Так же и демократические процедуры и выборы в одномерном мире изображают то, что отменяют. Такова же и экономика и ее «базисная» роль, предприниматели, которые ничего не предпринимают, — признак одномерности, картинности происходящего.

Скаченные рефераты, купленные дипломы, невнятные консилиумы ученых изображают науку, которая уже отменена именно тем, что нет никакой связи между дипломом и работой, бизнесом и научной деятельностью, а у последних с политикой...

Кастовость и виртуальность так же дополняют друг друга. Может изображаться бизнес или выборы, на самом деле, экономические предпочтения и власть получают друзья, одноклассники, сокурсники по Йельскому или Санкт-Петербургскому университету, президентами становятся отец, а через одного — сын, потом бывший президент тянет жену и так далее...

Постмодернизм

Постмодернизм возводят к Ницше. Именно он был приверженцем идеи аристократизма, родовитости и выступал против гегелевской концепции, согласно которой для становления господства нужно пройти через стадию рабства, а всякое господство неизменно заканчивается деградацией.

Ницше хотел проследить логику господства и его абсолютного развития. Если в мире есть только воля, то ее абсолютному росту может мешать только она сама, следовательно, такая абсолютная воля должна отказаться от борьбы с собой прошлой, отказаться от мести, от «эдипова комплекса», присущего модернизму. Значит, совершенная воля должна желать повторения прошлого, а не его изменения и переопределения. Так возникает концепция «вечного возвращения одного и того же». Но «вечное возвращение», таким образом, оказывается неким «кругом бытия», а значит, это так же напоминает «закон Феникса». Недаром все ницшеанцы (Шпенглер, Парето и др.) говорят о круговращении элит.

Оказывается, это не противоречит и Гегелю, который высказывался за признание того, что свобода не должна бороться с прошлым, поскольку все прошлое это продукт действий той же самой свободы, а значит мы должны не отрицать его, а снимать в себе. Столь разные мыслители как Гегель и Ницше встречаются.

Постмодернизм возникает как следующая стадия модернизма, желающая «устойчивого развития», без катастроф, революций и отрицания старых порядков, имевших место в авангардном модернизме. Постмодернизм заявил о себе в нескольких лозунгах, одним из которых был лозунг «автор умер», что отражало констатацию факта смерти субъекта, совершающего постоянные революции и борющегося с прошлым. Субъект теперь вписывается в традицию, в прошлое, в «мир-книгу» с ее отсылками и цитациями.

Постмодерн заявил о себе также лозунгом «пересекайте границы, засыпайте рвы». Именно так назывался один из первых манифестов. О каких границах и рвах шла речь? О границах между культурами, между цивилизацией и варварством, между старым и новым, традицией и современностью, между субъектами и несубъектами, в конце концов.

Постмодернизм начинается с требования, что субъект не должен разрушать прошлое и традицию, как это делал ранний модернизм, поскольку всякая традиция состоит из того, что само когда-то было модерном. Все старое было когда-то новым, а значит, нуждается в таком же уважении как любое другое новое. Непонятно, чего больше в этом требовании: оставить за досубъектной сферой право на немодернизацию или же сохранить право закончить модернизацию за теми субъектами, кто модернизацию прошел?

В самом деле, ненависть к старому, к традиции и самой традиционности (то есть передачи чего-либо

по наследству) прекрасно задействуется, когда кто-то обделенный идет в бой за обладание и за признание. Но как только он признан, то уже хочет передать наследство своим потомкам и лишиться их тяжести добывать себе все с боем. Старые порядки, по поводу которых бунтовали в молодости, вдруг начинают казаться удивительно разумными.

Постмодернизм отражает в этом случае ситуацию на планете, когда довольно большая часть населения перешла через границу досубъектного и субъектного, то есть модернизировалась, стала жить в Новом времени. При этом нет желания уравнивать постсубъектный статус с досубъектным, нет желания опять модернизироваться, признавать утрату субъектности и лидерства. Ведь передний край, фронт борьбы Нового времени с традиционным обществом, проходит всегда там и в том момент, где происходит какая-то революция и модернизация.

Мировой дух уже давно не дышит в так называемых «цивилизованных странах». Весь традиционный модернизм объявляется «троцкизмом» в СССР и «авангардизмом» на Западе. Распространяется убеждение, что модернизация субъекта может вестись эволюционным путем, БЕЗ потери «приданого», без риска утраты всего ранее завоеванного, а на его основе, как простое прибавление, как количественный рост. Совместить наследование и традиционализм (которые способствуют дегенерации) с риском все начинать сначала (что способствует инновациям) в рамках концепции простого роста невозможно.

Возникает ситуация вымороченности эмансипации и эффект вакуума, невозможности всерьез бороться с чем-то и отталкиваться от чего-то для прыжка в будущее. Идет замедление прогресса, пока еще остановился не сам рост, а рост роста (вторая производная).

Замедление «прогресса» стало очевидно прежде всего, и это необходимо следует из всего вышесказанного, в цивилизованных обществах, так же как и их демографический и экономический рост.

Выход находят в паразитарной модели, которая по сути является колониальной и феодально-традиционной, а по видимости изображает демократию: то, что давно отменено изображаемым (избрание Обамы, например, есть чистая симуляция, изображение наличия социальной мобильности в обществе, которое является скорее кастовым).

Впрочем, ресурсом инноваций и демографического роста еще становятся представители традиционных культур, чья пассионарность определяется тем, что они в данный момент проходят стадию модернизации, то есть переходят от досубъектного состояния к субъектному. Идет перекачка мигрантов, перекачка мозгов, воровство инноваций и включение различного гетерономного традиционного опыта в современную культуру. Свежая кровь питает вампирские общественные образования (вампиризм — сущностная болезнь традиционных аристократов).

Постмодернизм приветствует коммуникацию и глобализацию, как это делал модернизм. Более того, он требует политкорректности, плюрализма, толерантности, экологизма, неотрадиционализма, реабилитирует профанную сферу, популизм. Его задача на всю катушку подключить досубъектный модернизирующийся ресурс к стареющему цивилизованному обществу, чтобы он омолаживал это общество, выступал социальным топливом. Однако, ускорение коммуникаций и требование оборачиваемости отношений власти имеет и побочные эффекты, препятствующие модернизации. Это во-первых, некое уравнивание потенциалов, во-вторых, слишком рьяное признание

за досубъектами субъективности без всякого доказательства с их стороны своей субъектности (получение ее без борьбы привело к еще большему обострению имеющихся проблем).

Сегодня в США гигантский средний (в худшем смысле этого слова) класс, имеющий массу всяческих гарантий, и сегодня там огромное количество тех, кто получал все на блюде только в силу своей реабилитированной досубъектности (негры, безработные и прочий разнообразный плебс, ныне попавший под пресс ипотечного кризиса).

Мы можем видеть противоречивые интенции и эффекты постмодернизма. Феномен, который способствует модернизации, — это сохраняющаяся настоящая, а не виртуальная пропасть между «первым», «вторым» и «третьим» миром, сохранение мировых столиц, рост разрыва между центрами власти и территориями полностью несuverенными, а также рост разрыва между богатыми и бедными, между очагами культуры и цивилизации и варварством.

Все это может быть настоящим основанием для отрицания и прыжка, от этого, как от феодальной системы, можно отталкиваться по-настоящему. Поэтому кроме философов-постмодернистов, всегда узнаваемых по вымороченному стилю, мы имеем и множество «левых» мыслителей-модернистов, узнаваемых по энергии разоблачения феодальных и неокOLONиальных порядков нынешнего мира, скрытых за симулированной демократией. Все это создает могучую разницу потенциалов для наличия социального тока.

Другой феномен, способствующий модернизации, — глобализация и развитие коммуникаций, невиданное в истории. Пусть эти коммуникации часто односторонни и необорачиваемы, главное, они есть.

Феномены, не способствующие модернизации, а тормозящие ее и вызывающие стагнацию, это: всевозможные социальные и налоговые системы цивилизованных стран, перераспределяющие в пользу бедных богатства богатых, не опосредующие эти социальные гарантии каким бы то ни было трудом и инновационным вкладом, рост среднего класса, монополизм всякого рода, в том числе монополизм транснациональных корпораций, военная защита монопольного положения цивилизованных стран, распространение прав и гарантий на всех граждан без всяких заслуг, разрушение культурных, научных и прочих иерархий на том основании, что сегодня «все пойдет» и «ценна каждая точка зрения», фактически кастовое сохранение за цивилизованными странами их роли «цивилизаторов», притом, что данные общества сами утратили инновационный потенциал и лидерство и не хотят рисковать потерять его. Единственная впечатляющая попытка в новейшей истории некоего «самоубийства» развитой страны — это падение СССР в результате довольно троцкистских реформ Горбачева.

Дюжина мер для модернизации

Существуют ли ресурсы для модернизации в современном мире или же дело идет к всеобщему «застою», дегенерации, падению численности популяции, прекращению инновационной деятельности, возврату в средневековье, о котором все больше говорят? Да. Такие ресурсы существуют, и в провокационной манере можно предложить ряд реформ, способствующих бурному обновлению мира. Это, повторюсь, не «программа автора», а лишь те меры, которые следуют из «принципа Феникса», принципов «различия» и «открытости», которые были выше отмечены как

обязательные атрибуты модерна. Если желать именно модернизации (оставим открытым вопрос, а надо ли желать именно ее), то нужны следующие меры.

1. Реформа избирательной системы. Отказ от популизма и принципа «один человек — один голос». Отказ от заигрывания с широкими массами потребителей-непроизводителей и иждивенцев, ничем не заслуживших избирательных прав и уже давно переставших их ценить. Введение образовательного ценза на выборах любого уровня. Это требование довольно старое и незаслуженно забытое. А ведь еще Берк и Милль справедливо указывали, что позволять неимущим и необразованным голосовать — это все равно что позволять им залезать в свой карман, поскольку они будут иметь доступ к перераспределению бюджета и голосовать только за тех политиков, которые обещают им социальные гарантии, естественно, за счет элиты.

Участвовать в формировании власти есть право, которое надлежит заслужить. Эта мера заставит людей реально заниматься политикой и выборами, ведь молчаливый отказ от голосования, саботаж есть только реакция на понимание того факта, что право голоса ничего не стоит, если дается даром, и что выборы только изображают демократию в системе, которая ее реально отменяет. В то же время мы понимаем, что отказ от цензов произошел не случайно.

Недопустимо и то, чтобы имущие использовали власть в интересах сохранения своего положения, консервировали некий статус-кво. Против сентенций Берка и Милля можно было бы возразить: позволять иметь право избираться и быть избранным только имущим есть консервация их права всегда держать руку в кармане у неимущих. Это так же вредно как допущение к власти широких слоев безответственных низов.

Поэтому речь должна идти минимум об образовательном цензе.

Нужно категорически разделить активное и пассивное избирательное право и наделять им разные категории людей. Современные электронные системы должны чаще использоваться при голосовании. Кроме того, в момент согласия идти в исполнительную власть человек должен осуществлять полный отказ от собственности. Путь во власть тому, кто ее не имел, будет, таким образом, надежно заблокирован. В то же время новоиспеченному политику нечего будет защищать. Он «покупает» властные полномочия ценой отказа от какой-либо собственности и переходит в разряд властителей. У него, таким образом, больше нет личных интересов. При этом речь идет не о передаче своей собственности в траст, как сейчас, а о передаче ее государству. Чиновник становится нестяжателем, своего рода монахом или «святым», посвятившим себя служению обществу и ничему больше.

Такая жертва заслуживает многого. Это лучшее продолжение карьеры начатой в гражданском обществе, это и есть жест «птицы Феникс»: в определенном возрасте все потерять, чтобы возродиться вновь в новом качестве и продолжать доказывать свою субъектность и лидерство, а не почивать на лаврах. Эта мера была бы заодно и одним из источников пополнения государственной казны.

2. Реформа налоговой системы, предполагающая отказ от любого налогообложения. Налоги — это пережиток средневековья. Даже в древних обществах свободные не платили налогов. В греческих полисах налоги платили только нерезиденты, во многих других государствах — только иноверцы. Это предполагалось тем здравым рассуждением, что непозволительно и неморально облагать налогом своего.

Сегодня оффшорные государства наиболее продвинуты в этом вопросе и стихийно нащупывают правильный исторический путь: недаром туда перемещаются капиталы и инвестиции. Любое крупное государство, которое создаст у себя налоговый рай, будет обречено на приток капиталов и инвестиций.

Отмена налогов увеличит социальную мобильность и разрыв между классами, снимет с государства головную боль по поиску неплательщиков, по борьбе с «черной» экономикой, государство перестанет выглядеть насилующим паразитом и узурпатором. Исчезнет почва для отношения к государству как к слуге, который содержится за чужой счет и таким образом что-то должен тем, кто ему платит. Вредное мнение — что государство должно оказывать какие-то «государственные услуги», за которые мы платим налоги — так же нелепо, как мнение, будто бы мозг оказывает телу какие-то услуги за то, что живот питает его, а ноги носят...

Государство есть мозг и неравная система народного организма, и скорее уж организм служит ему, а не оно организму. В кризисные периоды, например во время войны, эта истина, заболтанная в мирное время, проявляется со всей ясностью: мы идем защищать государство, а не просим у него защиты.

3. Отказ от права наследования. Метафизически это право ни на чем не держится, воля умершего не существует, в отличие от воли живущих. Такая реформа совершенно в духе Нового времени и его пафоса борьбы со всем, что наследуется без всяких на то заслуг и причин (звания, собственность, имения, привилегии и проч.). Требования отказа от наследственного права звучали в XIX веке, но постепенно стихли. И вовсе не потому, что такая реформа была бы слишком шокирующей для общества. Шок от

нее слишком преувеличен, ведь на самом деле поступления всего имущества в казну государства после смерти довольно легко избежать хотя бы просто путем постепенной передачи прав собственника молодым родственникам, потомкам, близким, партнерам по бизнесу и так далее. Государству будет поступать небольшой остаток, который существовал на момент смерти, или же большой остаток, возможный в случае внезапной кончины.

В любом случае отказ от наследственного права заставляет собственников диверсифицировать собственность и не концентрировать ее продолжительно в одних руках. Эта мера оживляет движение капиталов и не более того. Капиталы будут чаще попадать в более молодые и энергичные руки, а если они не в состоянии ими распорядиться, то в руки тех, кто справится. Богатство и бедность в результате такого распыления и мобильности капиталов приобретут ситуативное значение.

В сочетании с мерой по отмене налогов отмена права наследования приведет к тому, что будет легко разбогатеть и легко все потерять. Каждый за свою жизнь несколько раз успеет побывать и супербогачом и супербедняком, деньги перестанут иметь такое важное значение, как сейчас. Стимул к супернакоплению и концентрации богатства не исчезнет, просто к богатству не будут относиться так серьезно, как сейчас и как оно того не заслуживает.

Естественно, отмена наследственного права должна касаться более-менее крупных наследств, нет смысла возиться с мелочевкой и заниматься ее перераспределением, хотя и в этом случае распределение наследства можно поручить скорому мировому суду. Куда же будут передаваться поступившие в казну состояния? На это дает ответ следующая мера.

4. Государственный бюджет, который будет иметь серьезные выпадающие доходы из-за отмены налогов, за счет этой меры станет пополняться из-за притока остатков наследств. Бюджеты, кстати, не должны тратиться на помощь бедным и неимущим. Главной задачей государства является развитие инфраструктуры и коммуникаций, траты на фундаментальную науку, культуру и образование.

Образование — единственная область, в которой человеку нельзя что-то дать. Образование можно только взять. Нельзя за человека понять теорему, он может понять ее только сам. То есть субъектность тут принципиально неустранима, и бояться развращения субъекта тем, что образование ему «дается даром», невозможно. Фактически слово «дается» употреблено неправильно. Это совершенно не то, когда человеку ни за что даются некие материальные блага, услуги или привилегии. Поэтому вредно давать государственные деньги бедным просто так. Но совершенно не вредно «просто так» давать образование в бесконечном объеме. Это не вредит субъектности, а только провоцирует ее.

Процесс познания устроен так, что человек не может чему-то научиться раз и навсегда. Здесь также действует закон «птицы Феникс»: в процессе обучения субъект должен постоянно терять себя, расставаться с предшествующими заблуждениями и ошибками, отказываться от всего, что знал раньше во имя новой истины, обретать ее и терять вновь. Образование должно стать непрерывным и оно должно быть главным критерием доступа к общественной власти и богатству. Здесь должна действовать иерархия степеней заслуг, табелей о рангах, побуждающая совершенствоваться и стремиться выше.

Траты на образование — главная статья государственного бюджета, само образование — главная цен-

ность человека и общества. Образованное общество продуцирует технические и гуманитарные инновации и начинает обладать культурным лидерством в мире, культурно завоевывает мир. Это лидерство обеспечивает, как ни странно, и его обороноспособность. Страну, которая несет свет миру, никто не хочет завоевывать, потому что она обладает духовной, культурной ценностью. Мы должны не бороться за место под солнцем, а сами быть солнцем. Должны влюбить в себя весь мир: только это — залог подлинного суверенитета, а не оружие, газ или экономическая мощь.

Траты на образование должны быть больше, чем траты на оборону. Образованные люди придумают такое оружие, которое позволит максимально эффективно решать вопросы обороноспособности, не говоря уже о культурном лидерстве. Утечки мозгов бояться тоже не стоит, образованным не хочется бежать туда, где живут необразованные. Скорее наоборот: сюда поедут люди из всех стран.

Экономическая мощь государства в случае осуществления подобных реформ будет вне досягаемости. Бояться, что средства в размере 15 % или 25 % бюджета, отпущенные на образование, не освоят, нет необходимости. Надо просто изменить концепцию образования, объявить решительный бой схоластической средневековой системе уроков. Настоящее образование должно приобретаться в практике, в лабораториях, в совместном решении научных проблем вместе с коллективами ученых, в наставничестве молодых (лучше всего понимаешь что-то, когда сам объясняешь). Если же речь идет о гуманитарном образовании, — то в культурных поездках и экспедициях (например, историю Египта надо изучать в Египте, а не сидя в душном классе и так далее).

5. Еще одна важная реформа — отказ от права на интеллектуальную собственность. Копилефт вместо

копирайта. Отмена всяких патентов и торговых марок, они тормозят инновации. Метафизически право интеллектуальной собственности ни на чем не основано. В отличие от собственности на вещи, которая держится на том, что человек свободный субъект, а материальная вещь — нет, духовные феномены сами владеют человеком и делают его тем, что он есть.

За каждой технической новинкой, теорией, изобретением, художественным творением стоит все человечество, начиная с первого человека. Никто не имеет права на ту или иную теорию. По какому праву кто-то наживается на том, что, по сути, создавали представители разных эпох и культур? Ведь этого правообладателя интеллектуальной собственности учили в университете, в школе и так далее. Это и есть классический случай известного марксова противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения.

Стоит ли бояться, что люди перестанут изобретать? Нет. Ученые и изобретатели изобретают не из-за денег, а потому что иначе не могут, их влечет сама логика научного и технического поиска. Многие и сейчас изобретают, ничего за это не имея, поэтому и в системе копиленфта изобретать не перестанут. Тем более, есть обоснованное предположение, что возможно, разовое вознаграждение и честь первого изобретения или первооткрытия будет как-то медийно поощряться. Вот только доступ к открытию, технической документации, к теории будет открыт абсолютно всем. Потребность в инноваторах многократно возрастет, и плоды их труда будут воплощаться в жизнь, а не пылиться на полках, как сейчас.

Что происходит сегодня? Купила компания изобретение и извлекает сверхприбыль, сначала обеспечивая новинкой богатых, затем медленно начинает

серийное производство для широких слоев. Она сама устанавливает монопольные высокие цены, темп заполнения рынка. Она отвергает другие улучшающие изобретения, не внедряет их, пока не отбились прежние инвестиции. Другие фирмы делать эту вещь и быстро заполнять рынок не имеют права. Сейчас миллионы патентов скуплены на корню и не внедряются, потому что транснациональные корпорации не отбили прежние инвестиции в прежние разработки.

А если бы не было интеллектуальной собственности? Тогда сразу все «пиратски» будут копировать то, что хорошо продается. Любая компания, если она считает, что может лучше и быстрее на данной территории заполнить рынок новинкой, будет это делать. Любой продукт сразу станет доступен в любой части света. И что вынуждена предпринимать компания в таких условиях? Не почивать на лаврах, а срочно внедрять что-то новое, что еще не скопировали. Внедрять то, что еще лучше.

Изобретатели и рационализаторы будут нужны как никогда. Их просто будут брать в штат и платить большие зарплаты, так как никто лучше них не знает как модернизировать данный продукт. Сейчас же стремятся покупать патенты и забывать про авторов...

Итак, регистрацию изобретений можно оставить, чтоб человек получал не собственность, а славу изобретателя. Он тогда будет дороже стоить. И это прекрасный стимул творить дальше. Бояться, что в данной системе не будет инноваций в гуманитарной области, тоже не стоит. Да, продюсеры, например фильмов, не смогут зарабатывать на прокате, так как любой фильм будет тут же копироваться. Зато это гарантирует, что хороший фильм мгновенно станет доступным миллиардам людей на планете, что открывает другие возможности для заработка: например, продакт плейсмент

определенной страны, города, исторического места, любого продукта, раскрутка того или иного товара, услуги, человека, идеологии, чего угодно. То же относится к книгам. Они, если того заслуживают, будут максимально копироваться где угодно и кем угодно, и их содержание будет спокойно распространяться, о чем мечтают многие авторы сейчас. Умрут и мировые бренды, а значит, и переплата за них. Значение будут иметь красота, качество и практичность вещи, а не ее марка.

6. Отпадает необходимость в банковской системе. Банк есть изобретение средневековое и совершенно вредное для модернизации. Недаром мировой кризис ударил по банкам — он знает куда бить, и лучше бы государствам их не поддерживать, пусть мертвецы хоронят своих мертвых! Банк, с одной стороны, существует для того, чтобы обеспечивать сохранение накоплений вкладчиков: по вкладам платятся проценты, вклады должны расти. Мало того, что это чистое мошенничество, потому что ничего (в соответствии с «законом Феникса») не может расти неограниченно долго, а значит, банк обязательно лопнет, что мы сплошь и рядом видим, важно и другое: сбережения сами по себе вредны для экономики.

Люди должны постоянно инвестировать свободные средства и быть предпринимателями. Это дает отличную динамику экономике. Это дает спрос на инновации, дает конкуренцию и совершенный рынок, ведь у нас будет не 10 % предпринимателей, а 99 %.

Банкир может возразить: он и так дает деньги предпринимателям в виде кредитов. Но он забывает упомянуть про свою маржу. На чем спекулирует банкир: в обществе, где все якобы не могут быть предпринимателями, я нужен, чтобы передать деньги от сберегающего человека инвестору, и за эту услугу я получаю

свои скромные проценты... Позвольте, говорим мы, в обществе, где все будут предпринимателями, ты, таким образом, не нужен. Что ж, давайте уберем тебя, и людям ничего не останется, как быть предпринимателями! Люди будут рисковать, действовать в соответствии с «законом Феникса» — то внезапно богатеть, то разоряться — но ни богатство, ни бедность с ними не будет оставаться навсегда.

7. Отмена банков не приведет ли к торжеству фондового рынка? Ведь он так же пострадал во время кризиса, а в случае с банками — это признак ненужности данного института в новой системе. Да, все верно, фондовый рынок так же вреден. Дело в том, что фондовый рынок служит большой концентрации капитала и создает транснациональных монстров-монополистов. Человек предпочитает вложить деньги в акции, сидеть и ждать, когда ему заплатят дивиденды, или курс акций вырастет без всякого его участия. То есть опять позиция рантье, противоречащая «закону Феникса».

Зачем человеку вкладываться в «Кока Колу», которая уничтожает всех мелких конкурентов по производству газировки? Не лучше ли вложиться в местного производителя, работающего на его рынке? По крайней мере, он его-то знает.

Кстати, в условиях отмены права интеллектуальной собственности этот местный может производить ту же «Кока-Колу», рецепт которой будет рассекречен. В мире, где нет фондового рынка, не будет крупных компаний и проектов, а значит, не случится больших кризисов. Например, в таком мире не было бы «Автоваза», на него бы просто не нашлось денег, чтобы построить, а значит, не было бы перепроизводства устаревших машин и огромной социальной проблемы с сотнями тысяч людей.

Никто бы не затевал проекты на 10—20 лет вперед, потому что знал: через три года изобретут и внедрят что-то новое, а мое огромное производство устареет. В новом мире не будет гигантских кризисов, связанных с большими инвестициями и долгосрочными вложениями, которые морально устаревают уже на этапе пуска в строй, или же если их пустят вредить появлению нового. Зато в этом мире будет миллион мелких ежедневных микрокризисов, которые в общем раскладе ничего не меняют. Общество в целом будет стабильно, хотя миллионы мелких бизнесменов будут ежедневно разоряться и обогащаться.

Каждый за свою жизнь 10 раз все приобретет и потеряет, каждое сообщество, городок будет мыслить своими масштабами и затевать только то, что ему по силам, инвестировать в тот рынок, который они успеют заполнить, боясь перепроизвести, переинвестировать.

Разорятся жадные — те, кто будут инвестировать с размахом на огромный рынок, в то время как его уже успеют съесть местные микрокомпании до того, как гигант придет к ним. Поэтому не будет смысла в мегапроектах, зато огромные проекты (например, коммуникации) будут делаться по частям и состоять из множества подмножеств. В условиях потери доверия всех контрагентов между собой на огромных глобальных пространствах мелкий бизнес в рамках своих агломераций и территорий — самое лучшее. Каждый платит за то, что знает и участвует в том, что понимает.

8. Отсюда еще одна реформа, исходящая из ненужности больших агломераций, заводов, городов и их инфраструктуры, и нацеленная на образование микропоселений. **Деурбанизация.**

Это переход в новую экологически чистую среду обитания. Это гигантский национальный проект рас-

селения городов, переселения десятков миллионов людей в малоэтажные загородные поселки с автономной инфраструктурой. Это освоение новых земель, которые, как ни странно, находятся совсем рядом.

Россия до сих пор самая большая страна в мире с самым большим количеством неосвоенных земель, страна, самая богатая лесом, пресной водой. Возьмите для примера Москву и Московскую область. 20 % населения страны живет здесь, задыхаясь и мешая друг другу, на клочке земли, когда на десятки тысяч километров простираются пустые земли. Речь идет о внутренней колонизации. Это ответ сразу на все вызовы, стоящие перед Россией. Более подробно об этом см. статью «Зеленая революция».

9. Реформа пенитенциарной системы. Настоящим бичом планеты является абсолютный и относительный рост преступности. Он держится на трех китах: устаревшей, не менявшейся веками, неадекватной человеку системе образования, которая не образовывает его и отторгается им, на кастовой замкнутой системе экономических отношений, делающих обман, кражу и грабеж более легким выходом, чем легальный заработок, на безнадежности в мире, где богатые остаются богатыми, а бедные — бедными, и на кастовом воспроизводстве «преступного мира» с его законами, романтикой и «понятиями». Поэтому вышеуказанные меры, связанные с образованием и экономическими реформами, серьезно снижают необходимость преступной жизни.

Но и сама пенитенциарная система давно требует реформы. Нынешняя только воспроизводит преступный мир, что ухудшает инвестиционный климат в стране, делает жизнь граждан небезопасной, требует трат на содержание репрессивного аппарата. В то же время заключенные — это просто недообразованные

люди с большим рискованным, авантюрным, субъектным потенциалом. Если их пересадить в одиночки, что сразу пресечет возможность создания преступной среды, и начать показывать научно-популярные фильмы, то со скуки они их будут смотреть. Затем перейти к более сложным программам, учить языки, предоставить возможность участвовать в научных диспутах по сети, в коллективном творчестве.

Это люди с соответствующей психологией, преступники, которые будут переступать и научные догмы, прорываться к таким открытиям, которые не снились обычным примерным ученикам. Мы можем выпускать из тюрем эйнштейнов, а не квалифицированных уголовников. Проблема наших студентов в том, что они больше думают о дискотеках и мальчиках-девочках, легально их не заставишь учиться. В случае с заключенными мы имеем право их образовывать в том режиме, который будет дидактически необходим, и добиваться успеха.

10. Еще одна гуманитарная новация (хотя нет ничего более нового, чем хорошо забытое старое) — законодательное сокращение рабочего дня до 6—4 часов в сутки.

Свободное время — самое большое богатство человека. Сегодня, вопреки иллюзии, что мы стали свободнее, осуществляется невиданная в истории эксплуатация человека, то есть занятие человека не свободным, а отчужденным трудом. В средневековье пятидневная барщина для крепостных крестьян считалась чем-то ужасным и была только в некоторых странах в некоторое время, в основном трехдневной. Ни один крепостной крестьянин, привыкший три-четыре дня в неделю работать на себя, отдыхать, молиться, заниматься ремеслом, не променял бы свое крепостное положение на наше нынешнее, якобы «свободное», когда мы ра-

ботаем по пять дней в неделю от восьми до 14 часов в сутки, независимо от того, работаем мы на частника или на государство. У крестьян, к тому же, были либо барщина, либо оброк, у нас и то и другое: оброк мы платим в виде налогов.

После такого каторжного и неинтересного труда у человека нет времени заниматься творчеством или полноценно общаться, он способен только на тупые развлечения, отключения от реальности, выпивку, телевизор, пустой треп. Он не занимается детьми, утрачивает теплые чувства, душевные качества. Он находится в постоянном стрессе, который снимает антидепрессантами.

Сокращение рабочего дня приведет к снижению безработицы, работа будет у всех, но по чуть-чуть. Это повлечет сокращение заработка, а значит к нехватке средств на излишнее потребление и тупой досуг. Это смерть «общества потребления», которое уже отжило исторический век и признано невозможным по экологическим соображениям.

Сегодняшняя модель мировой экономики требует включения все больших масс народа в рынок, но обеспечение вновь включенным в развивающихся странах стандарта развитых стран невозможно. Это также одна из причин кризиса.

Работающий Китай все больше хочет потреблять как неработающая Америка. Потребительский стандарт будет снижаться, и короткий рабочий день, при сокращении заработка, — легальный способ снижать такой стандарт. Но короткий рабочий день — это ведь и появление свободного времени для творчества, свободного труда, ремесленничества, изобретательства, рационализаторства, самообразования. Учитывая, что возможности для спортивного, культурного и образовательного досуга и труда будут бесплатно предостав-

ляться государством, то повального безделья и скуки ожидать не придется.

11. Пора признать и другой очень важный факт: здоровье не частное дело. И вопрос даже не в том, что государства ныне тратят огромные деньги на систему здравоохранения, Каждый алкогольный рубль в бюджете приносит стране до 3—6 рублей убытка в виде уничтожаемого здоровья нации, травматизма, аварий, снижения производительности труда, роста преступности и всего прочего. Это прямые траты в бюджете на всевозможные «социальные расходы» и профилактические мероприятия, на медицину, на правоохранительную деятельность и проч. Но главное в другом: курение и пьянство есть мощные средства десубъективации субъектов, мощнейшие антимодернизационные средства.

Пьянство погружает человека в абсолютно одномерный виртуальный мир с низкой социальной коммуникацией, с его безнадежностью преодолеть хоть какие-то границы своего положения, в абсолютно антимодернистский мир. Это то, что тормозит любую предприимчивость, лидерство, социальную мобильность и проч.

Подсчитано, что один литр выпиваемого спирта на душу населения в стране приводит к падению производительности труда на 1 %. У нас сейчас потребление спиртного составляет 18 литров чистого алкоголя на человека в год. Снижение этого потребления — огромный ресурс для роста производительности труда даже без всякой иной модернизации. Только одно введение «сухого закона» могло бы поднять в России производительность труда до уровня передовых стран. Мы бы легко могли жить как в Европе уже через несколько лет, если бы все совсем перестали пить. Введение «сухого закона» требует массивной предварительной

пропаганды и параллельного запуска других реформ, которые бы давали замену алкоголю. Что, впрочем, относится и ко всем идеям и реформам, описанным выше. Кроме того, все сказанное об алкоголе, конечно же, относится и к наркотикам, и к курению и проч.

12. **Демилитаризация и разоружение.** Насилие есть способ закреплять и сохранять за собой некие полученные преимущества, а это важнейшее условие застоя на планете. Никому не должно быть позволено угрожать и применять силу, это должно быть настолько аморально, нетерпимо и неприемлемо, что всякий подобный факт должен немедленно подвергаться самому суровому и единодушному осуждению всех жителей Земли. Надо добиться такого морального климата на Земле, чтобы люди вообще ни в каком виде не поддерживали политиков-милитаристов, тех, за чьей спиной маячит ВПК и проч.

Военный бизнес должен быть таким же незаконным и скандально нечистым, как наркобизнес, торговля органами детей и проч. Максимой каждого государства во внешней политике должно стать сказанное когда-то Ницше: «И возможно, великий день наступит тогда, когда народ, известный войнами, и победами, и наивысшим развитием военного порядка и науки, и приученный приносить самые большие жертвы ради этого, сам по своей воле воскликнет: «Мы преломляем меч» и разрушит все свое военное строение до основания. Разоружение себя, когда ты лучше всего вооружен, из высшего чувства — в этом состоит средство реального мира, которое всегда должно опираться на мир в душе; а так называемый вооруженный мир, который существует теперь во всех странах, представляет собой отсутствие мира в душе. Никто не доверяет ни себе, ни соседу и отчасти из ненависти, а отчасти из страха

не складывает оружие. Лучше умереть, чем ненавидеть и бояться, и лучше дважды погибнуть, чем сделать так, чтобы тебя ненавидели и боялись — когда-нибудь это станет также высшей максимой всякого государства».

Это и есть самоотказ цивилизованных стран от гарантированного статуса руководителей мирового порядка. Это и есть то, что требует «закон Феникса» от настоящего субъекта на пике могущества отказаться от всего, что имеешь, чтобы начать заново. Только отказ от военной мощи и есть заявление государства идти на риск настоящей конкуренции в мире, без использования некоего монопольного положения и сохранения привилегий, без такого отказа все разговоры о модернизации, демократии и духовном лидерстве есть чистое лицемерие.

Военно-промышленный комплекс есть самое большое наследие именно средневекового традиционного мира. И то, что большое количество хай-тек новинок производится в сфере ВПК, не оправдание, ведь на самом деле куда большая часть теорий, достижений и проч. остаются секретными и просто НЕ служат людям, создавая склады ненужного, неприменяемого и морально устаревающего оружия.

Огромный научный потенциал как раз наоборот канализируется в непроизводительном направлении, оставаясь потенциалом и не актуализируясь, не вбрасываясь в научную коммуникацию и в практику. Нет ничего такого, что может делать оружие и чего нельзя было бы сделать с помощью пропаганды. Даже человека или государство можно уничтожить с помощью пропаганды, довести до самоубийства. Но пропаганда действует за счет открытости коммуникаций, а оружие — за счет секретности и обрыва коммуникаций, выступая как антимодернизационный фактор. Про-

паганда и «холодная война» дают конкуренцию идей, а оружие давит за счет мертвого груза накопленной силы.

Вот только дюжина мер, которые ведут к модернизации и активизируют модернизационный потенциал. Естественно, их можно придумать гораздо больше. Многое выглядит совершенно фантастически, и таким и является, по крайней мере, без одновременного осуществления программы сразу во всемирном масштабе и без соответствующей всемирной пропаганды.

Еще один важный момент: можно заметить, что большинство из предлагаемых мер активно эксплуатируют человеческую возможность дарения и отказа от собственности (отказ от собственности при занятии властной должности, отказ от передачи по наследству, отказ от интеллектуального плана, отказ от накопления в любом виде, отказ от крупного капитала, отказ от оружия и монополизма и проч.). На самом деле собственность как отношение включает в себя три момента.

1. Потребление (я не могу потреблять несобственное когда я что-то потребляю, то становлюсь собственником этой вещи).

2. Производство или обозначение (когда я в любом виде оставляю на материи след своего духа, я собственник этой вещи).

3. Отчуждение, дарение (когда я расстаюсь с вещью, дарю ее, я тем самым проявляю над ней высшую власть, показываю, что я не раб этой вещи, могу от нее не зависеть).

Так вот: то, что необходимо нашему миру, — это переход из мира потребления и мира производства в мир дарения. Это мир, где не престижно потреблять, зато морально и модно дарить и благотворительствовать,

постоянно, говоря христианским языком, «носить вериги друг друга», не упускать случая помочь и совершить добрый поступок.

Как это может выглядеть? Во-первых, всестороннее развитие ресурсов, прообразами которых уже выступают торренс-сервисы, ресурсов с условным названием, например, «Подарю. ру», где люди бы давали объявление о том, что готовы отдать не нужные лично им вещи. Там же могут быть и кооперационные объявления, например: «Я еду из одного города в другой, возьму попутчика или захвачу почту, груз».

Пора отдать должное фихтевской концепции собственности, которую в свое время восприняли как странную (ее суть: собственность бывает не собственностью на вещь, а собственностью на определенное отношение. И если одно использование не мешает другому, то у вещи может быть много собственников). В принципе на этом понимании держится большая часть бизнесменов, которые являются собственниками не вещей, а схем.

Творческое создание схем, при которых ресурсы и вещи будут использоваться с максимальной отдачей, а не простаивать, — дело будущего. Мир, в котором дарение будет одной из главных добродетелей (что соответствует «закону Феникса»), не отменяет производство: это так же невозможно как отменить потребление. Утопии типа книги А. Секацкого «Беглецы с острова сокровищ», где страта людей пользуется вещами только когда они им нужны, а потом оставляет их для пользования другим, молчаливо предполагают производственную сферу, либо эти люди вынуждены быть маргинальной диссидентствующей и паразитической группой. Тем не менее, книга способствует пропаганде будущей этики дарения.

Перечисление всех вышеназванных реформ как минимум стимулирует мышление и социально-гуманитарное творчество. К сожалению, креативность на-

ших «либералов» и их предложения по модернизации заканчиваются на требования «выпустить Ходорковского» и вновь ввести губернаторские выборы, а модернизационной фантазии наших «левых» хватает только на такие меры как «отдать под суд Чубайса» и национализировать имущество олигархов...

Убогость и примитивность политиков — свидетельство их нынешней кастовости и замкнутости, отсутствия коммуникации с социальной наукой, которая может предлагать что угодно, но это никогда не будет прочитано, осмысленно и запущено в практику для того, чтобы практика поправила все те вещи, которые действительно непрактичны.

По большому счету социальному философу все равно как устроен мир, поэтому автор не является яростным поклонником высказанных идей. Другое дело, что без свежих идей в мире модерна не могут обойтись сами политики. Пусть все сказанное будет воспринято хотя бы как средство для «расширения сознания», некая умственная гимнастика, массаж мозга, позволяющие взглянуть на мир хоть чуть-чуть незамысленным, незашоренным взглядом.

И еще. Всякая модернизация основана на идеологии субъекта и картезианской революции. Но, естественно, это не догма. Кто сказал, что мы не можем вообще переосмыслить все так, что обойдемся без субъекта, без понимания человека как субъекта. Тогда и апории «закона Феникса», модерна и постмодерна станут нам по зубам.

ИМПЕРИАЛИЗМ ПРОТИВ НАЦИОНАЛИЗМА

Все больше людей задаются вопросом: «как относиться к национализму?». Но национализм может иметь притягательную форму. К какому национализ-

му? К украинскому? К грузинскому? Латышскому? Плохо. *Русскому? А вот к русскому - хорошо.* У нас так и получается: чужой национализм плох, а свой хорош!

Давайте будем принципиальными: национализм или плох или хорош любой. Мне отвратителен национализм поляков или грузин. Вам, например, тоже. Но, заметьте: им будет так же отвратителен русский национализм. А я настолько националист, наверное, что не хочу, чтобы что-то русское вызывало отвращение у кого бы то ни было. Даже у поляков.

Национализм — удел наций-неудачников, одержимых комплексом исторической неполноценности. Зачем это нам? И опасность в том, что сейчас в России в решающую фазу входит то, что можно назвать **демаргинализацией национализма**. Социология фиксирует: лозунг «Россия для русских» поддерживает до 15 % населения и около 30 % согласны с тем, что русские должны быть привилегированной нацией в России.

Между тем, очевидно: национализм — единственная опасность, которая реально может взорвать и уничтожить страну. Если бы сейчас кто-нибудь в Вашингтоне или в Пекине, в Лондоне или Аддис-Абебе планировал бы уничтожить Россию к 2015 году и перебирал бы различные варианты, он вряд ли решился бы действовать методами, которыми разваливали Советский Союз.

Никакие статьи о «репрессиях Сталина» сегодня уже не помогут. Народ России получил иммунитет против демшизоидной пропаганды. Есть только один способ взрыва ситуации, один способ применять старый принцип «Разделяй и властвуй!» — спекуляция на национальных, религиозных и культурных различиях.

Желающий уничтожить Россию, понимал бы, что нужно зажечь Кавказ, расшевелить Татарстан, вызвать волнения в Туве, Бурятии, Якутии, спровоци-

ровать беспорядки между несколькими десятками национальных диаспор в Москве. Достаточно поднести спичку, и последствия могут быть чудовищные. О какой тогда политической стабильности, о каком экономическом росте говорить?

Не случайно старейшие диссиденты и ненавистники России, взяв того же Веллера, усиленно пытаются сейчас натравить русских на мусульман. Если такая война разгорится, это спасет и Европу, и Америку. Они давно уже мечтают воевать с мусульманским миром нашими руками «до последнего русского». В России полтора десятка миллионов мусульман, да еще на границах миллионов 150! Поссорь их с русскими — и нет никакой России. Всем спецслужбам мира это ясно. Это не ясно только «патриотам России», которые усиленно кричат про «засилье черных», про «Россию для русских», а заодно и про жидомасонский заговор.

Национализм опасен еще и тем, что его проблему нельзя решить с помощью договоров и разговоров. Наоборот, разговоры на национальную тему подчиняются не «логике консенсуса», где стороны отступают от первоначально радикальных мнений, а «логике катастрофы», когда стороны становятся крайними радикалами тем сильнее, чем дольше тянется разговор.

Любое обсуждение национальных, религиозных, культурных различий плохо само по себе. Это все равно что сыпать соль на рану и заливать костер бензином. При этом не важно, **ЧТО ГОВОРИТСЯ**. Говорят ЗА национализм или против, за русских или против, за татар или против. Всякий раз, сидя перед телеэкраном, зритель начинает думать: «А я кто? Я русский? Или татарин? Или еще кто-то? А если я татарин, то какие это обязательства на меня накладывает? Надо учить язык, надо ходить в мечеть, надо ненавидеть русских?».

Так, вместо того, чтобы думать о зарплате, телесериалах, профессиональной карьере, и вообще о чем угодно, он сбивается на не нужные для государства мысли о своей национальной идентичности.

Но проблема в том, что ОТВЛЕЧЬ от темы национализма не удастся. В этом специфика сегодняшнего момента, об этом надо было думать раньше. ТЕПЕРЬ ПОЗДНО. Национализм в моде. Так что же? Теперь включается логика: «Если нельзя остановить, то надо возглавить?». Если так, может быть, Кремлю и президенту стать главными националистами в стране? Нет, это самоубийственно! Да этого и не требуется. Кремль не может себе этого позволить, так как не может и не должен в многонациональной стране оседлывать и возглавлять идеологию национализма, пусть даже эта разрушительная идеология и набирает силу.

Но здесь важно расставить нужные акценты. Национализм — это действительно враждебная и разрушающая страну идеология. Ее используют враги России, ею по-глупости увлекаются «друзья» нашей страны.

Национализм не может привести только к ответному национализму других этносов. В итоге это разрушает страну. С националистами бесполезно бороться, рассказывая об ужасах социальных потрясений в случае стычек с инородцами. Они думают: «Нас все равно больше, мы все равно победим, зато не будет черных».

Многие националисты готовы биться с инородцами лично и даже погибнуть за Русь Святую. Это придает героический оттенок их жизни и смерти, но делает их бессмысленными. Войной не запугать, социальными катаклизмами тоже.

Так что же делать? Пугать, но пугать другим. Страшно то, что в итоге исчезнет единственное преимущество России в мире, исчезнет то, чем каждый гордится, что в себя впитал с молоком матери — **ВЕЛИЧИНА**

РОССИИ. На эту жертву даже националисты не готовы идти.

Многие националисты по привычке все еще являются империалистами. Они думают, что может существовать «Россия для русских» в тех же пределах, что и нынешняя Россия. А это не так. Надо показать, что нынешняя Россия — это не какая-то «естественная величина», а величина, за которую мы платим неким ужиманием прав титульной нации, несем «бремя белого человека». **ГЛАВНОЕ, что надо сделать в области идеологии — это РАЗВЕСТИ И ПРОТИВОПОСТАВИТЬ НАЦИОНАЛИЗМ И ИМПЕРИАЛИЗМ И РЕАБИЛИТИРОВАТЬ ИМПЕРИАЛИЗМ!!!**

Точка зрения, что Россия должна стать маленькой страной с исконно русским населением, ужаться до Русистана, так как «империя нам не по силам», маргинальна и непопулярна даже среди националистов. Все хотят Россию «от края до края». А края — это огромные Якутия, Тува, Бурятия, Кавказ и проч. с компактно проживающим национальным населением.

Националисты тычут в лицо статистикой, мол, русских в России 80 %, и это моноэтническое государство... Да, но на Кавказе их не 80 %, и в Туве и т.д. Но никто не согласится отдать эти территории Турции или Китаю, потом что проблемы, которые сейчас из-за них есть, только усугубятся. Да и Великой Страной мы перестанем быть. Так что империалистами являются почти все русские.

Среди нерусских этносов гордость за житье в большой стране испытывает большинство. Эта гордость больше, чем собственная национально-этническая гордость. А если страна делает успехи, то тем более.

Рассказывают, когда Гагарин полетел в космос, чеченцы в аулах выбегали из домов, доставали дедовские ружья и салютовали, обнимались с русскими как бра-

тя. В Якутии целыми улусами приходили в паспортные столы и просили записать их как «русских». Они гордились за всю страну.

И русские, и нерусские гораздо больше империалисты, чем националисты. Империализм теперь не должен мыслиться как угнетение одной нацией других. **Империя — высшая форма государства и общества** (предшествующие, более низкие формы — это родоплеменные общества, затем идут «национальные государства» а выше них стоят империи), поскольку империя теперь — это добровольное (раньше — принудительное) объединение наций для достижения общих исторических целей (выживание, экономическое развитие, реализация какой-то миссии и проч.).

Звать россиян к национальному государству («Россия — для русских») или к родоплеменному строю, как делают националисты на Кавказе, в Бурятии, Туве и проч., — значит ЗВАТЬ НАЗАД, ВОН ИЗ ИСТОРИИ.

Часто можно слышать такое рассуждение: *«Почему русские так относятся друг к другу? Возьмите любой город в нашей стране: как только на какой-то должности появляется азербайджанец, чеченец, армянин, сразу на всех должностях в этой организации так же появляются его родственники, друзья, соплеменники. Они держатся друг за друга везде по всему миру как одна семья... То же самое в армии, на зоне. А мы? Русская диаспора по всему миру разрознена, и у себя в стране мы ведем себя как чужие друг другу... Мы не заступаемся друг за друга, а они, стоит кого-то обидеть, тут же горой. Разве это плохо?»*.

Да, это плохо. И тут нечему подражать. Все дело в разных идентичностях. Малые народы имеют жесткую племенную идентичность, нацеленную на исключение всяческих влияний и мутаций, приходящих извне. Они внимательно следят, чтобы их язык не засорял-

ся иностранными словами, чтобы соблюдались обычаи, везде и всюду отстаивают свою культуру, которая законсервирована в виде жестких норм.

Они, как правило, жили и формировались во враждебном окружении, в риске полного исчезновения. У них обостренное чувство самосохранения. Например, чехи жили то под влиянием немцев, то под влиянием австро-венгров. Естественно, они всегда будут очень четко отделять «свое» от «чужого» и максимально бороться за «свое». Только так они и выжили, маневрируя между разными другими нациями.

Биологи рассказывают, не знаю правда ли это, что если на Земле произойдет ядерная война и настанет ядерная зима, то единственные живые существа, которые сохранятся, — это тараканы. На них не действует радиация. Их генотип настолько жестко сформирован и крепко сбит, что он не подвержен мутациям. Вот такого типа «тараканья идентичность», не подверженная мутациям, выживающая в самых неблагоприятных условиях, и выдается вами за образец нашего поведения. Оно, конечно, хорошо, но таракан примитивен, не хотелось бы мне быть тараканом. Лучше уж умереть.

Русские имеют «рисковую идентичность», они идут на риск заражения всяческими мутациями, от которых могут и погибнуть. Но то, что не убивает — делает сильнее. Наша идентичность не исключает влияния, а включает его в себя. Например, наш язык спокойно принимает иностранные слова. Наша культура постоянно обновляется. Русские не боятся нового, наоборот, ставят на включение этого нового.

Изначально русские формировались не по племенному принципу, а как суперэтнос, включающий в себя славянские, тюркские и финно-угорские элементы. «Русские» — имя притяжательное, ответ на вопрос: «чьи вы?», то есть «кому дань платите?». Дань платили

«руссам», то есть некой варяжской верхушке, которая называла себя «русскими». Поэтому все и стали русскими.

Русская идентичность не предполагала ничего определенного, никакой «крови» и «почвы». Русским может быть любой. Если бы так и продолжалось, то все было бы прекрасно, мы так бы и продолжали включать в себя народы и страны, как раньше. Были даже проекты, включения «под руку белого царя» Монголии и части Китая... Но в XIX веке, к сожалению, начались разрушительные процессы, которые развалили не одну империю.

Когда эллины стали противопоставлять себя остальным, развалилась Византия. Когда немцы стали считать себя более благородными, чем чехи, словаки, мадьяры, развалилась Австро-Венгрия. У нас тоже началось деление на великороссов, малороссов, белорусов. И возникли жесткие рамки идентичности, некие признаки «русскости» (русые волосы, голубые глаза, православность, самовары и балалайки и многие другие любимые консерваторами вещи, кстати, пришедшие к нам из Италии, Японии и проч.).

Эти процессы начались еще с раскола, когда старообрядцы хотели противопоставить православию свою особую версию. Мы сейчас, как армяне, гордились бы специфическими особенностями своей религии. Но Никон, который мыслил имперски и хотел стать православным «римским папой», понял, что наша религия не должна отделять нас от православного мира — тогда Россия сможет стать лидером этого мира.

В то время не удалось начать мыслить в рамках «свой» и «чужие». Наша включающая идентичность восторжествовала, мы не дали себе превратиться в «особую нацию», оторваться от всего мира и противопоставить себя ему.

То же самое Великий Петр: он не был примитивным западником типа ющенко и саакашвили тех времен, не желал бегать в холуях Европы. Он так любил Европу, что хотел, чтобы Россия стала центром Европы, а значит, мы не должны костенеть в своих особенностях национальных, а, замаскировавшись под Европу, слиться с ней, чтобы потом восторжествовать в ней. И мы восторжествовали во время Екатерины.

А дальше стали набирать силу центробежные тенденции. Появились великороссы, малороссы... И хотя русский философ Соловьев мечтал о всеединстве, некой всеединой идентичности, его проект сбылся, но под странным соусом пролетарского интернационализма, который помог реставрировать многонациональную империю. Но уже в этой империи русские стали особым народом, что заложило бомбу и потенциальный развал.

А надо мыслить так: нет русских и нерусских. Все люди — русские. Хотя бы потенциально. Как говорил Августин, подчеркивая универсальность христианства и спекулируя на его огромных миссионерских возможностях, что «каждая душа от рождения — христианка», так и мы должны считать, что все люди от рождения — русские, пусть они и не знают об этом.

Блок писал: «Нам внятно все, и острый галльский смысл, и сумрачный германский гений». Россия еще при Иване III была страной с несколькими миллионами населения. Как бы мы ни размножились, превратиться в 200-миллионный народ мы могли бы только через включение других наций. К нам ехали миллионами, и немцы, и французы, и итальянцы.

В мире есть только одна страна, где так же делается ставка на новации, включение и потенциальное обращение всех в свою нацию. Это Америка. Мы и американцы не озабочены **самосохранением**, как какие-ни-

будь мелкие фольклорные нации типа поляков. Мы не боимся саморазрушения и чужого влияния, потому что возрождаемся из пепла. Американцем может стать любой: и узкоглазый, и латинос, и негр. Поэтому Америка и стала сверхимперией.

Но она тоже подвергается заражением бациллы консервации. Сейчас Соединенные Штаты не справляются с ассимиляцией. Негры и латиносы считают себя чем-то иным, китайцы и японцы не ассимилируются, а англосаксы подчеркивают, что они — истинные американцы. Это их уничтожит.

Если мы постепенно настроим себя на то, что в мире нет своих и чужих, а все — наши, то весь мир и станет наш. Если будем держаться за свои отдельные исторические формы и консервировать их, противопоставлять другим, сберегать от мутаций, обречем непробиваемую «тараканью идентичность», выживая, не будем великим историческим народом. Будем народиком, представляющим фольклорную ценность, интересным только себе.

Солженицын для меня — критерий ярче Чубайса: если он что-то хвалит, это явно вред. В «Как нам обустроить Россию» он выступает за распад СССР и вообще против империализма, потому что «империя нам теперь не по силам». Царской России была по силам, при населении, в три раза меньшем, а нам, оказывается, не по силам. Америке она по силам, хотя Штаты весь мир стремятся контролировать и эксплуатировать, а нам — не нужна. Европа объединяется в Евросоюз, а нам надо ужаться до границ Московской Руси. Нам, оказывается, нужна нация, национализм вместо империализма...

Знает, гад, в какое место целить! Единственное, что может развалить многонациональную страну, — это национализм. За идеи социализма или либерализма

никто уже кровь проливать не будет, а вот за нацию — запросто. Именно этот опасный вирус Солженицын предлагает запустить. Ведь империя — не просто амбиция, империя — это высшая форма государства, призванная объединить разные народы во имя общей миссии, форма государства, стоящая над национализмами и семейно-клановой кровной системой государства. Империя — это идеальное государство, а не кровно-земное, как государство-нация.

Кровно-земной проект государства осуществляли фашисты с их лозунгом «крови и почвы». Империя — это крайняя противоположность фашизма с одной стороны, и маленького национализма мелких неисторических наций — с другой стороны. Но этого «пророк» не понимает, он говорит: откажитесь от амбиций, и будете жить как в Японии!

Неужели нам и правда можно поставить Японию в пример? Кто из русских согласился бы стать японцем, норвегом, прибалтом, чехом? А ведь там везде жить комфортно, уютно, и «сбережение народа» будет...

Спор между Никоном и Аввакумом — это и есть спор о том, быть России великой империей или маленькой фольклорной страной. Никон хотел, чтобы наше христианство не отделяло нас от остального мира, а объединяло с ним, хотел, чтобы Россия стала лидером всего христианского мира, а не исповедовала какое-то особое христианство, которым можно гордиться наряду с другими, не похожими ни на кого, феноменами: балалайками, матрешками...

Наш народ, в отличие от мелких народов и народиков, не ставит целью «сбережение», такая цель достойна мокриц и тараканов, которые настолько хорошо приспособлены к сбережению, что выживают даже при ядерной катастрофе. Наш народ привык жертвовать собой и рисковать в имя великого. Именно поэ-

тому мы, а не японцы, были первыми в космосе, мы, а не прибалты уничтожили Гитлера, под которого легла вся Европа в порыве «самосбережения», именно мы, а не норвеги, победили Наполеона, именно мы, а не чехи, покорили и освоили шестую часть Земли, чего не смог сделать ни один народ в мире.

И поэтому когда сотни публицистов кричат: «России нужна национальная идея», я отвечаю: «Национальная, то есть чисто российская идея, России не нужна. Вместо того, чтобы толкаться за место под солнцем среди других таких же наций и народов, нужно самому быть солнцем, чтобы все толкались за место «под тобой». Если ты хочешь быть мелкой страной со своей мелкой национальной спецификой, то, конечно, можно сидеть и культивировать в себе свои валенки и самовары. Если страна хочет быть великой, хочет делать историю, а лично я без этого себе Россию и не мыслю, то нам нужна всемирно-историческая, а не национальная идея.

Сейчас в мировой истории очень удобный момент для этого. Вспомните, еще 50—100 лет назад по миру шли социализм и коммунизм. Это были огромные массовые религии, захватывающие не только миллиарды масс, но и всю интеллектуальную элиту человечества. Быть левым и быть интеллектуалом значило одно и то же. В революциях все видели себя щепкой в костре истории. У людей был смысл жизни. И это было не национальным движением.

Нынешнее возвращение от коммунизма к неолиберализму и неоконсерватизму — лишь реакция, мелкая и временная. Она не сравнима с теми вихрями, которые вились на планете еще 50—100 лет назад. Если же посмотреть в глубь истории, можно увидеть, что коммунизму предшествовало мощное либеральное движение, целая эпоха Просвещения с ее новыми людьми,

моралью, политикой и экономикой. А до того были религиозные войны, в которых погибало до четверти населения Европы.

Каковы масштабы! Сейчас ничего подобного нет. Никто не знает, КУДА идет история и ЗАЧЕМ, нет ни у кого ощущения, что с ним Бог или Истина. Арабские, христианские фундаменталисты не в счет, это тоже только реакция. Даже так называемая «религия потребления» уже не работает, скоро сойдет на нет. Поэтому народ, который даст миру новый ИЗМ, новый вирус, новый импульс истории имеет все шансы эту историю возглавить. Это новая идея, новый смысл жизни, новый образ жизни, возможно. Во всяком случае это должно подходить и индийскому йогу, и брокеру с Уолл-стрит, и китайскому крестьянину, и гаучо из Боливии, и французскому кутюрье, и негру престарелых лет..

Когда говорят, что глобализация уничтожает уникальные культуры, народы, религии и прочие идентичности, это не совсем так. Она им противостоит и иногда уничтожает. Но с тем же успехом можно сказать, что она же их и порождает как реакции.

Всевозможные фундаментализмы и консерватизмы часто берут верх над глобализацией. Более того, они переживают второе рождение. И дело зашло так далеко, что вся политика в разных частях Земли не мыслит себя ничем иным кроме как настаиванием на своей своеобычности, интересности и уникальности в противовес глобализации.

Все страны провалились в прагматизм и национальный эгоизм. У всех, теперь только вечные интересы и никаких вечных ценностей. Это значит смерть метаидеологиям (чего хотел постмодерн), смерть великим державам. Казалось бы, надо радоваться, но...

Сузим проблему до круга наших знакомых. Например, ваш приятель заявил, что он чистый прагматик,

исходит только из выгоды в отношениях и защищает всегда только свои интересы. Пожалуй, мы бы могли отнестись к этому как к его праву, но... не более того. Вряд ли такой человек был бы другом, вряд ли он был бы нам интересен, вряд ли бы он нас увлек. А если бы активно принялся отстаивать свою идентичность, то стал бы, пожалуй, и неприятен, а может быть, даже исключен из общения.

Когда Украина гордо говорит о том, что теперь она следует своим национальным интересам, это может и раздражает, но не вдохновляет. Нам-то, татарам, что с этого? Нам-то англичанам (неграм, русским, японцам) что с этого? Когда русские националисты кричат о великой России, понимают они, что никакого ВЕЛИЧИЯ не получают, потому что как минимум они не интересны 50 национальностям, живущим в России, не говоря уже обо всем остальном мире.

Великие державы строились на великих идеях. Коммунизм обращался ко всем на Земле. Либерализм, как и великие философии и искусство, возникали там, где не задумывались о «немецкой идее» или «французской идее», а просто мыслили обо всем человеческом и вдохновляли все человечество.

Мне не нравится глобализм и не нравятся арабские экстремисты. А меня заставляют выбирать между ними. И дело не в том, что они мне не нравятся, потому что за глобализмом стоит американская специфика, а за антиглобализмом — арабская. За глобализмом не стоит никаких специфик, в то же время на другом полюсе стоит дурная бесконечность этих специфик, и ни одна меня не вдохновляет. Настоящая опасность от глобализации не в исчезновении этих специфик (они только множатся), а в том, что мы застряли между их множеством и их пустым абстрактным отрицанием (в рынке).

Мы потеряли великое, мы потеряли всеобщее. Всеобщее — вот что стало редкостью, вот на что сейчас самый большой спрос. Та «национальная» философия, которая поднимется над своим национализмом и даст миру это всеобщее, сделает великой и свою нацию.

Нельзя противопоставлять национализм глобализации. Это две стороны одной медали. Возьмите любую Украину, которая становится более западной в последние годы, и вы увидите, что запущены оба процесса. С одной стороны, она включается в мир глобализации, открывает двери всем Макдоналдсам, с другой стороны, появляются вареники и вышиванки. Поэтому и продукт этого западного влияния — особый человек, то есть национал-либерал. Ярый фальсификатор своей истории, рассказывающий о том, что все в мире произошло от украинцев, и он же — либертинианец в экономике, фанат США и проч. В России тоже такие есть.

Современный медиамир загоняет человека в ложную дилемму: или вненациональное, или национальное. В обыденности это выражается в наличии таких людей, которые говорят: «Родина там, где хорошо». Они работают на абстрактной работе, как абстрактные профессионалы, которые могут выполнять такие же функции где угодно, лишь бы платили. Они загорают на пляжах в отпуске, которые одинаковы и в Египте, и в Турции, и даже почти не глазеют на мало трогающие их памятники истории.

С другой стороны, есть некие националисты, которые готовы ходить в лаптях, пить чай из самовара, презирают все импортное, занимаются только тем, чем в любом другом месте заниматься бы не смогли и тащатся только от городов Золотого Кольца.

В философии эта противоположность тоже ярко выражена. Есть те, кто занимается логикой, методоло-

гией науки и прочими абстрактными и вненациональными проблемами, а есть те, кто занимается так называемой русской философией, тесно переплетенной с православием и не востребованной нигде, кроме России. Условно говоря, одни люди не укоренены вообще ни в какой почве, другие укоренены в своей.

Моя позиция: не «вненациональное или национальное», а всенациональное. Я вижу свои корни, и не только свои, но и русские, во всех культурах. В германской культуре и латинской, англосаксонской и африканской. Для меня священны камни Парфенона и Иерусалима, Константинополя и Парижа, так же как стены Валаама и Троице-Сергиевой Лавры. И уж конечно, я лучше поеду на Байкал, на Камчатку или русский Север, чем восемнадцатый раз в Турцию. Говорят, там «все включено», но на самом деле «все исключено»: за скобками этих отелей остается весь мир. А именно этот мир — весь мир — и есть моя Родина.

Возвращаясь к философии, я считаю, что русская философия именно как русская философия должна быть всемирно-исторической, а не фольклорно-национальной. Именно всемирно-исторической ее хотели видеть и Пушкин, и Достоевский, и Блок. И они поднимали в своем творчестве проблемы вселенского масштаба.

Но как получалось, что гибли великие империи: например, Рим, Византия, Османская Империя и уже не возрождались? С чем это связано? Есть много ответов на этот вопрос, но лично меня интересует такой фактор как язык. Есть такое явление — обратное влияние неофитов на носителей языка. Условно говоря, жили раньше в поднепровье сарматы, народ иранской группы. А для их языка характерно специфическое «Г», которое, как «Х». То есть это акцент тех, для кого язык славянский неродной. А потом и сами славяне южные

заразились этим акцентом и сейчас с этим акцентом говорят.

То же касается грамматики. Она упрощается. Какой-нибудь негр или приехавший в Лондон прибалт не будет делать различий между презент и презент континиус. Зачем? И так его понимают.

Постепенно в речи целых социальных групп вымываются времена, падежи, слова. Язык упрощается, чтобы быть удобным для вливающих эмигрантов, но сами носители уже учат этот новый упрощенный язык, они берут его из СМИ, из газет, они уже с трудом читают собственную литературу.

С одной стороны, можно радоваться, например, что английский распространяется по миру, что это язык международного общения. Но что это за язык? Это несколько выученных топиков типа: «Хау а ю?», ответ: «Ай эм файн, фэнкс».

Язык превращается в ритуальные жесты, набор смайликов, техническую поделку. Греческий язык был уничтожен эллинизмом. И греки уже никогда не станут теми великими древними греками, потому что на новогреческом нельзя мыслить. Нельзя мыслить на латинском, на английском. К сожалению, похоже, уже и на русском.

Другая сторона процесса — насыщение языка иностранными словами так, что носители языка употребляют теперь слово функционально, не слыша его «внутреннюю форму», не слыша корня. Слова становятся чистыми знаками, они не провоцируют созерцание, исполнение интенции, не провоцируют трансгрессии смысла, метафор, мышления. Так же как символьная запись типа математической. Мышление становится чем-то типа счета.

Все имперские языки нацелены на включение новых слов, а не на исключение (как языки маленьких

народов). Русский — страшно имперский язык, в нем фантастическое количество иностранных заимствований, которых русский не боится. С каждым годом их все больше. То есть империи — большие плавильные тигли народов — так примитивизировали свой язык, что этот язык сам порождает дебилов. То есть нельзя не быть дебилем, если мыслишь на этом языке. А дебилы уже, соответственно, не способны поддерживать империю.

Разница между дебилем и не дебилем не видна на первый взгляд. Византийский грек и грек времен Гераклита вроде одни и те же греки. Или, например, нынешних американцев, конечно, можно назвать дебилами, но вроде бы и другие не лучше... А на самом деле лучше. Вот такая теория.

Россия, тем не менее, находится в лучшем положении, потому что все 1000 лет ее истории постоянно существовал и воспроизводился древнеславянский, церковнославянский язык, который знал весь народ по Псалтыри и Евангелиям. И этот источник не давал деструктивным силам взять верх. Сейчас многие жалуются, что в Церкви служба непонятна. Я тоже считаю, это безобразие! Поэтому предлагаю не переход в церкви на русский современный, а наоборот обязательное изучение церковнославянского и древнерусского во всех школах с первого класса. Это даст потрясающий эффект для культуры, для языка, для мозгов.

РОССИЯ КАК ТУРИСТИЧЕСКАЯ СВЕРХДЕРЖАВА

К открытию Шанхайской всемирной выставки

В 2002 году, когда я первый раз был в Шанхае, китайцы уже тогда готовились к выставке 2010 года не меньше чем к Олимпиаде. А в 2009 году я отдал замес-

тителю министра регионального развития РФ тезисы со своими предложениями к оформлению русского павильона. Как я понял, они остались не услышанными.

Отзывы о русской экспозиции в Шанхае разные. Одни говорят, что наш павильон выглядит неплохо, другие — что ниже среднего. Но даже если бы он был лучше всех, он не выжал бы из этой выставки максимум и не стал самокупаемым, а именно на это была направлена моя концепция.

Тезисы

1. ЭКСПО — важнейшее экономическое, культурное и политическое мероприятие, своего рода соревнование стран в области презентации мирового и собственного будущего. Чей образ окажется наиболее привлекательным, тот и получает шансы на своеобразное мировое лидерство, претендует на то, чтобы стать законодателем моды в той или иной сфере. На ЭКСПО страны показывают свои самые выдающиеся достижения, свою витрину, пытаются всеми силами обратить на себя внимание. Недаром китайская сторона начала подготовку к ЭКСПО-2010 еще в 2001 году. Для растущего Китая это своего рода веха, реперная точка, сравнимая по значению с Олимпиадой-2008. Именно на этой выставке Китай планирует всерьез заявить о себе как о мировом лидере не только в производстве ширпотреба, но и в области хай-тек.

2. Для традиционных лидеров, таких как США, Германия, Япония, Южная Корея, Сингапур — это шанс не утратить прежних позиций, а презентовать еще что-то более ультрасовременное, задать новую мировую повестку дня.

3. Участие России на предыдущих выставках в Ганновере и Нагое было крайне неудачным. Наши экс-

позиции уступали экспозициям большинства стран-участниц. Россия демонстрировала остатки прошлых советских достижений в совершенно традиционной, немодной, скучной манере, тем самым создавая образ страны, у которой отсутствует и стратегическое видение будущего, и прорывные уникальные технологии.

4. Для концепции выставки в Шанхае определенная сложность заключается для России в том, что мы реально вряд ли сможем конкурировать с экспозициями, которые представят развитые страны в сфере хай-тек. Надо отдавать себе отчет: мы не сможем достойно противостоять огромному количеству современных роботов, сервисов, строительных технологий, новых материалов и проч., которые будут представлены основными игроками. Башни из прозрачного бетона, эко-системы, телекоммуникационное оборудование будут представлены на таком уровне, что пытаться соревноваться в этой нише — значит заранее обречь себя на поражение. На фоне всего этого даже наши отдельные достижения, к тому же без современного промышленного дизайна, будут выглядеть убого и только подчеркнут нашу отсталость.

5. В то же время мы не можем делать выставку и в традиционном стиле, «а ля рус», с деревянными домами, теремами, самоварами, кокошниками и проч., потому что это противоречит концепции ЭКСПО-2010 — «город будущего».

6. Это, однако, не означает, что для России нет выхода. Нужно просто представлять лучшие хай-тек достижения, при этом уравновешивая, или скорее, компенсируя их недостаток преимуществами, которые у России есть. Это природа, люди, культура. Одним словом, больший упор должен быть сделан на хай-хьюм.

7. Разработка всякой концепции должна начинаться с главного: с ответа на вопрос, «кто целевая группа?»,

для кого мы все это делаем, кто будет оценивать успех или неуспех экспозиции и для кого наша экспозиция может показаться оригинальной, привлекательной.

8. Надо понимать: основными зрителями и участниками будут, прежде всего, китайцы, журналисты, туристы, жители стран тихоокеанского азиатского региона. Это и есть целевая группа прежде всего.

9. В чем специфика этих государств на данном определенном историческом этапе? Это страны, которые проходят интенсивный период модернизации. Чтобы проиллюстрировать разницу между традиционализмом, модернизмом и постмодернизмом, представим патриархальное село, где все играют на гармошках и балалайках, пьют чай из самовара, с косой и плугом ходят в поле, по субботам — в баню, а по воскресеньям — в церковь. Девки выдают замуж после сватовства и в семье много детей. А управляют всем помещик, управляющий и поп. Город считают рассадником порока и обителью дьявола. Это традиционное общество.

Как будет выглядеть модернизм? Это когда в селе начинается демократия и управляет выборный орган, какой-нибудь совет. Церковь сносят, как мешающую науке и просвещению. В поле вместо плуга — комбайн и куча химических удобрений, которые загаживают все поле напрочь. Девки женятся по любви, детей рожают одного-двух. Чай все пьют из электрочайника и в клубе играют на электрогитарах и синтезаторах. А главное, все мечтают уехать в город, потому что там настоящая жизнь.

А что такое постмодернизм? Это когда вокруг прекрасная природа, потому что никто не сеет, не жнет, а транснациональные корпорации выращивают генномодифицированную пшеницу либо в теплицах, либо в странах, где еще остался модернизм или традиционное общество. В селе создан природно-фольклорный запо-

ведник для иностранцев. Им дают самим испечь хлеб в печи, поехать в поле на настоящем комбайне, поухаживать за лошадей, присутствовать на старинной деревенской свадьбе, сходить в баню и в церковь, которая, кстати, опять построена, а еще в селе есть музей и проч. Управляется все это туристической фирмой, а «селяне» наняты в качестве ее сотрудников и работают «ряжеными». Девки и парни в брак не вступают ни по традиции, ни по любви, и детей у них нет, потому что хлопотно. Разницы между городом и деревней почти нет, потому что город уже дошел до деревни по своим размерам, а в деревню провели интернет, газ и канализацию. Хочет Вася ездить на комбайне — пусть ездит, хочет Петя ходить с плугом — пусть ходит, главное, чтобы Вася не отбирал у Пети плуг, а Петя у Васи — комбайн, они должны быть толерантными к образу жизни друг друга.

10. Чем характеризуется период модернизации? Во-первых, гипертрофией технической области, упущением сферы культуры. Во-вторых, экологическими проблемами, что особенно характерно для Китая. В-третьих, невниманием к прошлому, даже его отрицанию, что опять-таки характерно для Китая, прошедшего через период «культурной революции», которая смела исторические памятники, превратив китайский пейзаж в индустриальный, пейзаж «советского типа». Только Шанхай и новый Пекин выглядят в западном стиле, но в неоиндустриальном, небоскребом. Здесь доминируют работа, а не отдых, материя, а не дух, необходимость, а не роскошь, стандарт, а не уникальность, функциональность, а не красота, техника, а не культура, искусственность, а не естественность, футуризм, а не историческая преемственность, монотипность, а не поликультурность, прагматизм, а не романтизм, износ, а не здоровье, эксплуатация, а не

возобновляемость, пирамидальность и менеджмент, а не анархия, не сеть, однополярность, а не интерактивность.

11. Более высокой ступенькой для всякого модернизма является постмодернизм. А постмодернизм — это и есть праздность, духовность, роскошь, уникальность, красота, экологичность, историчность, поликультуризм, романтичность, возобновляемость, здоровье, сеть, анархия, интерактивность. Если Россия хочет предстать для модернистских стран неким «образом будущего», чем-то завораживающим, она должна сделать постмодернистскую концепцию экспозиции!

12. Выставка должна стать самокупаемой. Считается, что итогом хорошей экспозиции являются подписанные контракты и заказы для предприятий, которые участвуют в выставке. Это иллюзия. Через выставку пройдут миллионы человек, большинство из них журналисты, зеваки, простые китайцы, гуляющие по Шанхаю. Контингент такой же, как посетители московского ВДНХ. Никаких контрактов эти люди не принесут.

Сверхзадача выставки не в том, чтобы посетитель, выходя, подумал: «Ох, какая у них крутая техника или достижения, я хочу что-то купить», тем более, что все технические новинки сольются для посетителя в один поток, и он уже с трудом к концу дня сможет отличить японского робота от немецкого (у робота же нет узких глаз и других национальных признаков, тем более, у какого-то нового материала и проч.).

Какую же задачу надо ставить себе, чтобы выставка самокупилась? Посетитель должен подумать: «Россия — интересная страна, я очень хочу там побывать!». Он должен подумать так сам и рассказать об этом другим, тем более, если он журналист. Миллионы турист-

тов принесут денег больше, чем несколько контрактов на какое-то оборудование каким-нибудь нашим средним новаторским фирмам.

13. Отсюда рабочий подспудный слоган российской экспозиции: «Россия будущего — это «туристическая сверхдержава».

14. По оценке всемирной туристической организации, Россия уже сейчас при имеющейся инфраструктуре может принимать до 40 миллионов туристов в год. Сейчас количество туристов не превышает 5 миллионов человек в год. В СССР, по разным оценкам, было до 10 миллионов туристов в год. Сегодня Россия в рейтинге туристических стран занимает позорное 59 место из 133 стран. Тогда как даже Канада, в которой нет никакой истории и теплых морей, занимает 5 место, опережая даже Австралию и Испанию! Рим посещает 15 миллионов туристов в год, а Москву до 4 миллионов. При этом у нас есть великолепная уникальная природа, взять ту же Камчатку, Байкал, Алтай, русский Север, Кавказ, фантастические исторические памятники. По оценке Росстата, в России действует 2400 музеев, 99 тысяч памятников истории и культуры, 140 национальных парков и заповедников, огромное количество рекреационных и оздоровительных учреждений и курортов, от летних до зимних.

15. Туристическая отрасль — огромный потенциал доходов. Если количество туристов будет увеличено до 50 миллионов человек в год, и каждый из приезжающих оставит в России хотя бы 1000 долларов, значит в экономику страны вольется 50 миллиардов долларов! Бюджет средней российской области не превышает одного миллиарда в год, значит, доходы от туризма способны удвоить казну каждого региона. Почему бы не использовать выставку ЭКСПО-2010 в качестве огромной промо-акции по привлечению потенциаль-

ных туристов!? Все возражения и трудности, которые могут стать на пути реализации проекта превращения России в мировую туристическую сверхдержаву, не являются предметом данного доклада, поскольку он посвящен выставке, а не реализации самого проекта повышения туристической составляющей в нашем ВВП.

Коротко можно указать: низкий уровень сервиса и коммуникаций не является непреодолимой проблемой. Во-первых, для туриста важно, чтобы он сразу представлял куда едет, а не заблуждался на сей счет (да, сервис тут ненавязчивый, зато все по-настоящему). Очень многие предпочитают именно такой некурортный и даже экстремальный туризм. Во-вторых, число туристов увеличивает и конкуренцию в этой сфере, а значит, будут снижаться цены за соответствующий сервис, Увеличение числа туристов ведет и к прогрессу в улучшении инфраструктуры и коммуникаций. Одним словом, все проблемы решаемы, надо только начать обеспечивать поток, создавать международную рекламу, которой сейчас никто не занимается, поскольку отрасль считается чем-то несерьезным. Между тем, она может приносить доходы не меньше, чем нефть, особенно она приемлема для России, которая прошла индустриальную фазу развития и повернуть ее на этот путь вновь проблематично.

16. Россия имеет уникальное позиционирование в мировом массовом сознании: это «самая большая страна в мире». Россию знают все, все проходят Россию в школах. Большинство государств не могут похвастать тем, что их знают во всем мире, следовательно, издержки на рекламу России, как места лечения и отдыха ниже, чем для многих других. Можно с уверенностью сказать, что 90% жителей земного шара и так хотели бы побывать в России, как самой боль-

шой и загадочной стране. Более того, 1,5 миллиарда в мире потенциально могут себе это позволить, и из этих 1,5 миллиардов — половина живет прямо рядом с Дальним Востоком! И это как раз целевая группа нашей экспозиции. Именно эти люди и будут основными посетителями выставки в Шанхае! В первую очередь, это огромный индустриальный Китай, средний класс которого уже составляет 200 млн. человек и этот средний класс может себе позволить отдыхать и лечиться в экологически приятном месте. Учтем, что сам индустриальный Китай имеет по всем экологическим оценкам самые неблагоприятные условия для жизни. Реальность большинства индустриальных районов это пыль, железо, бетон, при отсутствии зеленых деревьев, чистой воды и чистого воздуха даже в ближайшей сельской местности. Добавим к потенциальным потребителям 150 млн. богатых и интересующихся миром, любящих путешествовать японцев. Вспомним, что тут же поблизости находятся богатые Корея, Тайвань, Гонконг, Сингапур. Для них Россия — интересная северная экзотика. Напомним так же, что жители этих тропических территорий в отличие от нас страдают не от недостатка тепла, а от недостатка прохлады! Российский турист любит юг, а житель Гонконга выберет для отдыха север. Так же рядом находится и богатое западное побережье США. Если учесть и его, то мы обнаружим, что почти миллиард человек потенциальных туристов в данный момент вынуждены отдыхать и восстанавливать силы в других местах, зачастую очень далеко от места жительства, даже в другом полушарии. Действительно, никто даже потенциально, не может быть на этом поле конкурентом для России. Китай экологически неблагоприятен, Австралия в основном — пустыня, Тибет — горы, где из-за низкого давления невозможно дышать, и проч.

17. Если традиционализм воспроизводит прошлое, а модернизм его отрицает, то постмодернизм им играет, делает его основой роста, улучшает, наполняет новой начинкой, оставляя форму. В этой связи российская экспозиция на ЭКСПО может оказаться уникальной в силу того, что Россия окажется единственной страной, которая будет демонстрировать не авангард, а всю свою историю целиком. Но не просто демонстрировать, а продавать в новой упаковке.

18. Экспозицию имеет смысл представить как череду залов, каждый из которых соответствует особой исторической эпохе России и представляет одновременно какой-то российский регион. Экспозиция проводит посетителя одновременно от Аркаима, российского Стоун-хенджа, до полетов в космос, миниавиации и современного мирного атома и, от Калининграда до Камчатки, от Сочи и Кавказа до Ямала. При этом каждый регион представляется не так, как он выглядит, а как он хотел бы выглядеть через 10 лет.

С одной стороны, мы проектируем будущее, приукрашиваем настоящее, но с другой стороны, мы делаем это на основе уже имеющейся фактуры, а не просто рисуем фантастические города будущего, как это будут делать на своих экспозициях японцы и сингапурцы.

19. Есть идея представить всю экспозицию в виде огромной 3D карты России, Россия в масштабе 1 метр — 150 километров. Люди любят чувствовать себя великанами. Поэтому так популярны аттракционы типа «Мини-Европа» в Брюсселе или «Парк мира» в Пекине.

Посетители за полчаса проходят пешком через всю Россию, останавливаясь в различных регионах, рассматривая их лучшие экологические, архитектурные и технические достижения, покупая сувениры, прочитывая информацию на специальных информерах,

которые могут быть в виде экранов, спускающихся сверху, либо стоящих на земле.

20. В статье «Что нам делать с Дальним Востоком?» подробно представлена концепция развития Камчатки, что может стать примером для других регионов.

То же самое можно сделать и для Байкала, и для Золотого Кольца, и для Аркаима, и для Кавказа, и для Алтая.

21. Есть совершенно нетуристические, казалось бы, территории. Но даже индустриальный Кузбасс можно представить какой-нибудь шахтой, куда посетители будут спускаться в виртуальном путешествии. Сделать симулятор. Звездный городок или космодром Плесецк может заманивать возможностью зайти в космический корабль, а еще лучше посетить симулятор космического полета (без перегрузок, конечно). Москва и Питер и так красивы, их 10-метровые макеты и так всех поразят. Якутию можно представить алмазами, Новосибирск — какой-нибудь техникой. Каждый регион сделает достойную экспозицию. Надо только определить, сколько им будет выдано метров (то есть масштаб их региона), заставить написать все справки, предоставить видео на разных языках. Единый изготовитель макета потом все упакует в общий стиль.

22. Если кто-то спросит: «А при чем здесь город будущего?», ответ такой: в будущем нет города в привычном понимании слова. Города перестают расти вверх, они растут вширь, сливаются с деревней. Идет тотальная деурбанизация, переселение на природу в экологически чистую среду. То, что сегодня только дорогие туристы — завтра образ жизни каждого.

23. Очень важно, чтобы в каждом регионе посетителям выставки раздавали артефакты. Например, компакт-диски с видами Камчатки и Алтая, сделан-

ные лучшими фотографами; или компакт-диски с записью русского хорового пения и колокольного звона из региона Золотого Кольца; или классику XIX века из Петербурга. Все это обязательно прослушают дома и будут потрясены.

24. Неплохо было бы связать каждый регион с становившимся временем. Например, Золотое Кольцо с его макетами храмов и монастырей — это застывшее средневековье. Петербургу лучше представлять XVIII или XIX век. Каждый век представляет не только архитектура, но и музыка, картины, книги. Вообще на экспозиции должно быть очень много книг русских писателей в переводе на китайский и английский. Это точно никто не сделает из других стран. Их будущее — без книг, а мы в будущее книги берем. Это будет отмечено во всех отзывах.

25. В рамках этой концепции могут быть развиты различные моменты технического, креативного, интерактивного характера. А также шоу-добавления, эвенты в виде конференций, лекций, круглых столов.

На выставку надо вывести как можно больше наших знаменитостей. Главное — люди. Нет технического будущего без людей, а люди у нас самые лучшие. Пусть все великие во всех областях читают открытые лекции, проводят мастер-классы, играют, выступают.

26. Отдельно нужно продумать пиар-концепцию выставки. Ведь выставка может быть плохой, но отзывы в СМИ создадут впечатление, что экспозиция была самой лучшей. Поэтому пиар должен иметь в виду мировые СМИ, СМИ СНГ, российские СМИ и потом уже китайские СМИ. Важно обеспечить первые положительные отзывы и интерпретации, потом журналистское стадо уже пойдет в нужном направлении.

БУДУЩЕЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ (горячая десятка новаторских идей)

Отгремели жаркие баталии по поводу перехода на «болонскую систему», стихает канонада боев вокруг ЕГЭ, но никак не уходит тема реформ образования из повестки дня. Теперь вся общественность озабочена вопросом о новом законе, разрешающем платные предметы и образовательные услуги. Дескать, это делает образование платным...

Лично мне не хочется даже спорить на эту тему: платно, бесплатно, болонская система или советская, тестовая система ЕГЭ или смешанная, несколько вузов в стране или в каждом селе по вузу.. Все это дискуссии из начала 1990-х. Такое ощущение, что повестка дня как была задана 20 лет назад, так ее упорно и придерживаются разные дискутирующие группы. Достаточно иметь внутри этой повестки позицию и больше ни о чем не думать, ничего не читать. Наша политическая элита ментально застряла в начале 1990-х и их проблематике, и если она не расширит свои умственные горизонты, то, боюсь, реформировать в скором будущем будет нечего.

Первое, что надлежит переосмыслить — само отношение к образованию. Сегодня оно у нас является «социалкой», то есть нагрузкой на бюджет и экономику, статьей для иждивенцев, бюджетников, статьей затратной, которую можно увеличивать, только если много зарабатываешь, как в случае с роскошью.

Наличие хоть каких-то платных элементов в системе образования как бы говорит всем гражданам от имени государства: образование нужно вам, а не нам, поэтому граждане за него и должны платить. Если же понять другое, а именно:

А) образование — не затраты, а то, что создает стоимость в новейшей экономике и экономике будущего,

непосредственно влияет на ВВП государства и на лидерство государства на мировой арене;

Б) образованные люди есть основа государства, его стабильности и процветания прежде всего, а также основа гуманитарного, исторического лидерства государства на международной арене;

В) сфера образования — место, где воспроизводятся, просеиваются и куются государственные кадры в том числе; то все это приводит к пониманию, что Министерство образования должно быть переименовано в министерство будущего.

Какова наша образовательная система сейчас — такова наша страна через 20 лет. Это аксиома. Если мы понимаем, что траты на образование есть не что иное как инвестиции или реинвестиции государства в свое будущее вообще, в свою политическую стабильность, суверенитет и гегемонию, в экономическое процветание в новой экономике. А следовательно, траты на образование должны вырасти в пределе до 30 % бюджета государства, то есть в 10 раз. Это **второе**, что плавно вытекает из первого.

Мы должны тратить на образование не меньше, чем на оборону, а с учетом известной фразы, что «войну выигрывает школьный учитель», — это более чем целесообразно. Кроме того, образование выполняет и непосредственную оборонную функцию: государство, которое является гуманитарным и инновационным лидером, никто не хочет завоевывать, оно безмолвно само завоевывает всех своим превосходящим уровнем культуры.

Третье, что следует из второго: в образование мы должны привлечь или вернуть самые лучшие кадры. Сегодня ситуация такова: при имеющихся зарплатах в школе и вузах работают люди, которые больше нигде не востребованы. Почти все они с точки зрения на-

стоящих профессионалов, работающих в бизнесе или в науке, есть научные или карьерные неудачники, согласившиеся пахать за копейки. Надо, чтобы работа в школе была настолько высокооплачиваемой и престижной (а какой ей быть, если именно здесь куется будущее государства, а будущее мы можем доверить только самым лучшим людям, а не бездарям), что в школу бы стремились самые ведущие педагоги.

Впрочем, сама школа должна быть иной — это **четвертый** момент. Школа должна полностью измениться в соответствии с современными технологическими, гуманитарными и социальными достижениями.

Поразительно, но до сих пор у нас господствует старинная классно-урочная система Яна Амоса Каменского (впрочем, ее корни можно проследить до самого раннего средневековья). На уроках мы учимся шаблонно, учимся повторять, зубрить... Мы не учимся искать и делать открытия, не учимся творить. Наоборот, школа, убивает все творческое, она даже специально устроена для этого. Недаром лучшие люди XX века, хоть в науке, хоть в бизнесе, хоть в культуре, сохранили стойкую неприязнь к школе, а многие были троечниками.

Педагогическое новаторство должно стать не исключением, а правилом. Педагог, который не запатентовал новую методику, вообще не должен быть подпущен к детям. Если он умеет только копировать чужое, значит, и научит лишь копировать. Не хватит на всех таких учителей? А может, теперь их столько и не надо...

Новые технологии, и тут мы переходим к **пятому пункту**, прекрасно помогают большому количеству людей получать доступ к лекциям, семинарам и педагогическим материалам лучших эксклюзивных педагогов. Грубо говоря, в каждом вузе сейчас мы имеем

несколько звезд российского или мирового уровня и 75 % педагогического балласта.

Почему бы уже сейчас не записывать все лекции и семинарские занятия всех звезд по любому предмету на камеру и не транслировать онлайн? И, например, будущий физик будет учиться не у бывших троечников, а ныне доцентов какого-нибудь Курганского педагогического университета, а прямо у академиков и профессоров физфака МГУ или МФТИ.

Каких физиков сейчас плодят третьесортные вузы? Только третьесортных. Если мы соберем в онлайн все лучших преподавателей страны по каждому предмету и именно они будут читать в онлайн лекции для студентов соответствующей специальности, мы резко повысим качество обучаемых. Это позволит действительно сократить часть преподавательского состава или использовать его на семинарах, на доводах...

Впрочем, с вузами мы поторопились... В корне должна измениться методика преподавания уже в школе. Интернет не должен убить интерактив, наоборот, лекции онлайн от лучших преподавателей страны — это десерт, а вот постоянная работа должна быть, что называется, на свежем воздухе. **Это шестое** наше предложение.

Возьмем преподавание истории. Древний Египет мы должны проходить... в Египте, возле пирамид, Великий Новгород — на раскопках Рюрика города, а французскую революцию — в Париже. Химические опыты мы должны ставить прямо в КБ и на заводах, в изобретательских центрах и т.д. Изучение языков соответственно должно идти в языковой среде.

Дорого? Да, дороговато, но не будем забывать о возможностях социальных сетей. Если мы живем в эпоху глобализации, значит все школы мира можно увязать в соответствующую сеть: пусть к нам постоянно в не-

кие школьные гостиницы приезжают индусы и латиноамериканцы, пусть учат тут неделями русский язык и смотрят на наше Золотое Кольцо, Байкал, Аркаим, Санкт-Петербург, Север, Кавказ... А мы в это время будем ездить к ним. Траты только на билеты.

Это уже используется в туристических обменах, это используется и в элитных школах, в будущем это надо сделать правилом.

Все равно дорого? Позвольте, но ведь мы начали с того, что у нас на образование будет тратиться не 3 %, как сейчас, а 30 %, а чтобы ввести такую практику во все школы хватит и 10 % бюджета... Плюс речь идет не только о тур-поездках, дети должны обучаться на производстве, в фирмах и проч. Они там будут что-то элементарное делать, а значит, уже с раннего возраста зарабатывать, пусть не для себя, а для школы для начала.

Седьмое. Образование должно начинаться с более раннего возраста. Нам нужно избавиться от глупой «гуманистической психологии» (которую, кстати, я подверг критике в книге «Анти-психология») и прекратить говорить о том, что «ребенок устает», «не надо лишать его детства» и проч. Вся эта борьба за права ребенка приводит к тому, что у нас растут дегенераты и инфантилы, каких полно в Европе, первой внедрившей у себя эти нормы.

Данные антропологии и нейрофизиологии говорят о том, что именно в раннем возрасте мозг человека развивается особенно быстро и его удельный вес по отношению к телу наиболее велик. Именно в детстве ребенок легко может запомнить до восьми языков и обучается самым важным умениям: воображению, творческим способностям и проч. Между тем известно, что всякие маугли, которых пытались воспитывать, после пяти лет уже не поддавались воспитанию — что-то внутри них «закрывалось» навсегда.

Да что далеко ходить! По собственным детям я заметил, что в раннем возрасте они просто тянутся к учению: всем известен феномен «почемучек» в пять лет. В шесть лет все дети сами выучились читать, хотели знать все на свете, пришли в первый класс, и там им в результате нашей гуманной психологии обеспечивали такой расслабон, что они учились первое время шутя. Привыкнув за несколько лет к малым требованиям и к тому, что можно ни к чему не готовиться и все за пять минут до урока узнать и рассказать, в средней школе дети сталкивались с возросшей нагрузкой и резко «съезжали» в учебе.

Дальше — хуже: когда в 12 — 18 лет детей начинают интересоваться половые и социальные отношения больше, чем вопросы тригонометрии, им начинают тоннами вываливать на голову материал абсолютно неинтересный и уже не усваиваемый. Дети либо протестуют, либо начинают зубрить. И то и другое пагубно.

Учить и много учить надо именно тогда, когда ребенок этого больше всего хочет: с трех-четырёх до двенадцати-тринадцати лет. Форма обучения должна быть особой, так же как нужно изменить форму работы с подростками: особенности возраста должны не противоречить учебе, а быть задействованы в учебном процессе.

Сегодня мы теряем «золотое время» для обучения и нагружаем детей, когда груз для них невыносим. Мы судим о ребенке по физическому развитию (чем здоровее он сам, тем больше способен вынести), тогда как развитие способностей мышления идет в прямо противоположном направлении: чем оно моложе, тем сильнее (эту мудрость, кстати, знал еще Лао Цзы).

Восьмое. Многим известна так называемая «пирамида обучения». Грубо говоря, из прочитанного текста усваивается 10 % информации, из увиденного — 25 %,

из дискуссии — 50 %, из практики, эксперимента — 75 %, и 99 % информации усваивается из... «обучения других».

Мы все знаем: только тогда понимаешь вещь настоящему, когда объясняешь ее другому. Знать-то мы знаем, но это мало используется у нас в школе. Между тем, наставничество и тьюторство должно стать фундаментальной основой образования. То есть первоклассников должны обучать пятиклассники, пятиклассников — восьмиклассники, восьмиклассников — десятиклассники и т.д.

Ну скажите, кто доходчивее и на своем языке объяснит что угодно подростку: чуть более старший и авторитетный для него подросток или старая маразмизирующая бабка — преподаватель с 50-летним стажем»? Лучше объяснит подросток подростку. Да и сам наконец-то поймет, что объясняет. Плюс социальная ответственность юного воспитателя будет в нем воспитываться параллельно, плюс экономия на учителях в школе, плюс (поскольку наставников много, а не один учитель на 30 человек) можно формировать малые классы и группы, в которых, как замечено, качество обучения всегда лучше и индивидуальнее: человек не теряется в коллективе, он больше работает.

Девятое. В связи с этим возникает проблема своего рода «табели о рангах» или непрерывной лестницы образования, начинающейся с раннего детства и заканчивающейся... в старости. У нас сейчас система, которая предполагает, что закончив вуз, человек заканчивает образование. Те, кто идут в кандидаты и доктора — это уже академическая наука, особый класс людей.

На самом деле настоящее обучение продолжается всю жизнь, и человек может постоянно повышать квалификацию и накручивать себе новые опции и звания.

Эти звания могут быть основанием для повышения зарплаты, продвижения по службе, принятия на госслужбу и т.д.

Прошли времена, когда сын продолжал дело отца, отец — деда, родители уже не могли себе позволить одну профессию за одну жизнь, а новое поколение меняет в течение одной жизни несколько профессий. Поэтому вуз, который дает один диплом и одну специальность, безнадежно отстал от жизни.

Вуз сегодня дает только «корочки» — надо честно признать это. Настоящие компетенции мы получаем на практике. На работе в фирмах, на предприятиях и на специальных обучающих семинарах, иногда всего однодневных, в интернете, в специальной литературе, написанной практиками по горячим следам... Все это сейчас бессистемно и учитывается при приеме на работу кадровой службой весьма субъективно. Надо сделать так, чтобы получаемый опыт, пройденные семинары и опции служили основанием для присуждения различных образовательных рангов.

Такая довольно многоступенчатая модель существовала в китайской империи и работала прекрасно столетиями. Она помогала ориентироваться и делала прозрачными социальные отношения. Не мог сынок министра внезапно стать генеральным директором завода, не могла дочка президента, не побывав мэром и губернатором, оказаться в кресле советника этого же самого президента, не мог даже в простой частной фирме одноклассник учредителя быть замом директора, а кандидат наук — экспедитором.

Каждый в течение жизни стремился бы и повышать свой статус, то есть обучаться, постоянно защищать свой ранг, проходить испытания.

Лучше всего делить образование на кадры. С двух до шести лет — развитие способностей воображения,

языковых, творческих способностей, обучение языкам и проч., начальное обучение чтению, письму, элементарному счету.

С шести до 10 лет — время «почемучек» — максимальный объем информации мировоззренческого характера по физике, истории и проч.

С 10 до 14 лет — упор на социальные науки, этику, экономику, психологию и проч., причем всегда в практическом, жизненном варианте.

С 14 до 18 лет — то, что можно назвать «абсолютным знанием», то есть искусство, основы религии, философия, именно то, что интересует в это время юношей.

С 18 до 22 лет проходит начало специализации (кстати, специализироваться должны не по ложному направлению типа «гуманитарии и естественники», а по трем направлениям: науки о природе — физика, химия, медицина, техника и проч.; науки об обществе — политика, экономика, менеджмент, история, психология; и науки об абсолютном — все виды искусства, все виды богословия и философии). Специализация ведет к диплому бакалавра.

С 22 до 26 лет — диплом магистра, с 26 до 30 — диплом кандидата наук, с 30 до 34 — диплом доктора наук и так далее до 60—70 лет, причем низшие степени присуждаются степени, стоящей на одну или две ступени выше.

Человека надо поощрять и заставлять обучаться всю жизнь. Он должен стремиться сам (или обеспечить это на уровне закона) набирать каждые четыре года нужное количество курсов и практики, так же как сейчас мы обязаны учиться в школе.

Конечно, найдутся те, кто будет тормозить, не успевать и оставаться на второй год, причем, чем старше, чем таких будет больше, но таким образом они сами себя будут оставлять как бы на дне, чувствовать

не прошедшими социальные фильтры и тесты, а значит, не имеющими права на более жирный кусок общественного пирога.

И наконец, **десятое**. Допустим, мы создадим лучшую систему образования. А не получится ли так, как происходит и сейчас: начнем плодить кадры для развитых стран? Не убегут ли все наши гении в Америку и проч.?

Во-первых, в перспективе страна с новой системой образования станет и гуманитарным, и техническим, и экономическим лидером мира. Бежать будут сюда, а не отсюда. Но это не отменяет, что система образования должна выдавать не только профессионалов, но и патриотов!

Огромной бедой, обернувшейся трагедией для нашей страны, был технократический перекосяк в советском образовании. Будем честными: за реформы Ельцина и Чубайса голосовали все наукограды, они же рукоплескали и беловежским соглашениям. Все инженеры, физики и математики оказались беззащитны перед довольно примитивными манипуляциями.

Западное образование, особенно элитное, исходило из максимы, которую формулировал еще Аристотель: свободный человек обучается свободным искусствам и гуманитарным предметам, технические дисциплины — удел раба. Поэтому манипуляторы-гуманитарии играли с нашей технической интеллигенцией как кошки с мышками.

Технократы чаще всего становились и становятся легкой добычей всевозможных сект и лже-наук, у них не развиты соответствующий гуманитарный вкус и иммунитет, любая метафизика заражает их сразу и навсегда, тогда как гуманитарий в период обучения успевает иметь дело с десятком метафизиков, отрицающих друг друга и одинаково истинных.

Можно спорить о преимуществах разного образования, но все должны признать: государство заинтересованно, чтобы его граждане были патриотами, чтобы история страны преподавалась в течение всего периода обучения, а не один или два урока в неделю, тогда как математика почему-то четыре урока в неделю. Мы граждан какого математического государства растим??? 90 % того, что учим в школе, мы забываем уже через год и оно нам в жизни не пригодается. Мы в школах, в сравнении с остальным миром, учим естественные науки на уровне колледжей, а потом, благодаря этому, наши умные ученые едут в те же Англии и Канады обслуживать тамошних гуманитариев, специалистов по управлению и маркетингу.

Мы должны с ранних лет учить обществоведение и право. Почему в стране правовой нигилизм? Потому что мы вообще не знаем законов, устройства государственной системы, конституции. Не знаем, кто в стране за что отвечает, поэтому чуть что — валим все на президента или требуем от мэра повысить пенсии. Наши подростки не знают уголовного права и часто по глупости попадают на малолетку, где потом становятся профессиональными преступниками...

Предметы типа истории, родного языка, литературы, обществоведения, правоведения и проч. являются гражданиногосударствообразующими и должны занимать не менее половины объема всего преподавания.

Вот в каких направлениях надо думать. А мы все размышляем: копировать нам болонскую систему или нет?

Мы должны сами создать такую систему, которую все захотят скопировать у нас.

ИТОГИ ПРАВЛЕНИЯ В. ПУТИНА И БУДУЩЕЕ РОССИИ

Интервью Олега Матвейчева информационному агентству «Новый регион».

Корр. Чем были для России так называемые «нулевые годы»?

О.М. Это время перелома, время самых губительных для России тенденций, которые развивались еще со времен смерти Сталина. Тенденции, которые повели страну к краху, заложил еще Хрущев. Во времена Брежнева они продолжились, но тогда были сильны и позитивные моменты. Ну а при Горбачеве и Ельцине произошло полное разрушение. Возникли демографические проблемы, началась убыль населения, вся мерзость, которая раньше была подпольной, вылезла наружу, падение ВВП, как во время Второй мировой войны. В экономике мы от Гитлера пострадали не меньше, чем от перестройки и 1990-х годов. То же самое по демографии: если раньше был прирост по миллиону в год, то тут началась убыль по 500—700 тысяч в год. Если посчитать тех, кто не родился, и тех, кто убыл, — потери под 20 миллионов получатся.

В двухтысячные годы многие страшные тенденции удалось переломить. Впервые появился экономический рост, стали расти золотовалютные запасы. Появилась надежда. Впервые появилась какая никакая молодежная, кадровая политика. Наконец-то были отстранены от власти многие олигархи. В прошлом году впервые был прирост численности населения.

Появилось какое-то государство. Пусть поначалу плохое: после такого развала, после страшных 1990-х сразу и вдруг совершенное государство, совершенная страна не возникнет. Нужно время для восстановления.

Поскольку мы выходим из комы, мы еще очень слабые. Больного, который только вышел из комы и набирается сил, можно добить любым ударом и все положительные изменения повернуть вспять. **Тот же национализм, который сейчас поднимает голову, и другие вещи могут вернуть нас во времена перестройки.**

За период 2000—2007 годов ВВП России увеличился на 70 % и составил по итогам 2007 года около 33 триллионов рублей.

В 2007 году Россия обогнала Италию по объему ВВП, рассчитанному по паритету покупательной способности, и занимает 8 место в мире.

За 2000—2007 годы ВВП на душу населения в долларах в России вырос почти в пять раз. Так быстро не росла ни одна страна, за исключением Азербайджана (5,5), Китая — всего 2,5 раза.

ВВП на душу населения по текущему курсу в 2007 году превысил 9 000 долларов, что приблизительно соответствует аналогичному показателю в Чили (9,6), Литве (10,2) Мексике (8,4), Венесуэле (8,2). По итогам 1999 года этот показатель был на уровне 1340 долларов, и мы находились в группе следующих стран: Египет, Эквадор, Самоа, Свазиленд, Вануату, значительно уступая Намибии и Суринаму.

Инвестиции в основной капитал выросли за восемь лет в 2,6 раза, иностранные инвестиции — в 13,6 раза.

Индекс потребительских цен в 1999 году составлял 36,5 %, вплоть до 2006 года он планомерно снижался до 9 %, а в 2007 году увеличился до 11,9 %.

Объем золотовалютных резервов на 1.01.2000 года составлял 12,5 миллиардов долларов, на конец 2007 года — 476,4 миллиардов долларов.

Государственный внешний долг за 2000—2006 годы сократился со 148,5 миллиардов долларов (75,9 % ВВП)

до 48,6 миллиардов долларов (4,9 % ВВП). На 1.01.2008 года долг составил 2,3 % от ВВП.

В 1999 году государственный внешний долг превышал экспорт товаров и услуг в 1,6 раза, в 2000 году они были равны, а в 2007-м составлял от экспорта всего около 13 %.

Главное в 2000-х годах даже не экономический подъем, а духовный. За это десятилетие России в значительной степени удалось осознать и отрефлексировать то, что с ней произошло. Потому что в 1990-е годы мы были полными оленями и думали, что идем по столбовой дорожке цивилизации, демократию какую-то строили, либеральные ценности исповедовали. Думали, пока нам плохо, но вот-вот все изменится. Совершенно не понимали, что такое перестройка, Советский Союз, история, будущее.

А за 2000-е годы наши политологи, философы и вообще мыслящие люди более-менее отрефлексировали, что произошло. Было издано огромное количество позитивных книг про нашу историю. В этом смысле можно говорить о духовном подъеме. Возникла мода на патриотизм, которой не было ни в 1970-е, ни в 1980-е, ни в 1990-е. Всегда считалось, мол, «наша страна самая плохая в мире». В нулевые годы эта тенденция была переломлена. Сейчас большинство граждан страны считает Россию своим домом, любит и верит в нее и собирается жить здесь дальше. А это очень важно.

Одно из первых событий этого периода, которое хочется отметить, — укрощение олигархов. Все эти Березовские, Гусинские, Ходорковские. Это, можно сказать, было становление государства, потому что когда страной рулят богатые люди, они рулят в своих интересах.

Затем отмена губернаторских выборов. Это важное, ключевое событие, потому что эти выборы разрушали

страну и были катализатором негативных процессов. Была проведена большая административная реформа. Но отмена губернаторских выборов — в ней все-таки ключевая точка.

Российско-грузинская война — событие, которое показало, что мы можем «дать по зубам», если нужно. наших ребят там было всего 3000 против 15 тысяч грузинских солдат, и те убежали.

Есть еще вещи, которые хочется отметить, хотя их сложно назвать событиями. Строительство Северного и Южного потоков — как их назвать? И еще целый ряд больших глобальных строек. Стали строиться дороги, газопроводы и т.д. Строительство инфраструктуры одним событием, одним днем не обозначишь, но это важные и мощные вещи.

Корр. Но не являются ли эти успехи всего лишь следствием роста цен на нефть на мировом рынке? Мы — сырьевой придаток развитых стран. Если бы не нефть и газ, которые нам достались от природы, может, мы бы и начали думать собственными мозгами и что-то делать своими руками, как японцы, у которых нет полезных ископаемых, но живут они лучше всех. Пора слезать нашей экономике с «газовой иглы».

О.М. В человеческом обществе и в человеке ничего никогда не бывает «от природы», всегда всякая природная данность опосредуется культурно-исторической. Нефть и газ у нас не просто так, они не с неба свалились. Они обошлись нам в десятки миллионов жизней. Когда новгородцы шли на Север и воевали там с финно-уграми, когда казаки шли в свои сибирские экспедиции, когда православные миссионеры шли к диким народам — это уже тогда была борьба за землю, природные богатства. Мы отстаивали эту землю и ее богатства во всех войнах и нашествиях. И когда бились с поляками, со шведами, и с Наполеоном, и с Гитлером.

Сколько мы положили людей, чтобы наш суверенитет был над всеми этими землями и над этой природой? За все заплачено кровью наших прадедов и дедов, и мы не имеем права относиться к этим богатствам как к дармовщине.

А вспомним еще и сотни тысяч узников ГУЛАГа, чьим трудом осваивался север! Но мы не только сумели захватить эти богатства и отстоять их, но сумели их добыть, построить фантастическую сеть трубопроводов, окутавших сетью всю Евразию.

Поглядели бы вы на карты этих маршрутов! Мы контролируем кровеносную систему континентов! Всякий, кто говорит о сырьевом придатке и газовой игле и противопоставляет этому хай-тек в виде японских транзисторов и видеомagneтофонов, просто болван! Да такого хай-тека как в нефте- и газодобыче, строительстве трубопроводов, контрольно-измерительной системе порой нет даже в космической отрасли. В сравнении со сложностью этой техники японские чудеса в виде самопротирающихся унитазов и роботов-домохозяек просто смешны!

Япония! Нашли кого ставить в пример! Страну, которая уже 65 лет как потеряла свой суверенитет и не восстановила его, находится под игмом США. И дело не только в военных базах, полностью несамостоятельной внешней политике, отсутствию армии, но и в том, что японские капиталы утекают в США, то есть Япония находится у Америки и в экономическом рабстве. Страна с великой имперской историей деградировала до такой степени, что даже не чувствует своего исторического позора. Впрочем, в XXI веке американское иго, скорее всего, будет свергнуто, что, правда, не принесет автоматически ничего хорошего. Будущее Японии весьма печально, ее демографические показатели ужасны, ее

экономика в застое уже 25 лет. Дальше только путь вниз.

Корр. Были ли все-таки ошибки и недостатки у нашего руководства?

О.М. ОТНОШЕНИЕ К МОЛОДЕЖИ — ГЛАВНАЯ ОШИБКА ДЕСЯТИЛЕТИЯ. Поколение «нулевых» — это самое страшное, главный недостаток и упущение этого периода. То, что демократы во времена Чубайса подмяли под себя систему образования, это чувствуется — она подмята до сих пор.

Я профессор, преподаю в одном из лучших вузов России — в Высшей школе экономики. Студенты меня иногда приводят в ужас. Я представляю, что делается в других вузах. Выросло целое поколение молодых людей, которое совершенно ничего не знает. У них абсолютно потребительский образ жизни, воспитанный на меди, рекламе, на интернете и т.д.

То, что это произошло, очень страшно. В 2000-х мы занимались нефтью, строили дороги и газопроводы, увеличивали золотовалютные запасы, расплатились с внешними долгами. Много достижений у Путина, ничего не скажешь, Медведев модернизацию делает, все в порядке. Но сфера образования была абсолютно упущена, и мы еще хлебнем горя с молодежью.

Корр. Ну а рост чиновничества, всесилье административного ресурса?

О.М. По данным Всемирного банка, доля чиновников по отношению к численности населения в нашей стране составляет менее 1 %, что значительно меньше, чем в развитых странах мира. Доля чиновников в населении Бразилии составляет 1,5 %, в Чили — 1 %, в Китае — 1,6 %. В развитых странах в госаппарате занято гораздо больше: в Германии — 6,1 % населения, США — 6,8 %, Швеции — 11,7 %.

Сейчас в России на 1000 жителей приходится в среднем семь чиновников, тогда как в Австрии соответствующий показатель составляет 14, в Америке — 7,8, в Великобритании — 8,8, во Франции — 12,4, а в Швеции — целых 16,8.

«Ведомости» сообщили, что президент Дмитрий Медведев отозвался на предложение Минфина и поручил российскому правительству подготовить предложения о сокращении численности чиновников на 20 %. В угоду кровожадной толпе.

Уже представляю, как улюлюкает «демократическая общественность». Аппарат наш и так не справлялся из-за низкой численности и не особенного профессионализма из-за разрушенной демократами системы отбора кадров (сейчас основной принцип отбора — «связи»). Профессионалами быть завтра все не смогут, а численность сократят (причем, оставят «блатных», а выкинут опытных стариков и неблатных профессионалов), то есть справляться со своей работой государство будет еще на 20 % хуже. Красота... Зато горлопаны довольны...

Государство будет работать хуже, значит больше вызывать критики — значит можно опять орать и добиваться сокращений, третирования чиновников, устраивать марши несогласных, майданы и проч. А в итоге его совсем прикончить — на радость НАТО, Китаю и прочим «доброжелателям».

Есть популистское мнение, что у нас много «дармоедов». Есть научное мнение: у нас недостаток чиновников в сравнении с развитыми странами. Есть каждодневная реальность, совершенно парадоксальная. Мы постоянно в любом ведомстве слышим одно и то же: «Вас тут много, а я — одна» и видим волокиту, что свидетельствует о нехватке кадров в разных ведомствах. Но именно из-за этой волокиты мы этих же чи-

новников ненавидим и желаем, чтобы их стало меньше! О как!

Сколько же нужно чиновников? Медведев собирает совещание о сокращении чиновников, и Минфин озвучивает цифры: сколько надо сократить в каждом году. Медведев задает вопрос: «А кто-нибудь считал, сколько их вообще нужно? Надо посчитать, чтобы мы знали куда идем». Ответ С. Собянина: «Таких расчетов не существует».

СТОП! С этого места подробнее. Нет расчетов. Почему тогда совещание посвящено сокращению, а например, не увеличению численности??? Уже заранее все решили без всяких расчетов. Уже Минфин концепцию сокращения подготовил: то есть люди сидели, работали и зарплату получили за эту концепцию, не ведая, что делают и куда идут стратегически. В угоду популизму. В значительной степени сейчас идет реставрация 1990-х.

Корр. Почему вы так считаете?

О.М. Взять хотя бы такой признак как преступность. Страну сотрясают заказные убийства, криминальные авторитеты делят власть, а мы уже два года кряду во всех СМИ только и «полоскаем» милицию, проводим реформы, которые ее добивают. Потворствуем криминальной антиментовской идеологии, которой заражен весь народ, слушающий с утра до вечера шансон... чтобы понравиться этому «народу»...

Пять Героев России посмертно только в этом году было у «ненавистных ментов». Кто-то назвал их именами улицы? Кто-то показал хотя бы десятую долю от передач, про Евсюкова?

Что нас ждет после выхода из 10—15-летних сроков заключения всей братвы из 1990-х... А их десятки тысяч!!!

Своими неуклюжими реформами МВД выпустило джина из бутылки. Покушение на Деда Хасана, авторитета всея Руси, по странному стечению совпало с примечательной датой. Два года назад, как раз в сентябре, была упразднена вся система МВД по борьбе с оргпреступностью. Странного, впрочем, здесь ничего нет. Одно событие прямо вытекает из другого. Именно ликвидация УБОПов во многом привела к новому криминальному переделу и, как следствие, к резкому всплеску преступности. Профессионалы уже говорят о возвращении «лихих 1990-х». Убийства преступных авторитетов, бизнесменов, банкиров вновь захлестывают страну. Расстрел Деда Хасана — наглядное тому подтверждение. А вспомним убийство Япончика и его похороны как главное событие месяца. А бойня в столице Куцевской?

Корр. Что нас ожидает и каков Ваш прогноз на будущее?

О.М. Картина будущего представляется очень просто. Через год-два-три мы пройдем ключевую точку, которая определит дальнейшую судьбу России.

Либо те позитивные тенденции, что сейчас развились, усилятся, накопленный потенциал выстрелит, как сжатая пружина, и мы, так сказать, рванем. Пойдет бурный экономический рост, скачек, модернизация. Мы начнем всех удивлять — попрет креатив. Продукция российского производства будет распространяться по всему миру. Олимпиада, чемпионат мира по футболу... Россия пойдет вперед огромными темпами. Это первый вариант.

Второй вариант: позитивные тенденции будут сломлены. Нас захватят национализм, разруха. Бедный пойдет на богатого, богатый на бедного, кавказец на русского, русский на татарина. В общем мы переживем перестройку-2, что будет означать уменьшение

О. Матвейчев

границ, отпадение каких-то регионов, парад суверенитетов. Опять-таки, демократию, выборы: то есть те же 1990-е годы, криминал и полнейший ужас.

Ровного, чахлого варианта, что мы будем по 3—5 % двигаться, нам не видать. Либо взлетим на всех парах, либо скатимся к едрене фене.

Какой из вариантов реализуется, зависит от нас. Всякий, кто сеет любую рознь, национальную, социальную, ругает чиновников, ругает милицию, ругает народ, вообще все что угодно ругает, всякий, кто в принципе критикует страну, говорит, что у нас что-то плохо, что-то не так — это человек-«медведь». Здесь я употребляю биржевые термины. На фондовом рынке есть «быки», которые вверх тянут, и «медведи», которые рынок валят. «Медведи» валят рынок негативными новостями: это плохо, коррупция, чиновники, любой вот такой критикой. «Быки» говорят: «Ребята, вперед, у нас все нормально, мы все можем».

Я считаю, что «медведей» всех и всю их деятельность нужно запретить федеральным законом. И тогда мы попрем вперед.

Открывая свои уста, каждый из нас должен контролировать, чтобы из них не исходила никакая гадость про страну. И тогда со страной все будет в порядке. Это как самосбывающийся прогноз. Будешь говорить ерунду — будешь жить в ерундовой стране, будешь позитив говорить — будешь в позитивной стране жить.

Содержание

Суверенитет духа	
Проект и урок Петра Великого	
Александр I — загадка русской истории, или о государстве и народе	
Насилие и идеология	
Кто виноват?	
Что делать? «Зеленая революция» как выход из кризиса	
Гуманитарный «манхэттенский проект»	
За перевоспитание олигархов!	
Ре-акция и историческое творчество	
Государство и коррупция	
Что нам делать с Дальним Востоком?	
О патриотизме и молодежи	
Что такое модернизация?	
Империализм против национализма	
Россия как туристическая сверхдержава	
Будущее образовательной системы	
Горячая десятка инновационных идей	
Итоги правления Путина и будущее России	

Документально-историческое издание

Олег Анатольевич Матвейчев

**ЧТО ДЕЛАТЬ, РОССИЯ?
ПРОРЫВНЫЕ СТРАТЕГИИ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ**

Формат 84×108 ¹/₃₂. Гарнитура «Ньютон».

Печать офсетная. Бумага офсетная.

Усл. печ. л. 23,52. Тираж 0000 экз.